

Анна Ли

∞ BOOK IN STYLE ∞

Боперник

Серия
*Потерянная
дружба*

От автора бестселлера «До тебя»

ПЕНЕЛОПА ДУГЛАС

Annotation

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления. Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Оригинальное название: "Rival" Penelope Douglas (Fall Away #2)

Серия: Fall Away. Потерянная дружба #2

Перевод: Анна Ailin Ли

Редактирование: Наталья Павлова, Анна Ailin Ли, Elly

Русификация обложки: Альбина Анкудимова

Переведено для группы: http://vk.com/book_in_style

Предупреждение: В книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера

Любое копирование без ссылки на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Мэдок и Фэллон. Два никому ненужных подростка, которые играют в игры, стирающие границы между любовью и враждой...

Она вернулась.

Все три года с момента отъезда в школу-пансион от нее не было вестей. Раньше, когда мы жили в одном доме, она игнорировала меня днями, а затем ночами оставляла дверь своей спальни открытой.

Тогда я был глупцом, но сейчас готов одержать победу над Фэллон ее же собственными методами.

Я вернулась.

Даже спустя три года могу с уверенностью сказать, что Мэдок до сих пор меня хочет, хоть и ведет себя так, будто я хуже него.

Но меня не испугать. И не одолеть. Я вывожу его на чистую воду и бросаю ответный вызов. Он же именно этого хочет, верно? Пока броня вокруг моего сердца цела, Мэдок не узнает, насколько глубоко может меня ранить.

Эта книга посвящается моему мужу.

Милый, я знаю, что жизнь без меня была бы невыносимой, но без тебя жизнь была бы невыносимой И скучной.

- [Пенелопа Дуглас](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [Саундтрек](#)
 - [Порядок книг в серии](#)
-

Пенелопа Дуглас
Соперник

Пролог

Фэллон

Были люди, которые мне нравились и которые не нравились. Люди, которых я любила и которых ненавидела.

Но существовал лишь один человек, которого я любила ненавидеть.

– Почему ты так поступаешь? – послышался жалобный девичий голос, когда я свернула в коридор, направляясь к спортзалу для десятиклассников.

Замерев на месте, увидела краснолицую Татум Брандт, стоявшую перед моим сводным братцем-идиотом, Мэдоком Карутерсом, и его другом, Джаредом Трентом. Они пристроились возле личных шкафчиков с непробиваемыми физиономиями, словно им было скучно, а она цеплялась за лямки своего рюкзака, как за спасательный круг.

– Вчера ты залаял мне вслед, – продолжила Татум, сдвинув брови и глядя на Джареда, в то время как Мэдок ухмыльнулся у него за спиной. – После чего все твои друзья начали повторять за тобой. Прошла целая вечность, Джаред. Когда ты остановишься? Зачем ты все это делаешь?

Я протяжно вздохнула, исполнив привычную, мастерски отработанную комбинацию – закатила-глаза-покачала-головой.

На дух не переносила повороты. И закрытые двери.

Терпеть не могу, когда путь вперед скрыт.

Поворот №1: *Мы с твоим отцом разводимся.*

Поворот №2: *Мы переезжаем. Снова.*

Поворот №3: *Я выхожу замуж. Снова.*

Поворот №952: *Ты мне не нравишься, и мой муж тоже, и его сын, поэтому я буду путешествовать в одиночку по пятнадцать раз за год!*

Ладно, моя мама не говорила последнего, но я чертовски хороша в интерпретации. А повороты все равно отстой.

Отступив назад, засунула руки в карманы своих узких джинсов, собираясь посмотреть, что же эта девочка сделает. Может, она наконец-то наберется мужества, которого не доставало этим двум болванам? Я продолжала надеяться, что Татум ответит на вызов, однако она постоянно меня разочаровывала.

Татум Брандт – тряпка.

Мне было мало что о ней известно. Все, помимо Мэдока и Джареда, называли ее Тэйт. По виду она походила на рокершу, но, по сути, никогда не рисковала, а еще была очень красива. Прямо классическая чирлидерша.

Густые белокурые волосы? Несомненно.

Огромные голубые глаза, которые искрились от улыбки, даже когда она не улыбалась? Определенно. Хотя в последнее время улыбалась Татум все реже и реже.

Длинные ноги, пухлые губы, большая грудь? Даже в шестнадцать лет.

Идеальный набор. На месте своего сводного брата я бы без проблем ее поцеловала. Черт, да я и сама не прочь.

Думая об этом, прикусила нижнюю губу. Да, я могла бы стать лесбиянкой. Возможно. Если бы захотела.

Нет, проехали.

Суть вот в чем... почему Мэдок и Джаред издевались над Татум, вместо того, чтобы с ней встречаться, оставалось для меня загадкой.

Только по какой-то причине мне было любопытно. С начала девятого класса они оба изводили ее. Распускали сплетни, оскорбляли, делали все, что в их силах, чтобы она была несчастна. Они нападали, а Татум отступала раз за разом. Это начинало меня бесить настолько, что я была готова стукнуть этих двоих головами, чтобы защитить ее.

Но я была едва с ней знакома. А меня она вообще не знала. Я держалась столь обособленно, что меня и эхолокатор бы не обнаружил.

– Почему? – ответил Джаред вопросом на вопрос, нагло вторгшись в ее личное пространство. – Потому что от тебя воняет, Татум. – Он сморщил нос с наигранным отвращением. – От тебя несет... как от шавки.

Тэйт мгновенно выпрямилась; из ее глаз все-таки пролились слезы.

Двинь ему по яйцам, стерва!

Разъяренно выдохнув, я поправила очки на переносице. Всегда так делала, настраивая себя.

Она покачала головой.

– Ты даже не помнишь, какой сегодня день, не так ли? – Закусив свои дрожащие губы, Тэйт опустила взгляд в пол.

Даже не видя ее глаз, я знала, что в них увижу.

Отчаяние. Утерю. Одиночество.

Больше не взглянув на него, она развернулась и ушла.

Было бы так просто ударить его. Оскорбить в ответ. Пусть я презирала ее слабость, однако сейчас поняла одну вещь, которую не осознавала раньше. Джаред был засранцем, но засранцем, способным причинить ей боль.

Тэйт его любила.

Скрестив руки на груди, подошла туда, где стояли парни, провожая ее взглядами.

– Что это значит? Какой сегодня день? – спросил Мэдок.

Джаред пожал плечами.

– Понятия не имею, о чем она.

– Сегодня четырнадцатое апреля, – встряла я, заставив Мэдока обернуться. – Тебе это о чем-нибудь говорит, остолоп? – обратилась к Джареду.

Мэдок вздернул русую бровь, с намеком на улыбку во взгляде. Джаред отвернулся; мне был виден лишь его профиль.

– Четырнадцатое апреля? – прошептал он, затем с силой зажмурился, пробормотав: – Дерьмо.

Мэдок отпрянул назад, когда его друг ударил ладонью по дверце ближайшего шкафчика.

– Какого черта? – Он нахмурился.

Проведя рукой по лицу, Джаред покачал головой.

– Ничего. Не обращай внимания, – прорычал он. – Я пошел на геометрию. – Засунув кулаки в карманы, Джаред двинулся дальше по коридору, оставив нас с Мэдоком наедине.

Между моим сводным братом и его товарищем, последнего я уважала больше. Они оба были первоклассными гадами, только Джареда, по крайней мере, не заботило мнение окружающих. Он слонялся по школе, представляя собой странную помесь спортсмена и гота. Популярный и зловещий. Угрюмый, но невероятно желанный.

Мэдоку, с другой стороны, было не безразлично, что о нем думали. Наши родители. Директор. Большинство школьников. Ему нравилось быть любимчиком, и он ненавидел свою ассоциацию со мной.

Будучи десятиклассниками, эти двое уже обретали власть, которая выйдет из-под контроля к выпускному году.

– Вау, какой же твой дружок неудачник, – поддразнила я, засунув руки в задние карманы.

С игривой полуулыбкой и беспечным взглядом Мэдок сосредоточил внимание на мне.

– Как и твои дру... – он умолк. – Ох, верно. У тебя нет друзей.

– Не нуждаюсь в них, – парировала я. – Одной в дороге легче. Я уеду отсюда. Сам знаешь.

– Ага, уедешь. В химчистку загляни по пути, Фэллон. Мои рубашки надо забрать. – Он надменно разгладил ладонью свою темно-синюю рубашку от Аберкромби. Вкупе с его потертыми джинсами, черным паракордовым браслетом и стильно уложенными русыми волосами, было очевидно – Мэдок одевался, чтобы произвести впечатление. Девчонки

таскались за ним стаями, потому что он отлично выглядел, мог навешать лапши на уши даже слону и любил развлекаться. В сущности, Мэдок был веселым парнем.

И он всегда заставлял меня чувствовать себя никчемной.

Я не держала язык за зубами, но, если честно, все мои речи предназначались скорее для моих собственных ушей, чем для других. Мэдок – это дизайнерская одежда. Я – универмаг Таргет. Он – Годива. Я – Сникерс. Сам себя он считал привилегированным. А я – дочь алчной шлюхи, охмулившей его отца – жила за чужой счет.

Для Мэдока я была не лучше грязи у него под ногами. *Пошел он.*

Окинув его наряд снисходительным взглядом, сказала:

– Твои рубашки. Супер-стильные, позволь напомнить. Гей-сообщество может тобой гордиться.

– Ты бы тоже могла одеваться получше. Мой отец прилично платит твоей мамаше за ее услуги, в конце концов.

– Одеваться получше? Например, в мини-юбки, какие носят твои пассии? – с вызовом спросила я. Пора преподать урок этому мелкому засранцу. – Большинству парней, Мэдок, нравится кое-что другое. Знаешь, почему тебе хочется видеть меня в "хороших", откровенных вещах? Потому что, чем больше я показываю, тем меньше скрываю. Я тебя пугаю.

Он покачал головой.

– Ничего подобного, младшая сестренка.

Младшая... Я была всего на два месяца младше. Мэдок всегда использовал подобную хрень, чтобы меня разозлить.

– Я не твоя сестренка, уж тем более не младшая. – Я сделала шаг вперед. – У меня есть друзья. И многие парни во мне заинтересованы. Им нравится, как я выгляжу. Я не собираюсь соглашаться с тобой или чванливыми стандартами наших родит...

– Вау, мне скучно, – он перебил меня, вздохнув. – Меня не интересует твоя жизнь, Фэллон. За праздничными ужинами, время от времени дома – вот единственные ситуации, при которых я хотел бы тебя лицезреть.

Я вздернула подбородок, пытаюсь не выдать лишнего. Меня это не ранило. Ни его слова, ни его мнение. Ком из горла опустился ниже, отчего неизменный узел в животе завязался еще туже. То, что он сказал – неважно. Я себе нравилась такой, какая есть. Никто не указывал мне, что носить, как себя вести, к каким кружкам присоединяться... Я принимала самостоятельные решения. А Мэдок – марионетка. Пустьшка.

Я свободна.

Не получив от меня ответа, он начал отходить спиной вперед.

– Предки вечером не вернутся. Я устраиваю вечеринку. Не мешайся под ногами. Можешь спрятаться в помещении для прислуги, где тебе и место.

Глядя ему вслед, понимала, что не слушаюсь.

И потом об этом пожалею.

Мэдок

Два года спустя

– Seriously? – воскликнул я. – Она может ехать еще медленней? – спросил у Джареда с заднего сиденья G8 его девушки, сцепив руки на макушке.

Тэйт, сидевшая за рулем, обернулась и посмотрела так, словно хотела вонзить нож мне в череп.

– Я преодолеваю резкий поворот со скоростью около 80 км/ч на нестабильной грунтовой дороге! – заорала она. – Это не настоящая гонка. А тренировка. Я тебе уже об этом говорила! – отчитала она меня с каменным лицом.

Уронив голову на подголовник, вздохнул. Джаред сидел на пассажирском сиденье, упираясь локтем в дверцу и уткнувшись лбом в ладонь.

Сегодня суббота, а значит, до первой реальной гонки Тэйт на нашем местном импровизированном треке, Петле, оставалась неделя. Вот уже три часа мы торчали на Пятой трассе. Каждый раз, когда эта мелкая вредина понижала передачу слишком быстро или поздно выжимала газ, Джаред молчал... но не я.

Он не хотел ранить чувства своей девушки, а вот мне было параллельно. Зачем с ней осторожничать? Я не пытался залезть ей под юбку.

Больше не пытался, во всяком случае.

В старших классах Тэйт и Джаред большую часть времени ненавидели друг друга. Сражались с помощью слов и провокационных выходок. Это была самая длинная прелюдия, какую я только видел. Сейчас же они были безумно влюблены, прям как Ромео и Джульетта. Порно-версия.

Джаред обернулся, однако в глаза мне смотреть не стал.

– Вылезай, – распорядился он.

– Что? – выпалил я. У меня глаза округлились. – Но... но... – произнес, запинаясь, и заметил триумфальную улыбку Тэйта в зеркале заднего вида.

– Без "но", – рявкнул Джаред. – Бери свою машину. Она может с тобой погонять.

Я почувствовал выброс адреналина от перспективы настоящего

веселья. Тэйт без сомнения могла одолеть девицу, которая понятия не имела, что делать, но ей еще многому предстояло научиться, набраться смелости.

И тут вступаю я.

Хотел улыбнуться, но не стал, а только закатил глаза.

– Что ж, будет скучно.

– Ох, ты такой забавный, – съязвила Тэйт, еще крепче сжимая руль. – Из тебя получается отличная двенадцатилетняя девочка, когда ты начинаешь ныть.

Я открыл заднюю дверь.

– К слову о нытье... хочешь поспорить на то, кто будет плакать в конце дня?

– Ты будешь, – ответила она.

– Нет.

Тэйт схватила упаковку салфеток и швырнула мне.

– Вот. На всякий случай.

– О, смотрю, у тебя запас наготове, – парировал я. – Потому что часто плачешь, да?

Она резко обернулась.

– Tais-toi! Je vous détes... [фр.: Заткнись! Я тебя ненави...]

– Что? – перебил ее. – Что ты сказала? Я – секси, и ты меня любишь? Джаред, ты знал, что у нее есть чувства...

– Довольно! – заорал он, заткнув нас. – Черт бы побрал вас обоих. – Джаред вскинул руки вверх, переводя взгляд с меня на Тэйт, словно мы были нашкодившими детьми.

Мы с ней молчали несколько мгновений, затем она прыснула от смеха, и я тоже расхохотался, не сдержавшись.

– Мэдок? – процедил Джаред, практически не разжимая зубов. – Выйди. Сейчас же.

Подхватив свой телефон с сиденья, сделал, как было сказано, только потому, что знал – мой лучший друг уже достаточно натерпелся.

Я весь день подначивал Тэйт, шутил, пытался отвлечь Джареда. Она наконец-то должна была выступить против серьезного оппонента. Хотя мы с Джаредом и работали с ней, все равно прекрасно понимали, что на треке всякое случается. Постоянно. Но Тэйт настаивала, что справится.

А если Тэйт чего-то хочет, она это получает. Мой друг прочно попал под каблук этой девчонки.

Я пошел обратно к въезду на дорогу, где мой серебристый GTO стоял у обочины. Одну руку сунул в карман за ключами, а второй вытер лоб.

Сейчас только начало июня, но погода уже стояла жестокая. Температура пока поднималась не слишком высоко, однако влажность все усугубляла. Моя мама приглашала меня в Новый Орлеан на лето, на что я ей категорично ответил "черта с два".

Да, мне бы так понравилось истекать потом, пока ее муж пытался бы научить меня ловить креветок в Заливе.

Нет уж.

Я любил маму, однако возможность получить дом в безраздельное пользование, пока папа оставался бы в своей квартире в Чикаго, бесспорно, выглядела куда заманчивее.

В ладони защекотало от вибрации. Я опустил взгляд на свой телефон.

Помяни дьявола.

– Эй, что случилось? – спросил у отца, подойдя к своей машине.

– Мэдок. Рад, что ты ответил. Ты дома? – Его голос прозвучал непривычно обеспокоенно.

– Нет, но скоро собираюсь туда. А что?

Папа редко появлялся в Шелбурн-Фоллз; практически жил в Чикаго, так как адвокатские обязанности в серьезных судебных процессах делали его график ненормированным. Он постоянно отсутствовал, но зато так с ним было проще находить общий язык.

Отец мне нравился. Но я его не любил.

Моя мачеха пропадала неизвестно где весь год. Путешествовала, навещала друзей. Ее я ненавидел.

Еще у меня была сводная сестра... где-то.

Из домашних я любил только Эдди, нашу домработницу. Она следила за тем, чтобы я ел овощи, подписывала разрешения от родителей для школы. Она – моя семья.

– Эдди звонила утром, – пояснил папа. – Фэллон объявилась.

У меня перехватило дыхание; я едва не выронил трубку.

Фэллон?

Упершись ладонью в капот, опустил голову, пытаюсь разжать челюсти.

Моя сводная сестра вернулась. Почему? Почему сейчас?

– И? – огрызнулся я. – Какое отношение это имеет ко мне?

– Эдди собрала твои вещи. – Он проигнорировал мой вопрос. – Я переговорил с мамой Джареда. Ты останешься у них на несколько недель, пока я более-менее не разберусь с делами. Тогда уже вернусь домой и все улажу.

Чего-чего? Я с такой силой сжал телефон, что он без малого не треснул.

—Что? Почему? — выкрикнул, тяжело дыша. — Почему я не могу остаться в собственном доме?

С каких пор она получила право распоряжаться? Ну, Фэллон вернулась. Подумаешь, великое событие! Пусть пошлет ее на все четыре стороны. Почему ссылают меня?

— Ты знаешь, почему, — ответил отец угрожающим тоном. — Не возвращайся в дом, Мэдок.

И он сбросил вызов.

Я замер на месте, изучая отражение деревьев на капоте моей машины. Мне приказали остаться у Джареда, куда Эдди привезет мою одежду, и не возвращаться домой впредь до следующего распоряжения.

И в связи с чем?

Зажмурившись, покачал головой. Я знал причину.

Она вернулась, а нашим родителям все было известно. Все, что случилось два года назад.

Но это не ее дом. Никогда не был. Я прожил в нем восемнадцать лет. Фэллон же провела там гораздо меньше времени после свадьбы наших предков и исчезла пару лет назад.

Я проснулся однажды утром, а ее и след простыл. Ни прощания, ни записки, ни весточки с тех пор. Родители знали, где она, но не я. Мне было запрещено спрашивать о местонахождении Фэллон.

Меня оно в любом случае не интересовало.

Но я определенно хотел провести лето в своем собственном доме, черт возьми.

Два часа спустя я сидел в гостиной Джареда с его братом Джексом, выжидая, когда их мать перестанет следить за нами, словно ястреб. Чем дольше ждал, тем сильнее мне хотелось на что-нибудь отвлечься. В комнате у Джареда было припасено море выпивки, которую я утащил из погреба отца. Пришла пора начать разминку перед субботним вечером. Джекс играл в видео-игры, развалившись на диване, а Джаред поехал делать новую татуировку.

— Это не выход из сложившейся ситуации, Джейсон, — слышался громкий шепот Кэтрин Трент с кухни.

Мои брови взметнулись вверх. Джейсон? Это же мой отец.

Я увидел, как она ходила по кухне с телефоном у уха.

Кэтрин называла моего отца Джейсоном? Полагаю, ничего удивительного. Его так зовут. Но все равно странно. Не многим было позволено обращаться к отцу по имени. Обычно в ход шли "мистер

Карутерс" или "сэр".

Поднявшись с дивана, прошел в столовую, прилегавшую к кухне.

– Это твой сын, – сказала Кэтрин. – Ты должен приехать и все уладить.

Засунув руки в карманы, я прислонился спиной к стене возле двери. Она замолчала на несколько мгновений; был слышен лишь звон посуды. Похоже, Кэтрин разгружала посудомоечную машину.

– Нет, – снова послышался ее голос. – Одна неделя. Максимум. Я люблю Мэдока, но дело касается твоей семьи, и им нужен ты. Тебе не отвертеться. У меня уже есть два тинэйджера. Знаешь, что они делают, когда я пытаюсь назначить комендантский час? Смеются надо мной.

Я разрывался между желанием улыбнуться и раздраженно сжать кулаки.

– Я здесь, – продолжила Кэтрин. – Я хочу помочь, но он нуждается в тебе!

Ее шепот был бесполезен. Моим отцом невозможно помыкать, не повышая при этом голоса.

Глянув на Джекса, заметил, что он поставил игру на паузу и наблюдал за мной, приподняв бровь.

Покачав головой, Джекс шутливо произнес:

– В жизни не соблюдал комендантский час. Хотя ее попытки весьма трогательны. Я люблю эту женщину.

Джекс – сводный брат Джареда. У них один отец, но разные матери. Большую часть жизни он провел со своим папашей-садистом, который сейчас сидел в тюрьме, или в приемных семьях. Прошлой осенью мой папа помог Кэтрин забрать Джекса к себе. Все хотели, чтобы братья воссоединились.

Особенно сами братья.

Мы с Джаредом дружили с девятого класса, но теперь, когда он нашел родственную душу и любовь всей своей жизни, я виделся с ним не так часто, как прежде. Поэтому сблизился с Джекомсом.

– Пошли. – Я дернул подбородком. – Прихвачу бутылку из комнаты Джареда, и валим отсюда.

– Покажи мне ваши самые большие шары, – распорядился я, максимально понизив голос и прищурившись. Затем пришлось сжать зубы, чтобы не рассмеяться.

Тэйт выпрямилась, медленно обернулась, глядя на меня исподлобья. Помню, мама смотрела на меня так же, когда я в детстве написал в бассейн.

– Ого, ничего более остроумного в жизни не слышала. – Ее глаза округлились. – Что ж, сэр, у нас есть довольно тяжелые шары, но чтобы с ними управиться, нужно использовать три пальца. Вам хватит ловкости? – произнесла она с таким выражением лица, будто мы обсуждали домашнее задание, но я все равно заметил, как уголки ее рта приподнялись.

– Еще как хватит, – поддразнил я. Внезапно язык показался чересчур большим для моего рта. – Ты умрешь от зависти, когда увидишь, что я могу сделать с этим шаром.

Тэйт закатила глаза, подойдя к прилавку. Она работала в боулинг-аллее с прошлой осени. Найти работу ей пришлось чуть ли не по назначению суда. Ну, не совсем. Назначение суда появилось бы, если бы Джаред выдвинул обвинения. Эта малявка со своими 54 кг веса и 173 см роста разгромила ломом машину бойфренда во время одного из своих знаменитых приступов ярости. Зрелище было довольно ужасное и довольно потрясающее. Видео попало на YouTube, практически породило новое феминистское движение. Люди сделали собственные вариации ролика, добавив музыку. Назвали его "Ну и кто теперь Босс?", так как Джаред водил Мустанг Босс 302.

Хотя причиной всему стало недоразумение, поэтому Тэйт оплатила ремонт. Она повзрослела. Мы с Джаредом повзрослели. И сейчас все крепко дружили.

Разумеется, они спали друг с другом. Мне таких привилегий не досталось.

– Мэдок, ты пил? – Тэйт положила ладони на стойку, глядя на меня, словно мамаша.

– Какой глупый вопрос.

Естественно, я пил. Она как будто первый день меня знает.

Вздернув голову вверх, Тэйт перевела взгляд на игровую зону позади меня. Я побоялся, что ее огромные голубые глаза вывалятся из глазниц, если она выпучит их еще сильнее.

– Ты и Джекса напоил! – с осуждением воскликнула она, явно рассердившись.

Я обернулся посмотреть, что ее так возмутило. Зацепившись ногой за стоявший рядом стул, пошатнулся, но из горла все равно вырвался крик:

– Юхуууууууууууууу! – Увидев то, что видела Тэйт, поднял вверх бутылку Джека Дэниелса. Перед одной из дорожек собралась кучка посетителей. Смеясь, они наблюдали за тем как Джекс, разогнавшись, плюхался на живот и катался по гладкому покрытию. – Черт, да!

Кто-то выхватил бутылку их моих пальцев. Повернувшись обратно,

обнаружил, что Тэйт спрятала выпивку под стойку. Она хмурилась, злобно поджав губы.

– Куда делся виски?! – спросил я, имитируя капитана Джека Воробья, и постучал кулаком по столешнице.

Тэйт зашагала к выходу, ведущему в игровой зал.

– Тебе крышка, когда я выберусь из-за прилавка, – сообщила она громким шепотом.

– Ты меня любишь. Сама же знаешь! – Я засмеялся и побежал к Джексу, лавируя между лабиринтом столиков и стульев, расставленных вокруг буфета. Пара других парней присоединилась к развлечению на радость толпе. В столь поздний час тут уже не осталось семей, так что веселились все, за исключением нескольких стариканов, которые наверняка большую часть жизни провели в стенаниях по поводу своих пивных животов и того, насколько им повезло избежать женитьбы. Они просто смотрели на нас, качая головами.

'Фэллон здесь. Не приходи домой.'

Я сглотнул, сдерживая виски, грозивший вернуться наружу тем же путем, и запрокинул голову назад.

– Иииихаааа! – заорал, после чего плюхнулся на живот и покатился по игровой дорожке из светлой древесины.

Сердце гроыхало, радостное возбуждение зародилось в груди. *Черт поberi!* Эти дорожки такие скользкие. Я просто рассмеялся, не заботясь о том, что Тэйт взбесилась или что кулак Джареда оставит на моем лице фингал за провоцирование беспорядка на рабочем месте его девушки. Меня заботило лишь то, что поможет день простоять, да ночь продержаться.

Я не могу вернуться домой.

Зрители кричали, поощряя меня, некоторые даже подпрыгивали. Я понял это, ощутив вибрацию пола под собой. Когда остановился, мои ноги зависли над соседней дорожкой. Я просто лежал, гадая. Не о Фэллон. И не о том, слишком ли я пьян, чтобы сесть за руль.

В конце концов, озвучил интересовавший меня вопрос:

– Как, черт возьми, мне подниматься?

Тут скользко. Какой сюрприз. Я не смогу подняться, иначе поскользнусь. Дерьмо.

– Мэдок, вставай! – рявкнула Тэйт где-то поблизости.

Мэдок. Вставай. Солнце уже взошло. Тебе пора уходить.

– Мэдок! Вставай! – Снова Тэйт.

Я выпрямился, проворчав:

– Все нормально. Извини, Тэйт. Ты же знаешь, что я тебя люблю, да? –

Икнув, сгруппировался и сел. Затем посмотрел вверх, заметив Тэйт, шедшую по разделительной линии между дорожками.

Словно босс.

Она уперла руки в бока, сурово глядя на меня.

– Мэдок. Я здесь работаю.

Я поморщился. Мне не нравилось слышать разочарование в ее тоне. Всегда хотел, чтобы Тэйт меня уважала.

– Извини, малышка. – Попытался подняться, но опять рухнул. Задница отозвалась тупой болью. – Я ведь уже просил прощения, да?

Присев на корточки, она обхватила мою руку обеими ладонями, и потянула меня вверх.

– Что с тобой такое? Ты же пьешь только на вечеринках.

Пошатываясь, опустил одну ногу в желоб, пока Тэйт не притянула меня ближе, чтобы я мог перебраться на разделительную линию.

– Ничего. – Улыбнулся одним углом рта. – Я шучу, Тэйт. Я... – замолчав, взмахнул рукой, – просто... шут... Шучу, – поспешил добавить.

Она продолжала держать меня, однако я почувствовал, как ослабла хватка ее пальцев под коротким рукавом моей футболки.

– Мэдок, ты не шут. – Ее взгляд был все так же серьезен, но немного смягчился.

Ты не знаешь, кто я.

Не отводя от нее глаз, хотел все ей рассказать. Хотел, чтобы моя подруга... хоть кто-нибудь... увидела настоящего меня. Джаред и Джекс – хорошие друзья, но у парней нет желания выслушивать подобную хрень, к тому же мы не такие наблюдательные. Тэйт подозревала что-то неладное, только я не знал, как ей сказать. Просто хотел, чтобы она знала – под всем этим фасадом скрывался не очень хороший парень.

– Я делаю глупости, Тэйт. Только на них и способен. Только в этом хорош. – Протянув руку, медленно заправил несколько пряжей, выбившихся из хвостика, ей за ухо и закончил тихо, практически шепотом: – Мой отец знает. Она знает. – Я посмотрел вниз, затем опять ей в лицо. – Ты тоже знаешь, разве не так?

Тэйт не ответила. Просто изучала меня, пока винтики крутились у нее в голове.

Моя ладонь опустилась на ее щеку, и я вспомнил обо всех моментах, когда она напоминала мне о Фэллон. Поглаживая щеку Тэйт большим пальцем, желал, чтобы она на меня накричала. Желал, чтобы она не беспокоилась обо мне. Насколько проще было бы знать, что в моей жизни нет ничего настоящего.

Держа ее милое, ничего не ведающее лицо в руках, склонился ниже, ощутив едва уловимый аромат ее парфюма. Мои губы оказались еще ближе.

– Мэдок? – спросила Тэйт, сконфуженно наблюдая за мной.

Наклонив голову, мягко поцеловал ее в лоб, после чего медленно отстранился.

Она обеспокоенно сдвинула брови.

– Ты в порядке?

Нет.

Ну, иногда.

Ладно, да. Чаще всего, полагаю.

Только не по ночам.

– Вау. – Глубоко вздохнув, улыбнулся. – Надеюсь, ты в курсе, что это ничего не значило, – отшутился я. – В смысле, я тебя люблю. Но не в том плане. Скорее, как сестру. – Не успев закончить предложение, расхохотался, закрыв глаза, согнулся пополам и ухватился за живот.

– Я не улавливаю смысл шутки. – Тэйт нахмурилась.

Звонкий свист пронзил воздух. Мы с ней одновременно подняли головы.

– Какого черта тут происходит? – громкий голос Джаред, в духе большого злобного папочки, разнесся по боулингу, отчего у меня заболели уши.

Разворачиваясь к нему лицом, случайно ступил обратно на дорожку.

– Ох, проклятье! – У меня перехватило дыхание, когда я поскользнулся, по глупости перенес свой вес на Тэйт. Что для нее оказалось слишком. Мы вместе рухнули на жесткий пол. Я завалился на спину, а она – мне на колени. Моя задница, скорее всего, превратится в сплошной синяк, зато Тэйт повезло. Она приземлилась на меня. Я совсем не возражал.

Только когда перевел глаза на своего друга, который стоял у начала дорожки, сверля нас убийственным взглядом, оттолкнул его девушку от себя с отвращением.

– Чувак, она напоила меня виски и пыталась изнасиловать. – Я указал на Тэйт. – Бутылка под стойкой спрятана. Иди, посмотри!

Зарывав, Тэйт перебралась обратно на разделительную линию. Ее резинка для волос держалась на честном слове.

– Джекс! – заорал Джаред в сторону дорожки справа от меня, где Джекс тоже пытался карабкаться по скользкому покрытию. – И ты. – Он обернулся обратно ко мне. – Сели в мою машину, сейчас же.

– Ооооох, кажется, Джаред хочет тебя отшлепать, – нараспев сообщил Тэйт, которая разгневанно двинулась по разделительной линии к своему бойфренду.

– Заткнись, дурачок, – огрызнулась она.

Фэллон

– Это был твой первый поцелуй? – спрашивает он, отстранив голову назад, чтобы посмотреть на меня. Я не поднимаю взгляд, сжимаю кухонную стойку у себя за спиной. Это ощущается неправильно. Он прижимает меня к стойке, я не могу пошевелиться. Больно.

"Просто посмотри на него", – внушаю себе. Подними глаза, идиотка! Скажи, чтоб проваливал. Он эксплуататор. Из-за него ты чувствуешь себя грязной.

– Иди сюда. – Он хватает меня за лицо, отчего я морщусь. – Давай покажу, как лучше использовать язык.

Это ощущается неправильно.

– Фэллон? – тихий, невнятный голос прорвался в мой сон. – Фэллон, ты проснулась?

Послышался стук.

– Я вхожу, – объявила женщина.

Открыв глаза, еще несколько раз моргнула, разгоняя сонный туман в голове. Но пошевелиться все не получалось. Такое ощущение, будто голова была отделена от тела; руки и ноги словно срослись с матрасом, а на спину опустили десятитонный груз. Мозг уже был активен, однако тело до сих пор находилось в глубоком забытии.

– Фэллон, – снова пропел голос. – Я приготовила яйца пашот. Твои любимые.

Я улыбнулась, поджала пальцы на ногах и сжала кулаки, чтобы вернуть их к жизни.

– С тостом, который можно обмакнуть в желток? – спросила из-под подушки.

– С тостом из белого хлеба, потому что хлеб из нескольких видов зерна для слабаков, – невозмутимо сообщила Эдди.

Я вспомнила, как сказала ей то же самое почти четыре года назад, когда моя мама вышла замуж за Джейсона Карутерса, и мы переехали сюда.

Со смехом скинув с себя одеяло, села.

– Я скучала по тебе, подружка. Ты одна из немногих в этом мире, кого мне не хочется прирезать.

Эдди – домработница, хотя от нее я получила больше заботы, чем от собственной матери. К ней у меня претензий не накопилось, а это большая

редкость.

Она вошла в комнату, осторожно неся поднос, полный вкусностей, которых я так давно не ела: яйца пашот, круассаны, свежевыжатый апельсиновый сок, фруктовый салат из клубники и черники, заправленный йогуртом. И настоящее сливочное масло!

Ладно... я его еще не попробовала. Но, зная Эдди, оно точно настоящее.

Как только поднос оказался передо мной, я заправила волосы за уши и подхватила свои очки с прикроватной тумбочки.

– Мне казалось, ты говорила, что слишком крута для хипстерских очков, – напомнила она.

Я обмакнула кусочек хлеба в яйцо.

– Как выяснилось, в прошлом у меня было немало убеждений. А вся эта хрень меняется, Эдди. – Радостно ухмыльнувшись, положила тост в рот. Когда теплый солоноватый желток, сдобренный маслом, коснулся языка, у меня слюнки потекли. – Очевидно, твои кулинарные навыки не в счет! Черт, девочка моя. Я скучала по такой еде.

Эдди далеко не девочка внешне, а особенно по складу характера. Она не только проявила себя как ценная домработница, но и доказала, что именно такая хозяйка особняка нужна мистеру Карутерсу. Эдди следила за всем так, как не умела моя мать. Разумеется, она не спала с мистером Карутерсом, будучи лет на двадцать его старше. Но... Эдди все держала под контролем. Дом, сад, социальный календарь своего шефа. Предугадывала его нужды. Она – единственная, кого мистер Карутерс никогда не уволит. Серьезно. Эдди может назвать его конченным идиотом, на что он лишь закатит глаза. Она сделала себя незаменимой, вследствие чего получила право диктовать условия в этом доме.

Помимо прочего, она заботилась о Мэдоке. И именно поэтому была мне нужна.

– А я скучала по тебе, – ответила Эдди, поднимая с пола мою одежду.

Отрезав кусочек яйца, положила его на тост.

– Брось. Не надо. Я уже взрослая женщина. Я в состоянии за собой прибраться.

Пусть я не оплачивала счета, но, по сути, жила самостоятельно на протяжении двух лет. Мать сдала меня в школу-пансион, а папа не являлся сторонником тотальной опеки. Заболев, я тащила свою задницу к доктору. Если мне была нужна новая одежда – покупала. Когда скапливалась стирка – делала уроки в прачечной. Никто не указывал мне какие фильмы смотреть, как часто есть овощи, когда стричь волосы. Я сама все решала.

– Ты женщина. Очень красивая, к тому же. – Она улыбнулась, отчего у меня в груди стало теплее. – Добавилось несколько новых татуировок, но ты избавилась от пирсингов, как погляжу. Мне нравились те, что ты носила на губе и в перегородке.

– Ага, зато руководству моей школы не нравились. Надо знать, когда идти ва-банк, а когда пасовать.

Я бы не сказала, что проходила через определенную фазу в тот период, однако явно пристрастилась к различным формам самовыражения. У меня были маленькие кольца в носовой перегородке и на губе сбоку, штанга в языке. Их пришлось снять. Школа Святого Иосифа, где я училась, запрещала "неортодоксальный" пирсинг; максимум, что позволялось – по две серьги в ухо. Я носила пять в левом, хотя это был один индастриал с двумя проколами; и шесть в правом ухе – одна в козелке, две в мочке, три в завитке. Эти украшения руководство тоже повелело снять.

Только когда мама не ответила на звонок, чтобы разобраться с жалобами, я наконец-то послала их подальше. Затем они позвонили папе. Он пожертвовал приличную сумму... и тоже послал их подальше.

– Вы с Мэдоком так повзрослели... – Эдди умолкла, не договорив.

Я перестала жевать.

– Извини, – добавила она, отвернувшись от меня.

Мое сердце колотилось так, что его бы пришлось удерживать силой, попади оно кому-нибудь в руки. Проглотив еду, вставшую тяжелым комом в горле, глубоко вздохнула.

– Почему ты извиняешься? – спросила, пожав плечами.

Я знала, почему.

Эдди знала, почему.

Мы с Мэдоком жили тут не одни, в конце концов. Все знали о том, что между нами произошло.

– Тебе не о чем беспокоиться, – заверила она, присев на край кровати.

– Как я вчера и сказала. Его тут нет, и он не вернется, пока ты не уедешь.

Нет.

– Думаешь, у меня проблемы с Мэдоком, Эдди? – Я усмехнулась. – Между нами все нормально. Со мной все нормально. Наше идиотское соперничество зашло слишком далеко, но мы были детьми. Я хочу все оставить в прошлом. – Расслабив плечи, старалась сохранить непринужденный тон. Ничто в языке тела не выдаст меня.

– Ну, Джейсон считает, это небезопасно. Хотя он передал, что ты можешь оставаться тут столько, сколько захочешь. Мэдок не вернется.

Вот поэтому мне нужна Эдди. Я могла уговорить ее вернуть Мэдока

домой. Главное не переусердствовать.

– Я приехала всего на неделю. – Сделав глоток сока, поставила стакан обратно на поднос. – Осенью у меня начнутся занятия в Северо-Западном университете, но остаток лета я проведу в городе с папой. Просто хотела заглянуть в гости перед началом следующей фазы.

Она посмотрела на меня так, как матери смотрят на дочерей по ТВ. После подобного взгляда сразу чувствуешь – тебе еще многому предстоит научиться, потому что "милочка, ты еще ребенок, а я умнее".

– Ты хотела встретиться с ним. – Эдди кивнула, сосредоточив взгляд своих голубых глаз на мне. – Чтобы расставить точки над i.

Расставить точки? Нет. Встретиться с ним? Да.

– Все в норме. – Я отодвинула поднос и встала с кровати. – Я на пробежку. Ту тропинку вокруг карьера до сих пор не закрыли?

– Нет, насколько мне известно.

Подойдя к шкафу, достала свою сумку, которую бросила туда вчера после приезда.

– Фэллон? Ты всегда спишь в одном нижнем белье и слишком коротких футболках, не прикрывающих задницу? – спросила она, чуть ли не смеясь.

– Да, а что?

На несколько секунд повисла тишина, пока я доставала вещи.

– Значит все-таки к лучшему, что Мэдока здесь нет, – иронично пробормотала Эдди, после чего оставила меня одну.

Одевшись, окинула взглядом свою комнату при свете дня. Моя старая комната с новым декором.

Прошлым вечером, когда Эдди проводила меня сюда, я обнаружила, что обстановка со времени моего отъезда очень изменилась. Скейтерские постеры исчезли со стен, мебель заменили, красные стены перекрасили в кремовый цвет.

Кремовый? Ага, буэ.

Одна из стен была обклеена стикерами для бамперов. Сейчас их место занимали обезличенные, массового производства фотографии Эйфелевой башни и французских улиц с брусчаткой.

Постельное белье – светло-розовое, шкафы и кровать – белые.

Чертежный стол с моими рисунками, полки с роботами Лего, DVD, CD-диски – ничего не сохранилось. Не сказать, чтобы я вспоминала об этом барахле последние два года, однако, войдя вчера в свою спальню, едва не расплакалась. Может, потому что предполагала, будто мои вещи останутся здесь, или меня просто выбило из колеи то, с какой легкостью

всю мою жизнь отправили на свалку.

– Твоя мама занялась ремонтом практически сразу после твоего отъезда, – пояснила Эдди.

Ну, конечно.

Я дала себе пару секунд, с горечью вспоминая, сколько часов потратила, катаясь на досках или собирая свои любимые Лего, которые теперь сгнивали где-то в мусорном баке.

А затем проглотила болезненный ком. Двигаемся дальше. К черту все.

Теперь моя комната выглядела зрело и даже немного сексуально. Мне по-прежнему нравился мальчишеский стиль одежды и сумасбродные способы самовыражения, вот только моя мать была далеко не безнадёжна в подборе интерьера. Цветочных мотивов нигде не наблюдалось, и в целом комната подходила для взрослого человека. Нежно-розовые тона постельного белья и штор, невинность и романтизм мебели, черно-белые фото в ярких рамках заставляли меня чувствовать себя женщиной.

Мне это в своем роде нравилось.

Но желание убить ее за то, что выкинула все мои вещи, тоже никуда не делось.

Основной бонус брака моей матери и Джейсона Карутерса заключался в том, что его дом располагался в Севен Хиллз Вэлли – огромном закрытом сообществе (если это можно считать "сообществом", когда до ближайших соседей в обе стороны около километра).

Толстосумам нравились их загородные виллы, простор, статусные жены. Даже если они ими не пользовались. Когда я думала о своем отчине, мне всегда приходил на ум герой Ричарда Гира из Красотки. Знаете, чувак, который снимает пентхаус, но боится высоты? Так на кой черт ему пентхаус тогда?

В общем, Джейсон Карутерс относился к такому типу. Он покупал дома, в которых не жил, машины, которые не водил, и женился на женщине, которая была ему не нужна. Зачем?

Я постоянно задавалась этим вопросом. Возможно, ему было скучно. Может, он искал нечто, что никак не мог найти.

А может он просто был сраным толстосумом.

Если честно, моя мама такая же. Патриция Фэллон вышла замуж за моего отца, Киарана Пирса, восемнадцать лет назад. Два дня спустя родилась я. Четыре года спустя они развелись. Мать забрала меня – свой гарант пропитания – и отправилась на поиски лучшей жизни. Она побывала замужем за предпринимателем, который в итоге потерял свой

бизнес, капитаном полиции, чья работа оказалась недостаточно гламурной для нее.

Однако через этого полицейского мама познакомилась со своим нынешним мужем и нашла именно то, что искала: деньги и престиж.

Несомненно, мой отец обладал тем же. В определенных кругах. Но он жил вне рамок закона... далеко вне рамок закона, и в целях безопасности прятал нас, не выставлял напоказ. Явно не тот уровень роскоши, на который рассчитывала моя мать.

Несмотря на ее эгоистические поступки, я была рада тому, где она, в конечном счете, оказалась. Мне тут нравилось. Всегда нравилось.

Особняки скрывались за просторными подъездными дорожками и небольшими густыми посадками деревьев. Я любила бегать или даже просто ходить по тихим, уединенным дорогам. Только сейчас мне не терпелось оказаться в прилегавшей к этому району рекреационной зоне "Испанские копи", включавшей в себя узкие лесные тропинки и глубокие карьеры. Песчаник, зелень повсюду, безоблачное голубое небо над головой – благодаря всему этому место идеально подходило для тех, кому хотелось забыться на время.

Пот стекал по шее, пока я, не жалея сил, мчалась вперед. "Schism" группы Tool звучала в наушниках, мое внимание было приковано к дороге. Приходилось напоминать себе, что нужно оставаться бдительной. Отцу не нравились мои пробежки в одиночку, в отдаленных безлюдных местах. Я буквально слышала его голос у себя в голове: "Не отвлекайся, и держи защиту при себе!".

Он заказал кучу беговых шортов с кобурой для пистолета сзади, но я отказывалась их носить. Не самый удачный выход из положения, если ему хотелось, чтобы я привлекала меньше внимания.

Как сказал папа: "Если будешь бегать в нижнем белье, некоторые могут неправильно это истолковать. И тогда мне придется причинить этим людям вред. Ты же знаешь, что я стараюсь прибегать к подобным мерам как можно реже".

Я бегала не в нижнем белье. А в обтягивающих шортах из спандекса и спортивном лифчике... Черт, но жарко ведь.

В итоге мы пришли к соглашению. По его заказу специально сконструировали браслет со встроенным маленьким выкидным ножом и перцовым спреем. Выглядел этот браслет ужасно нелепо, но папа чувствовал себя спокойней, когда я отправлялась на пробежки с ним.

Окидывая взглядом впередилежащий путь (потому что я слушаю своего папочку), увидела девушку, примерно моего возраста, стоявшую у

пруда. Я заметила, что уголки ее губ были опущены. Она всхлипывала. Одета аналогично мне – беговые шорты, спортивный лифчик; не ранена, насколько я могла судить с такого расстояния. Кроме нас поблизости больше никого не наблюдалось. Девушка просто стояла и разглядывала легкую рябь на поверхности воды, прищурившись.

– Хороший репертуар, – я попыталась перекрыть музыку, доносившуюся из айпода, прикрепленного к повязке у нее на руке.

Она вздернула голову вверх, тут же утерев глаза.

– Что? – Девушка вынула наушники из ушей.

– Я сказала, хороший репертуар. – Из ее плеера еще отчетливей слышалась песня "Paradise City" Guns N' Roses.

– Мне нравится ретро. – Ее покрасневшее лицо немного прояснилось; она сдавленно хохотнула, протянув мне руку. – Привет. Меня зовут Тэйт.

– Фэллон. – Я пожала ее ладонь.

Кивнув, она отвернулась, стараясь незаметно вытереть оставшиеся слезы.

Тэйт. Стоп... белокурые волосы, длинные ноги, большая грудь...

– Ты – Татум Брандт, – вспомнила я. – Из школы Шелбурн Хай?

– Да. – Тэйт накинула провод наушников себе на шею. – Извини. Не припоминаю тебя.

– Ничего. Я уехала после десятого класса.

– Ох, а куда? – Она посмотрела мне прямо в глаза.

– В частную школу на восточном побережье.

Ее брови приподнялись.

– Частная школа? И как она тебе?

– Католическая. Очень католическая.

Тэйт покачала головой, улыбнувшись, словно не веря услышанному. А может, ей это показалось смехотворным. Разве родители не ссылают нежеланных детей подальше? Нет? Странно.

От порыва ветра зашелестела листва. Было приятно ощутить прохладу своей разгоряченной, влажной кожей.

– Так ты на лето вернулась, перед отъездом в колледж, или насовсем? – спросила она, присев на землю, и глянула на меня снизу-вверх. Расценив это как приглашение, я села рядом с ней.

– Я тут на неделю или около того. Потом поеду в колледж в Чикаго. Ты?

Тэйт опустила взгляд. Улыбка исчезла с ее лица.

– Я должна была уехать в Колумбийский университет. Хотя сейчас планы поменялись.

– Почему?

Колумбийский – отличный колледж. Я бы подала туда документы, но отец не хотел, чтобы я жила так близко к Бостону. По его словам, чем дальше от него, тем безопаснее.

– У моего папы... кое-какие проблемы. – Я заметила ее мокрые ресницы, когда она отклонилась назад и оперлась на руки, не сводя глаз с пруда. – И уже давно, очевидно. Я решила, будет лучше остаться поближе к дому.

– Наверно, тяжело отказаться от учебы в Колумбийском, – предположила я.

Выпятив нижнюю губу, Тэйт покачала головой.

– Нет. На самом деле, даже не раздумывала особо. Когда ты нужен тому, кого любишь, другого выбора не остается. Я просто расстроилась, потому что он ничего мне не сказал. Папа перенес два инфаркта, а я узнала об этом, случайно наткнувшись на больничные счета, которые не должна была увидеть.

Она преподнесла это словно само собой разумеющееся. Словно это так просто. *Мой папа болен. Я остаюсь.* Подобная решительность вызвала во мне зависть.

– Ого. Сожалею.

Тэйт улыбнулась, после чего выпрямилась, отряхивая пыль с ладоней.

– Готова поспорить, ты рада, что остановилась поздороваться.

– Все нормально. Где ты теперь будешь учиться? – Бросив взгляд в ее сторону, заметила маленькую татуировку у основания ее шеи, где изгиб переходил в плечо. Несмотря на размер, я разглядела языки пламени, вырывавшиеся из черной лампы.

– Ну, я поступила в Северо-Западный, – пояснила она. – Хороший вариант для моей специальности, и всего в часе езды отсюда. Чем больше об этом думаю, тем больше радуюсь.

Я кивнула.

– Что ж, я тоже туда поступила.

Тэйт удивленно приподняла брови.

– Ну и ну... тебе нравятся старые добрые GNR, ты будешь учиться в Северо-Западном, носишь симпатичные татуировки... – Она указала на фразу "Неисправно", набитую у меня за ухом по линии роста волос. – И бегаешь. Скажи еще, что тебе нравится наука, и не останется сомнений, что я нашла свою гетеросексуальную вторую половину.

– Моя будущая специализация – машиностроение, – сообщила я нараспев, надеясь, что этого будет достаточно.

Тэйт подставила руку, чтобы стукнуться со мной кулаком, и улыбнулась.

– Вполне подходит.

Сейчас она улыбалась гораздо чаще, чем при нашей последней встрече. Должно быть, Вещь 1 и Вещь 2 оставили ее в покое, либо Тэйт наконец-то осадила их.

– Итак, – она поднялась, отряхивая свои шорты, – мой друг устраивает вечеринку завтра. Ты должна прийти. Он не возражает, когда красивые девушки являются без приглашения. Есть вероятность, что тебе придется поплатиться нижним бельем при входе, но я встану на твою защиту.

Я тоже поднялась.

– Похоже, он тот еще заводила.

– Пытается им быть. – Тэйт пожала плечами, однако от моего внимания не ускользнула легкая гордая улыбка, сопровождавшая жест. Она выхватила у меня из руки телефон, набрала несколько цифр. – Я позвонила себе. Теперь у тебя есть мой номер. Напиши, если заинтересовалась. Я скину тебе адрес и время.

– А где будет вечеринка? – спросила я, забирая свой сотовый.

– В доме Мэдока Карутерса.

При упоминании его имени я закрыла рот, тяжело сглотнув.

– Мэдок обязует девчонок приходить в бикини, но, если двинуть ему между ног, он заткнется. – Тэйт опустила глаза, словно извиняясь. – Он один из моих лучших друзей. Просто, чтобы к нему привыкнуть, потребуется какое-то время, – пояснила она.

Они – лучшие друзья? Да ну?

У меня участилось дыхание. Мэдок собирался устроить вечеринку?

Тэйт сделала шаг назад, готовясь уйти.

– Надеюсь, завтра увидимся!

После этого она продолжила свою пробежку. Я же просто стояла, оглядываясь то влево, то вправо, в поисках сама не знаю чего. Мэдок дружил с Татум Брандт?

Как, черт побери, это произошло?

– Мне нравится металл у тебя во рту. Слышал, пирсинг языка не только поцелуи делает интересней. – Он хватает меня за волосы, дыша мне в рот. – Ты действительно плохая девочка или просто прикидываешься? Покажи мне.

Не знаю, что меня разбудило в первую очередь. Приступ тошноты, пронзивший внутренности подобно раскату молнии, или чувство эйфории,

от которого каждый нерв в теле гудел в предвкушении.

Тошнота и эйфория. Неприязнь и волнение. Почему я ощущала и то, и другое одновременно?

Я знала, что первое вызвал сон.

Но радостное волнение? Предвкушение?

Именно в этот момент я заметила, из-за чего на самом деле проснулась. Направление потока воздуха в моей комнате изменилось. Теперь его тянуло в коридор. Сердце забилося быстрее, в животе запорхали бабочки. В ответ я напряглась, борясь с захлестнувшим меня восторгом.

Дверь моей спальни была открыта!

Распахнув глаза, резко поднялась. Сердце подскакивало до гортани, пока я пыталась сделать вдох.

Темный силуэт, гораздо внушительнее по размеру, чем в моих воспоминаниях, заполнял дверной проем. Я едва не закричала, но вместо этого сжала зубы и сглотнула.

Я поняла, кто это, и уж точно не боялась его.

— Мэдок, — выпалила, — пошел вон.

Мэдок

Я прислонился к дверной раме, поднеся к губам бутылку пива.

Она права. Мне нужно уйти. *Остаться тут – хреновая идея, чувак.*

Но по какой-то причине хотелось увидеть ее собственными глазами.

Не знаю, почему не поверил. Папа сказал, и Эдди подтвердила, однако я не мог свыкнуться с тем фактом, что Фэллон Пирс вернулась в город после столь долгого отсутствия.

Сегодня с утра у меня было дикое похмелье благодаря ей. Потом вечером, зная, что все уже будут спать, я вернулся домой. Я не планировал прийти к ней в комнату, не планировал зайти внутрь, но любопытство победило. Какой она стала? Как изменилась? К тому же я хотел получить кое-какие ответы, нравилось мне это или нет.

Фэллон подхватила с тумбочки свои очки в черной оправе. Луна была скрыта за облаками, поэтому я ни черта не видел. Лишь ее силуэт.

– Значит, ты действительно вернулась. – Оттолкнувшись от двери, подошел к изножью кровати.

– Ты не должен быть здесь. Эдди сказала, что ты останешься у друзей.

Какого черта?

Они оказались правы. Она меня боялась. Но почему? Что я ей такого сделал, черт возьми?

Я сжал зеленую бутылку в руке, пытаюсь разглядеть Фэллон в темноте. На ней была темно-синяя футболка с витиеватой надписью, которую я не мог прочитать; ее волосы растрепаны. Раньше она носила пирсинги, но сейчас я ничего не видел.

– Это дом моего отца, – произнес тихо, выпрямив спину. – И когда-нибудь все в нем будет принадлежать мне, Фэллон. Кровать, на которой ты спишь, вместе со всей остальной хренью, что есть под этой крышей.

– Кроме меня, Мэдок. Я тебе не принадлежу.

– Ага, – отмахнулся я. – Уже наступал на эти грабли. Даже футболка памятная осталась. Спасибо.

– Убирайся, – жестко распорядилась она.

Я сделал еще один глоток пива.

– Вот в чем дело, Фэллон... Я говорил тебе прежде, чтобы ты запирала дверь, если не хочешь меня впускать. Забавно... – сказал, наклоняясь. – Ты. Никогда. Этого. Не. Делала.

Она молниеносным движением скинула с себя простынь и встала во весь рост на кровати. Подойдя ближе, отвесила мне пощечину, прежде чем я успел сообразить, что происходит.

Я едва не рассмеялся. *Проклятье, да.*

Мое тело не двинулось с места, но голова метнулась в сторону от удара. Я рефлекторно закрыл глаза. Жалаящая боль в щеке сначала напоминала уколы тонких игл под поверхностью кожи, затем усилилась, распространяясь, словно электрический разряд. Еще несколько секунд держал глаза закрытыми, смакуя острое ощущение.

Из-за высоты кровати Фэллон возвышалась надо мной сантиметров на пятнадцать. Я медленно обернулся к ней, готовясь принять все, на что она способна.

Она состроила презрительную мину.

– Мне было шестнадцать лет, и я была слишком глупа, чтобы не подпускать тебя к себе, – огрызнулась Фэллон. – Если б я только знала, что существуют зубные щетки и то больше тебя. А за последние пару лет мне уж точно попадались парни получше, так что, можешь не сомневаться, моя дверь впредь будет закрыта.

Иногда я улыбался, но не чувствовал радости. А иногда чувствовал, но не улыбался. Я не хотел показывать, насколько жаждал этого момента, поэтому прикусил нижнюю губу.

Она развернулась, собираясь лечь обратно, однако я схватил ее за лодыжку и дернул. Фэллон упала на матрас, приземлившись на живот, а я быстро накрыл ее своим телом сверху, прошептав ей на ухо:

– Думаешь, я захочу к тебе притронуться теперь? Знаешь, как я раньше тебя называл? Киска-которая-постоянно-под-рукой. Ты всегда была доступна, если мне нужно было кончить, Фэллон.

Она резко повернула голову, чтобы посмотреть на меня, но у нее не получилось полностью перевернуться, потому что я своим весом придавил ее к кровати.

– Не думай, что я относилась к этому серьезно, Мэдок. Мне было скучно, а ты так мило хвастался своими навыками. Никогда в жизни не смеялась сильнее. – В ее голосе слышалась улыбка. – Но сейчас я стала благоразумней.

– Да? – спросил я. – Раздвигашь ноги перед каждым встречным, как твоя мамаша? Ты права, Фэллон. Тебя точно ждет грандиозный успех. – Я поднялся с кровати, наблюдая, как она перевернулась и села. Только сейчас заметил, что на ней было надето. Футболка и трусики-бикини.

Черт. Я зажмурился.

Мой член дернулся под тонкой тканью баскетбольных шортов, и я сжал кулаки, пытаясь сохранить контроль над собой.

– Но, – продолжил, – не переоценивай себя, детка. Тебе не удастся вышвырнуть меня из моего собственного дома. Я тут живу. Не ты.

Ее грудь тяжело вздымалась и опадала, ярость во взгляде вернула на поверхность все то, чем я жил два года назад. Она избавилась от пирсингов. Жаль, мне будет их не хватать. Но волосы Фэллон пребывали в прекрасном беспорядке. Как и всегда по ночам. Она по-прежнему носила свои сексуальные очки. И я не мог выкинуть из головы мысли об этих сильных ногах.

Все это было мне знакомо.

А ее темперамент? Да, ирландские корни Фэллон не поддавались сомнению.

– Мэдок?

Я резко вдохнул. Обернувшись, увидел в дверях Ханну, одетую в бикини.

– Джакузи готова, – сообщила она, уперев руки в бока.

Я глянул на Фэллон, все еще сидевшую на кровати. У нее округлились глаза при виде моей гостьи.

Я улыбнулся.

– Оставайся, – произнес непринужденным тоном. – Ешь все, что найдешь в холодильнике. Пользуйся бассейном. А потом начни жить своей собственной долбанной жизнью, когда отсюда уедешь.

Фэллон

Я точно знала, какие чувства испытывала к Мэдоку. И по какой причине. Я его ненавидела. Ненавидела за то, что он со мной сделал. Но почему Мэдок ненавидел меня, черт возьми? Выполняя свой утренний ритуал, втирала скраб в кожу, попутно думая о нем. Прошлой ночью он вел себя грубо. Неуравновешенно. Мэдок явно презирал меня. Это в мой план не входило.

Между нами все осталось неопределенно, так в чем его проблема тогда? Он получил то, что хотел, верно?

Почему он так злился?

Вытерев лицо, нацепила очки, после чего направилась вниз, вспоминая его слова.

Думаешь, я захочу к тебе притронуться теперь? Знаешь, как я раньше тебя называл? Киска-которая-постоянно-под-рукой. Ты всегда была доступна, если мне нужно было кончить.

Мэдок никогда не был столь жесток. Даже до того, как мы начали...

Громкий крик, разнесшийся эхом по длинному коридору, заставил меня остановиться.

– Мэдок, отпусти! – раздался откуда-то с первого этажа голос Эдди.

Он до сих пор дома. Я скрестила руки на груди, сообразив, что все еще оставалась в майке и без лифчика. Но затем быстро их опустила.

Мэдок здесь. *Отлично.* Он находился там, где нужно, значит, мне не придется задействовать Эдди, чтобы вернуть его домой.

Вздернув подбородок, расправила плечи и спустилась по лестнице. Войдя в кухню, заметила Мэдока, стоявшего позади Эдди. Перекинув руку через ее плечо, он пытался зачерпнуть ложкой тесто, которое она замешивала. От его непринужденной улыбки, всегда озарявшей глаза, я замерла на месте, затем прищурилась.

"Перестань улыбаться", – мысленно приказала ему. Я настолько сузила глаза, что мои брови, наверно, соприкоснулись.

Мэдок перевернул ложку, покрытую шоколадной смесью, и сунул в рот, в то время как Эдди попыталась ее выхватить. Он увернулся, а она отвесила ему подзатыльник, хотя они оба смеялись.

– Не лезь грязной ложкой в еду, маленький негодник! Я тебя лучше воспитала. – Эдди пригрозила ему деревянной лопаткой, разбрызгивая

шоколад по своей белой рубашке, несмотря на надетый фартук.

Подмигнув ей, Мэдок подошел к холодильнику, держа серебряную ложку во рту (кто бы сомневался), и достал бутылку Гаторэйда.

Мой взгляд сосредоточился на большой татуировке у него на спине, растянувшейся от плеча до плеча.

Сердце пропустило удар. *Это что, мое имя?* Я зажмурилась, отгоняя такую нелепую идею. *Нет.* Татуировка гласила "Fallen" [Падший]. Просто мастер заперол букву "e", окружив ее пламенем.

Хотя в целом тату выглядела красиво. Пришлось одернуть себя, чтобы не заикливаться на том, насколько сексуальней она его делала. Татуировки всех делали сексуальней.

Моя мать (в редких случаях, когда мы разговаривали) не жалела комментариев по поводу того, как я буду выглядеть в восемьдесят, вся в чернилах.

Я буду выглядеть великолепно.

Без ремня джинсы сидели низко на бедрах Мэдока, он был без рубашки, словно недавно проснулся, а потом забыл одеться полностью. Только кто бы говорил? Я стояла посреди кухни в пижамных шортах и майке – в куда более непристойном виде. Мои спутанные волосы торчали во все стороны, спадали на лицо, по спине.

Он выглядел свежо и ярко, я же казалась потасканной.

– Фэллон! – воскликнула Эдди, заставив меня моргнуть. – Ты проснулась. – Ей не удалось бы никого одурачить, нервозность в ее тоне была слишком очевидна.

Мэдок стоял ко мне спиной, однако я заметила, как он замер на пару секунд, отпивая из бутылки, но быстро оправился.

– Дааа, – растянуто произнесла я. – Поспишь тут, когда внизу такой шум.

Мэдок повернул голову, глядя на меня через плечо с приподнятой бровью. Он казался раздраженным.

Его взгляд медленно прошелся по моему телу, может, оценивающе, а может, чтобы вызвать дискомфорт, однако мои щеки все равно вспыхнули. Сначала сосредоточился на груди, потом спустился к животу, все ниже, пока не достиг босых ног, после чего его голубые глаза, в глубине которых читалось неприкрытое отвращение, вновь встретились с моими.

Так же, как прошлой ночью, он едва заметно поморщил носом, однако в остальном выражение его лица осталось невозмутимым. Я сжала зубы, заставляя себя дышать размеренно. Мне нельзя расстраиваться из-за того, что Мэдок смотрел на меня свысока. Ведь приучила же себя не

расстраиваться.

В конце концов, он всегда сохранял спокойствие. Все время Мэдок оставался чертовски спокойным. Не орал, не демонстрировал свою злость, пока его не доводили до крайности. И невозможно было предугадать, когда это случится. Именно такая черта в нем пугала.

– Фэллон, Мэдок удивил меня сегодня утром своим неожиданным визитом, – поспешила объяснить Эдди. – Но он вернется к друзьям после завтрака, верно? – спросила она у него, многозначительно вздернув брови.

Он глянул на нее, затем опять на меня, с выражением, полным озорства и удовольствия.

– Не-а, – ответил Мэдок, покачав головой, и отмахнулся от опасений Эдди, словно сообщая ей, что не хочет десерт. – Мы с Фэллон поговорили прошлой ночью. Между нами все хорошо. – Он посмотрел в мою сторону; от улыбки его глаза немного сузились. – У меня запланировано чертовски насыщенное лето. А дом большой. Верно, Фэллон? Мы будем вести себя цивилизованно или вообще не станем попадаться друг другу.

Мэдок кивнул, переведя на Эдди свое беззаботное, невинное лицо с широко распахнутыми глазами. Он пользовался подобным приемом миллионы раз; я была тому свидетельницей.

Именно поэтому из Мэдока получится великолепный адвокат, какой получился из его отца. Обращать людей нужно не только словами. Язык тела, расчет времени, интонации тоже важны. Сохраняй тон голоса нейтральным, расслабься и отвлеки собеседника сменой темы как можно быстрее.

Вот оно, через три, две, одну...

– Ладно тебе. Все нормально. – Он подошел к Эдди сзади, обнял ее крепко, хотя его взгляд был прикован ко мне. – Заканчивай с моими шоколадными блинчиками. Я с голоду умираю, мать твою.

– Мэдок! – пожурила она возмущенным шепотом, однако улыбку сдержать не смогла.

На этом все. Он победил.

Пусть думает, что победил.

Я прочистила горло.

– Да, Мэдок прав, Эдди. У меня нет к нему никаких претензий. Я тебе вчера об этом уже говорила. – Я заметила, как он приподнял брови. Бьюсь об заклад, Мэдок думал, я стану возражать. – В любом случае, через неделю меня тут не будет. Я приехала только поесть и в бассейне искупаться.

Не разрывая нашего зрительного контакта, позволила сарказму

медленно просочиться в мой голос. Несмотря на нежелание это признавать, я скучала по издевкам над ним.

– Куда потом собираешься? – поинтересовался Мэдок, опершись локтями на гранитную столешницу широкого кухонного островка.

– В Чикаго. Осенью у меня начинаются занятия в Северо-Западном университете. Ты?

– В Нотр-Дам. – Он вздохнул, сжав губы в тонкую линию. В его ответе промелькнули нотки обреченности.

Нет, даже не обреченности. Смирения. Словно Мэдок проиграл в сражении.

Нотр-Дам – семейная традиция. Его отец, тети, дяди и дедушка – все учились там.

Мэдок не выражал неприязни к данному колледжу, однако и симпатии я не уловила. Трудно было сказать, имел ли он собственные мечты, помимо тех, что спланировал для него отец.

– Ох, точно! – Эдди бросила лопатку в миску и вытерла руки о фартук. – Я совсем забыла вручить вам подарки в честь окончания школы. – Она прошла через кухню, достала два предмета из шкафчика. – Фэллон, я не знала, что ты приедешь, но все равно приготовила подарок для тебя, чтобы отправить по почте. Держи.

Эдди вручила нам с Мэдоком нечто похожее на лампы. Основания у них были из черного пластика, а сверху крепились стеклянные капсулы. Снизу располагались алфавитные ряды.

– Криптекс! – Я улыбнулась, в то время как Мэдок посмотрел на вещицу, словно на инопланетного детеныша.

– Но... – сказал он Эдди, нахмутив брови. – Ты же знаешь, что я хотел увидеть тебя в бикини.

– Ох, захлопни варежку. – Она махнула на него рукой.

– Что это такое? – спросил Мэдок, сконфуженно рассматривая головоломку.

– Это криптекс с загадкой, – пояснила Эдди. – Ты должен отгадать загадку, которую я прикрепил ко дну, и набрать ответ, чтобы открыть емкость. Только тогда достанешь подарок, спрятанный внутри.

Он прочитал свою загадку вслух:

– Они появляются ночью, хоть их и не зовут, но исчезают днем, хоть их и не украли. Что это? – Мэдок уставился на Эдди. – Серьезно?

Он занес руку с криптексом высоко над головой, но Эдди его перехватила.

– Нет, не смей! – крикнула она, на что Мэдок наигранно смерил ее

сердитым взглядом. – Не смей разбивать! Пошевели мозгами.

– Ты же знаешь, что у меня с такой фигней туго. – Однако он начал набирать буквы, пытаясь угадать слово.

Я прочитала свою загадку.

– Чем больше оно сушит, тем влажнее становится?

Я вас умоляю. Усмехнувшись, набрала ответ: полотенце. Криптекс открылся, и я достала подарочный сертификат скейтерского магазина, в котором часто делала покупки, пока жила тут.

– Спасибо, Эдди, – прошептала, не желая говорить ей, что больше не каталась на скейте.

Я глянула на Мэдока, который с приподнятой бровью до сих пор возился со своей головоломкой. У него ничего не получалось, и чем дольше это будет продолжаться, тем тупее он будет себя чувствовать. Подойдя ближе, забрала его криптекс; у меня на мгновение перехватило дыхание, когда наши пальцы соприкоснулись.

Смотря на загадку, тихо проговорила, набирая ответ:

– Они появляются ночью, хоть их и не зовут, но исчезают днем, хоть их и не украли. – Замок щелкнул. Я заглянула в его нежные глаза, которые были сосредоточены на мне, а не на криптексе. – Звезды, – произнесла практически шепотом.

Он не дышал, возвышаясь надо мной; непреклонность в его взгляде напомнила, как часто я точно так же смотрела на него, желая получить то, что боялась попросить.

Но сейчас между нами все изменилось. Я хотела причинить ему боль. А если судить по той девушке, которую он вчера привел домой, Мэдок остался прежним. Эксплуататором.

Я прикрыла веки, стараясь изобразить скуку, и швырнула открытую капсулу ему.

Глубоко вздохнув, он улыбнулся; от глубокой сосредоточенности не осталось и следа.

– Спасибо. – Затем Мэдок повернулся к Эдди. – Видишь? Мы отлично ладим.

Взяв свой подарочный сертификат для картинг-клуба, он вышел через раздвижные стеклянные двери во дворик, ведущий к бассейну.

Я сглотнула, пытаясь уgomонить ураган, бушевавший у меня в животе.

– Значит, на этом все? – спросила у Эдди. – Ты позволишь ему остаться?

– Ты сказала, что не возражаешь.

– Не возражаю, – торопливо добавила я. – Просто... не хочу, чтобы у

тебя возникли проблемы с боссом.

Она улыбнулась одним уголком рта, выливая тесто на сковороду.

– Ты знала, что Мэдок опять начал играть на пианино? – поинтересовалась Эдди, не отрывая взгляда от плиты.

– Нет, – ответила я, гадая, в честь чего она сменила тему разговора. – Его отец, должно быть, в восторге.

Мэдок брал уроки музыки с пяти лет. Он особенно интересовался фортепиано. Джейсон Карутерс хотел, чтобы его сын был всесторонне развит. Однако, когда Мэдоку исполнилось пятнадцать (примерно в тот же период мы с мамой переехали к ним), он понял, что мистера Карутерса интересовали лишь выступления, чтобы было чем похвастаться, покрасоваться.

Поэтому Мэдок бросил учебу. Отказывался посещать уроки и грозился разгромить рояль, если его не уберут с глаз долой. Инструмент спустили в подвал, где он расположился рядом с моей полурампой.

Но я всегда недоумевала...

Ему действительно нравилось играть. Это была его отдушина. По крайней мере, мне так казалось. Обычно Мэдок практиковался только во время занятий, но в то же время охотно садился за рояль, если был расстроен или очень счастлив.

Бросив музыку, и, соответственно, лишившись отдушины, он начал совершать глупости: сдружился с этим засранцем Джаредом Трентом, издевался над Татум Брандт, вламывался в школьную автомастерскую, откуда воровал детали (об этом не знал никто, кроме меня).

– О, сомневаюсь, что его отец в курсе. Мэдок по-прежнему отказывается выступать или продолжать занятия. Нет, он играет по ночам, когда все уже спят, пока никто не видит и не слышит. – Она остановилась и посмотрела на меня. – Но я его слышу. Тихий перелив клавиш, доносящийся из подвала. Едва заметный. Будто призрак, который никак не решит, остаться ему или уйти.

Я представила Мэдока, играющего в одиночестве внизу, посреди ночи. Что именно он исполнял? Почему?

А потом вспомнила вчерашнего Мэдока. Того, который считал меня шлюхой, живущей на халяву.

Частый ритм моего сердца замедлился до монотонного гула.

– Когда он начал играть? – спросила, глядя в патио, где он говорил с кем-то по телефону.

– Два года назад, – тихо ответила Эдди. – В день твоего отъезда.

Мэдок

Теперь я понимал, почему Джаред топил себя в бесконечных попойках из-за Тэйт. Отвлечение – полезная штука. Если на уме много всего накопилось, то можно отогнать навязчивые мысли с помощью шума, выпивки, девушек, и двигаться дальше по жизни со скоростью света. Когда мой друг замедлялся достаточно, чтобы задуматься, тогда он попадал в переделки. Однако, в конечном итоге, между ними все наладилось. Он давил на Тэйт, она начала давать отпор. Он продолжал давить, и она наконец-то надрала ему задницу.

Мы с Фэллон были очень на них похожи. Только я не любил ее, а она не любила меня. Когда-то я увлекся ею – мне вскружило голову то, что Фэллон позволила воплотить с ней все мои бурные подростковые фантазии – но мы не были влюблены.

Всего лишь два человека из ненормальной семьи, равняющиеся на своих ненормальных родителей.

И ни один из нас не знал, как жить иначе.

Она умчалась к себе в комнату после завтрака, а я принялся готовиться к вечеринке, которая должна была начаться во второй половине дня и продлиться до следующего утра, будь на то моя воля.

Я надеялся, что Фэллон появится, но в то же время хотел, чтобы она находилась подальше от меня.

Фэллон странным образом влияла на мое тело.

"Но лишь потому, что она не такая как все", – сказал себе.

В последний раз я видел ее спящей на кожаном диване в нашем домашнем кинотеатре; из одежды на ней была только моя футболка. Она надула губы и потерла нос во сне; помню, я тогда подумал о том, как терпеть не мог Фэллон в течение дня и как хотел ее по ночам, когда она прятала свой ядовитый язык.

Все в школе считали ее странной. И уж точно думали, что она лесбиянка. Ни один парень не считал Фэллон сексуальной.

Симпатичной? Определенно. Даже несмотря на шапки, вечно покрывавшие ее голову, и очки, скрывавшие ее глаза.

Но не сексуальной. Ее пирсинги их пугали; а из-за ее манеры одеваться любой бы постеснялся назвать Фэллон своей девушкой.

Только я знал правду. Я видел ее без одежды... случайно, разумеется...

и знал, что она прятала.

Однако с тех пор прошло два года. Она больше не была сексуальной.

Сейчас Фэллон была смертельно опасна. Невзирая на наследственную ирландскую бледность, ее кожа казалась золотистой, с прелестной россыпью веснушек на переносице и под глазами. Она покрасила волосы. Невзрачный темно-русый уступил место трем различным оттенкам каштанового, в меру разбавленным белокурыми прядями.

Ее зеленые глаза выглядели еще более выразительно, чем раньше. Утром пришлось буквально силой сдерживать себя, притворяясь, будто не пялюсь на нее. Когда Фэллон вошла в кухню в пижаме, с таким видом, словно ее блаженно трахали ночь напролет, у меня кровь закипела.

Но какая на хрен разница. Этот поезд ушел давным-давно; и ей ни за что не испугать нанесенный ущерб.

– Чтобы за руль никто не садился. – Эдди пригрозила мне пальцем, пока я устанавливал ноутбук и акустическую систему в патио, готовясь к вечеринке.

Вяло отсалютовав, отмахнулся от нее:

– Иди посмотри повторы "Секса в другом городе".

Она закатила глаза, после чего поднялась по лестнице в свою комнату на третьем этаже.

Мы не из претенциозности поселили прислугу вдали от себя. Из всего персонала Эдди единственная жила в доме, а третий этаж больше напоминал отдельную квартиру, с собственной кухней, двумя спальнями, двумя ванными и гостиной. Так было не всегда; отец перестроил его специально для Эдди, когда понял, что в жизни ее не отпустит.

Фэллон куда-то укатила на своем мотоцикле поздним утром и вернулась в районе часа дня. После этого я ее не видел. К половине четвертого у меня дома собрался выпускной класс школы Шелбурн-Фоллз практически в полном составе. Джекс приехал пораньше, чтобы помочь мне с организацией и распределением закусок, доставленных по заказу. Я заметил машину Джареда, припаркованную у бокового подъезда, значит, они с Тэйт были у себя в комнате – той самой, которую я отдал им в личное пользование, чтобы могли оставаться "наедине" без надзора ее отца.

Ну его нафиг. Они были влюблены, а я любил их как собственную семью, так что – *mi casa es su casa* [исп. Мой дом – твой дом].

– Давай, чувак. Поторапливайся, – подстегнул Джекс, неся кран для кега, пока я тащил упаковку пластиковых стаканов. Народ перемещался из дома к бассейну и обратно, наслаждаясь приятным вечером.

– Джеймисон, – крикнул я Бену, который кадрил Кендру Стивенс в

бассейне. – Даже не думай об этом, старик. Я там уже был, – поддразнил его.

– Заткнись, Мэдок. Размечтался, – возмутилась Кендра, шлепнув рукой по воде, в попытке меня обрызгать.

– Эй, ты была хороша, детка. – Я пожал плечами, следуя за Джексом. – Для толстушки, даже особо не вспотела.

У Бена округлились глаза, а она заорала, топнув стройной ногой по надувному плоту и разлив свой напиток:

– Мэдок!

Я догнал Джекса, который хохотал про себя так, что у него лицо покраснело.

Сняв предохранители и установив разливной кран, он высыпал около пяти пакетов льда в емкость, где стоял кег; я же начал сливать первую порцию пены.

– Привет, Мэдок. – Ханна и ее подружка Лекси подошли ко мне. – Джекс. – Они обе кивнули ему. Он тоже ответил лишь кивком.

– Что нового, дамы? – спросил я, отпив пива.

– Хорошо лето проводишь, Мэдок? – поинтересовалась Ханна, как будто мы не виделись прошлой ночью.

– Не то слово. Ты?

– Довольно неплохо, – ответила она, положив руки на талию и еще больше выпятив грудь. – А ты как, Джекс?

– Лучше быть не может, – пробубнил он, до сих пор пересыпая лед.

– О, мне кажется, может. Гораздо. – Ханна провела ладонью по его спине; я заметил, как Джекс напрягся. Ее намек был очевиден. – Еще увидимся, – дразняще пообещала она, после чего они с Лекси ушли.

Я хмыкнул и сделал еще один глоток.

Джекс получал все больше знаков внимания. Учитывая то, что Джаред был занят, а я собирался уехать в колледж, у меня не оставалось сомнений – он справится с объемом работ. Хотя все зависело от его настроения. Порой Джекс напоминал хищника, действовавшего по принципу "найти-и-уничтожить". А временами вел себя так, словно с большим удовольствием вырвал бы себе ногти, чем поговорил с определенной девушкой.

– Сопротивляться бесполезно, Джекс. – Я хлопнул его по спине. – Не позволяй им себя запугать. Просто наслаждайся.

– Отвали. – Он выпрямился, выкинув пустой пакет. – Я начал заниматься сексом раньше тебя. Мне просто не нравятся такого рода женщины. – Джекс окинул взглядом купавшихся в бассейне людей. – Они видят во мне игрушку.

Я вручил ему стакан пива.

– И что в этом плохого?

Его челюсти сжались; он тихо ответил:

– Мне просто это не нравится.

Джексон никоим образом не боялся девушек. Хотя я и был в курсе о его тяжелой жизни, временами все-таки гадал, а известно ли мне на самом деле, что представляла собой "тяжелая жизнь". Сложив вместе обрывки информации, я догадался, что отец Джареда и Джекса, который в данный момент сидел в тюрьме, их избивал. Джексу досталось больше, ведь он вырос с этим человеком, в то время как Джаред провел с ним только одно лето.

Мрачные настроения Джареда были более заметны и выражались более вспыльчиво, чем у его брата. У Джекса тоже бывали такие моменты, но я редко их видел. Он обычно исчезал, пропадал где-то полночи, однако на следующий день показывался в школе вовремя. Братья несли в себе много злобы, но по-разному с ней справлялись.

Если доведешь Джареда – получишь кулаком в живот. Если доведешь Джекса – он взломает городскую базу данных и выпишет ордер на твой арест.

Если ударишь Джареда – он сделает из тебя отбивную.

Джекса никто не осмелится ударить. У него всегда при себе есть нож.

– А вот эта – уже другое дело, – произнес вдруг Джекс, указав своим стаканом в сторону. – Она выглядит как библиотечарша из порнографического книжного магазина. Кто это, черт возьми?

Я проследил за его взглядом в направлении дверей, ведущих из дома в патио, откуда вышла Фэллон.

Господь Всемогущий. Какого черта?

Фэллон никогда не оголяла свое тело, не красилась, не укладывала волосы.

Какого дьявола она сделала все это сейчас?

Тэйт подошла к ней, взяла за руки, улыбаясь. Затем подвела к одному из столиков, по всей видимости, представляя ее Джареду.

Но Джаред был знаком с Фэллон.

Откуда ее знала Тэйт?

Фэллон

– Я словно в сумеречную зону попала, – сказала я Тэйт после того, как она представила меня своему бойфренду. – Ты встречаешься с ним?

Сначала девчонка заявляет, что дружит с моим сводным братцем, а теперь выясняется, что она спит со второй половиной Дуэта Недоумков?

То есть, я понимаю. Вроде как.

Мэдок обаятелен и сексуален. Джаред просто сексуален. По крайней мере, Мэдока природа наградила щедрее. Тэйт следует какой-то божьей миссии по перевоспитанию засранцев?

– Что ж, – резко произнесла Тэйт, сев за стол напротив Джареда, – она явно с тобой не спала, раз не входит в фан-клуб. Мне от этого стало легче.

Джаред, одетый в черные плавательные шорты до колен, вальяжно развалился на стуле, так по-хозяйски. Он провел указательным пальцем по губе, рассматривая меня.

Не стеснясь выказать свои чувства, скрестила руки на груди, стараясь не зарычать.

– В последний раз, когда я видела вас двоих, ты довел ее до слез, – напомнила, глядя на него в ожидании.

Я услышала, как Тэйт, сидевшая справа от меня, фыркнула, а Джаред улыбнулся сквозь пальцы.

– Мой характер изменился в лучшую сторону, Фэллон. Про тебя того же не скажешь. Может, начнем все с начала? – Он протянул мне руку. Я колебалась достаточно долго, заставив всех почувствовать себя неловко.

Но ответила на рукопожатие.

Какого черта? Если Тэйт счастлива, а она казалась счастливой, тогда остальное – не мое дело.

Они составляли красивую пару. Джаред выглядел так же, как раньше, только стал больше. Тэйт тоже смотрелась чертовски очаровательно в своих красных бикини и черном рашгарде с короткими рукавами.

– Привет, старик. – Джаред кивнул кому-то позади меня, и я спиной ощутила давление. Хотя меня никто не касался.

– Тэйт, – спросил Мэдок, – откуда ты знаешь Фэллон?

– Мы встретились вчера на пробежке. Я пригласила ее на вечеринку. Надеюсь, ты не возражаешь. – Тэйт улыбнулась мне, затем продолжила: – Хотя Фэллон не написала мне, так что я не была уверена, появится ли она.

А вы откуда друг друга знаете, ребята? В школе познакомились?

– Фэллон живет в моем доме, – ответил Мэдок, дразня меня.

– Наши родители женаты, – пояснила, после чего обернулась к Мэдоку.

– Но мы не близки. Никогда не были.

Он сощурился, словно пытался в чем-то разобраться.

– Я вижу твой лифчик, Фэллон. – Мэдок вздохнул и отвернулся, состроив скучающую мину.

Я знала, что он мог видеть мой лифчик. Я знала, что все могли его видеть. Именно этого и добивалась. Я не собиралась плавать, поэтому надела черный бюстгальтер со сложной системой бретелек, которые огибали торс спереди, переходили на спину и спускались на грудь через плечи, пересекаясь. Такую вещь не полагалось прятать, так что я выбрала свободную майку с глубоким V-образным вырезом. Так же на мне были черные шорты и вьетнамки. Из аксессуаров оставила только серьги и очки. На меня уже поглядывали заинтересованно; я знала, что Мэдок из-за этого взбесится.

Неважно, хотел он меня до сих пор или нет, но Мэдок наверняка не допустит, чтобы я досталась кому-то другому.

– Тебя это беспокоит? – Уголки моих губ приподнялись в злорадной улыбке. – Тэйт, скажи ему, что я выгляжу сексуально.

– Я бы ее поимела, – поддержала она меня. Я услышала, как Джаред засмеялся.

Мэдок смотрел мне в глаза с выражением, в котором я узнала вызов. Он хотел поиграть, но не желал этого признавать.

Скрестив руки на груди, наклонилась к нему, чтобы прошептать на ухо:

– Помнишь, что случилось в последний раз, когда я появилась на одной из твоих вечеринок без приглашения? Ты до сих пор об этом думаешь, верно?

Медленные движения его грудной клетки ускорились, однако на сей раз он не разомкнул рта, пронизывая меня взглядом.

– Ладно тебе, Мэдок! – Обогнув его справа, пошла спиной вперед к бассейну. – Это же вечеринка. Не будь занудой.

Я повернулась к Мэдоку спиной, не желая признавать, насколько мне хотелось увидеть его лицо сейчас. С выпрыгивающим из груди сердцем, резко стянула с себя майку, затем шорты, бросив их на землю. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы отдышаться, в то время как разговоры вокруг стихли, и гости вечеринки оставили свои дела, глаза на меня, стоявшую в одном нижнем белье.

Некоторые присутствовавшие тут девушки демонстрировали куда более откровенные купальники. Мой лифчик, хоть и сексапильный, прикрывал груди, к тому же я была в трусиках-шортах из черного кружева. Да, пусть мое тело и было скрыто, я все равно выглядела непристойно, ведь это нижнее белье.

Мои руки дрожали. *Что я делаю?*

Я не собиралась устраивать шоу. И оделась так, намереваясь привлечь его внимание, а не всех остальных. Но подобный шаг был необходим, если я хотела, чтобы Мэдок отреагировал так же, как два года назад, когда я пришла на его вечеринку. Мне хотелось разозлить его, свести с ума. Я хотела заманить его в ловушку.

– Тэйт. – Я оглянулась, избегая зрительного контакта с Мэдоком. – Тащи свою задницу в бассейн. Давай обсудим Северо-Западный.

Ее брови поползли вверх, она моргнула, словно сомневаясь, как ответить.

– Эмм, хорошо. – Тэйт поднялась со стула и направилась ко мне, а я нырнула.

Мы с ней не плавали. Просто дурачились и смеялись; время от времени кто-нибудь прыгал бомбочкой в бассейн или какая-нибудь идиотка позволяла своему бойфренду кинуть ее в воду. Я намеренно не искала взглядом Мэдока, хотя чувствовала, что он находился где-то поблизости. Едва заметив его смехотворные вычурные шорты в серо-черную клетку, моментально отводила глаза.

Ладно, не такие уж и смехотворные. Мэдок умел носить даже те вещи, которые другим бы не пошли. Помню, как ненавидела его одежду раньше. Надежную. Конформистскую. Всю из Gap.

Но я выяснила, что такой стиль был частью его напускного образа. Вслед за этими вещами он избавлялся и от своей маски. По ночам, когда Мэдок оставался в одних джинсах, я будто видела совершенно другого парня.

Сильного. Властного. Моего.

Очевидно, другие тоже знали его с лучшей стороны, если он мог назвать Татум Брандт своим другом. Насколько я могла судить, она была амбициозна и уравновешенна.

Ее бойфренда я бы послала ко всем чертям, однако должна признать – он, похоже, повзрослел. Джаред обзавелся неплохими татуировками. Практически всю его спину покрывал шикарный рисунок, изображавший дерево. У меня татуировок было больше, но меньшего размера. Возможно, у нас с ним появилось что-то общее.

Мне было любопытно узнать историю Джареда и Тэйт. В течение вечера я все сильнее убеждалась, что он ее заслужил. Джаред не сказал ей ни одного неприятного слова, не общался с другими девчонками и всегда прикасался к ней, если они стояли рядом. То руку на плечо положит, то ладонь на поясницу, то в макушку поцелует.

И эти люди – лучшие друзья Мэдока. Я не испытывала неприязни или отвращения в их обществе.

Обтерев себя полотенцем, снова оделась и пошла к кегу за пивом, в то время как Джаред с Тэйт присоединились к Мэдоку и какой-то блондинке у костра.

Солнце уже село, на улице было нехолодно, однако дул приятный ветерок. Вечеринка по-прежнему кипела, но люди стали разделяться на группы. Некоторые вернулись в дом, чтобы посмотреть фильм или поиграть в видеоигры, остальные разбрелись по саду и двору. Уверена, несколько гостевых спален также были заняты.

– И откуда у Мэдока сестра? – спросил низкий, бархатистый голос откуда-то сбоку.

Я приподняла голову; у меня челюсть буквально отвисла.

Святые небеса.

Парень – явно младше нас – был неописуемо красив. Черт, кто...

С гладким лицом, сильной угловатой челюстью, высокими скулами. Прямые, восходящие брови еще больше подчеркивали его поразительно голубые глаза на фоне загорелой кожи. А может, он от природы такой смуглый. Его длинные темно-коричневые волосы были собраны в хвост.

У парня не было татуировок, и он в них не нуждался. Зачем отвлекать внимание от такого телосложения и роста? Подобная внешность должна считаться противозаконной. Проклятье, то, как я на него смотрела, тоже противозаконно, наверно. Мой взгляд стал жестче. Надеюсь, очки скрыли, как я глазела.

– У Мэдока нет сестры. – Я поджала губы. – Ты кто?

– Джексон Трент, – ответил он непринужденно. – Не волнуйся, я не пытаюсь за тобой приударить. Думаю, мне бы пришлось стать в очередь после того, как ты предстала перед всем миром в нижнем белье. – Парень улыбнулся, отчего его глаза озорно блеснули. – Мне понравилась твоя дерзость. Просто хотел поздороваться.

– Трент? В смысле, как Джаред Трент? – Глядя на Джексона, сделала глоток пива.

– Да, он мой брат.

Он ответил с такой гордостью, что у меня язык не повернулся

связзвить.

– Мне нравятся твои пирсинги. – Джексон указал на мои уши. – Это ты вдохновила Мэдока?

– На что? – Мы двинулись к костру. Мои вьетнамки скользили по лужам на площадке перед бассейном.

– Пирсинг, – сказал он. – Ходит слух, что у него есть один где-то, но мы его не видели. Тэйт думает, что это Принц Альберт. Я за Лестницу Иакова. Мэдок из тех, кто действует по принципу "либо все, либо ничего".

Мэдок с пирсингом? И этот гад столько подтрунивал надо мной. Я горько хохотнула.

– Ну, откуда ж мне знать.

– Да уж, мы все с ума сходим от любопытства, – пошутил Джекс, усаживаясь перед огнем.

Благодаря чаше для костра, наряду с джакузи, дворик можно было использовать в любое время года, даже в холодные зимы, характерные для Среднего Запада. В медной чаше диаметром больше метра разжигали настоящую древесину, поэтому костер давал достаточно тепла.

Так как температура стояла вполне сносная, дров в чашу положили немного. Огонь мягко освещал пространство, и только наши глаза сияли ярче, отражая танцующие языки пламени.

Джаред сидел на земле, прислонившись спиной к камню, Тэйт расположилась у него между ног, откинувшись ему на грудь. Мэдок в похожей позиции сидел в кресле с противоположной стороны чаши. У него между ног тоже пристроилась девушка.

Кто бы сомневался.

Он обвинил рукой ее шею, но не в угрожающей манере. Мэдок поглаживал ее кожу, водя большим пальцем по кругу. Она смотрела на пламя, периодически прикрывая глаза, явно наслаждаясь знаками внимания.

Я наблюдала за пальцами Мэдока, замороженная тем, как девушка таяла в его руках. Он ласкал медленно и нежно, аккуратно и заботливо. По-собственнически. Внизу живота стало нарастать напряжение. Я сжала бедра, ощутив давно забытый жар.

А потом подняла глаза. Грудь сдавило.

Мэдок смотрел на меня. Я замерла, не увидев в его взгляде обычных эмоций. Ни следа веселья. Ни озорства. Ни хитрости.

Маска была спущена.

"Whore" группы In This Moment зазвучала из динамиков. Я смотрела ему в глаза. Его настойчивый взгляд словно огнем опалял мою кожу. В

попытке хоть как-то облегчить сухость во рту подвигала языком.

Он касался ее, но его глаза были прикованы ко мне. Каждый раз, когда Мэдок поглаживал челюсть девушки или проводил пальцами по ее щеке, я буквально чувствовала покалывание собственной кожей.

Закрыла глаза, затем вновь их открыла, чтобы разорвать эту связь.

– Ты до сих пор катаешься на скейте?

Я вновь моргнула, услышав вдалеке раскат грома.

– Что ты сказал? – спросила, обернувшись к Джексу. *Просто дыши, Фэллон.*

– У тебя на внутренней стороне запястья татуировка со скейтбордом. – Он указал на мою кисть. – Это твоя полурампа с резким радиусом стоит в подвале?

Моя полурампа? Джекс ее видел?

– Она все еще там? – недоверчиво уточнила я. Мне не верилось.

Он кивнул.

– Ага, рядом с роялем.

Я тут же потупила взгляд.

Странно. Если все остальные вещи выкинули в мусор, зачем оставили огромную полурампу, которая занимала место? Много места. В надежде на чудо уже собиралась спросить у Джекса, не сохранились ли мои доски (вдруг Мэдок или кто-нибудь из его друзей сберег их для себя), но он завел разговор с другим парнем.

Тэйт коснулась моей руки, и я повернулась вправо.

– Что произошло между тобой и Мэдоком? – Она явно старалась говорить тише, однако, когда Джаред услышал вопрос, он посмотрел мне в глаза. – Похоже, между вами затаилась неприязнь, – добавила Тэйт.

Я опять бросила быстрый взгляд на Джареда, гадая, рассказал ли ему Мэдок о нас, но он уже отвлекся.

– Мы просто никогда не находили общий язык. – Пожав плечами, попыталась сохранять тон непринужденным. – Учитывая то, как эти двое обращались с тобой в прошлом, – пошутила я, указывая на Мэдока и Джареда, – уверена, ты понимаешь, из каких соображений я исхожу.

Она улыбнулась и повернула голову, глядя на своего бойфренда.

– Да, понимаю. – После чего Тэйт посмотрела на меня строго. – Но я также знаю, что у любой истории есть две стороны. Вы должны поговорить.

– Мы едва терпим друг друга, находясь в одной комнате.

Мэдок переводил взгляд с меня на Тэйт. У меня не возникло сомнений. Он был раздражен. Может, он гадал, о чем мы разговаривали, или просто не

хотел, чтобы я тут находилась.

Черт, я знала, что он возражал против моего присутствия – именно поэтому я и пришла.

Мое внимание привлекли резкие реплики, донесшиеся слева. Я отвела взгляд от Мэдока.

– По-моему, если уж трусишь сам выехать на трек, тогда тебе лучше заткнуться, – парень, сидевший около Мэдока, рывкнул на Джекса, который по-прежнему оставался рядом со мной.

– И с кем я должен гонять? – Джекс ехидно улыбнулся. – С тобой? Да уж, я такой кайф словлю. Я гоняю только в случае достойной конкуренции.

– Не знаю, какого черта ты добиваешься, Джекс, но меня достало...

– Хочешь узнать, чего я добиваюсь? – перебил Джексон задиристо. – Я хочу, чтобы твоя девушка стерла с губ свой позерский розовый блеск и села ко мне в машину. Вот чего я хочу.

Со всех сторон послышались смешки. Я огляделась. Мэдок тихо засмеялся, покачивая головой, а Джаред, сотрясаясь от тихого смеха, уткнулся лицом Тэйт в шею.

Тэйт, заметив мое замешательство, пояснила шепотом:

– Это Лиам. Парень Кейси. – Она указала на красивую брюнетку, которая сидела рядом с Лиамом и ошарашенно глядела себе на колени. – Он изменил ей в прошлом году, но они опять сошлись. Джекс молчит, однако, мне кажется, он...

"Хочет ее", – закончила я про себя мысль Тэйт. Ну, если хочет, почему не добивается? Ведь ее бойфренд-герой явно ему в подметки не годится.

Лиам сжал челюсти, переведя взгляд с Джекса на свою шокированную девушку. Судя по виду, она была готова сквозь землю провалиться.

– Между вами что-то есть? – спросил он у Кейси.

Поджав губы, она сглотнула, избегая зрительного контакта со всеми, затем тихо ответила:

– Нет, конечно.

Компания наблюдала за перепалкой Джекса и Лиам. Джаред, Тэйт и Мэдок улыбались, смеялись, либо напрягались в зависимости от того, отвечивал ли Джекс шутки или подвергался оскорблениям. Я поняла, насколько они были сплочены, готовы постоять друг за друга. Мэдок с гордой улыбкой смотрел на Джексона, будто на брата, и так легко общался с Тэйт. Эти ребята стали его семьей.

Ну, кроме Лиам и Кейси. Она помалкивала, явно сгорая от стыда, однако ее мимолетные взгляды в сторону Джекса не ускользнули от моего внимания. Кейси казалась ранимой. Я была такой же когда-то.

Но душевные страдания прекрасны. Они приносят боль, ты словно в гору взбираешься, пытаешься вернуться к здравому смыслу, становясь в процессе сильнее, яростнее и увереннее, чем прежде.

Взмахнув руками, я покачала головой, не в силах больше выслушивать идиотские реплики Лиамы.

– Так, стоп, – перебила его. – Значит, ты изменил своей девушке в прошлом году. – Я умолкла и помахала Кейси. – Привет, Кейси. Я – Фэллон, кстати. – После этого вновь сосредоточила внимание на Лиами. – А теперь беспокоишься, что она изменит тебе? По-моему, ты получил девушку, которую не заслуживаешь.

Присутствующие вновь засмеялись. Кейси с неловким видом заерзала на кресле. Нахмутив брови, она поднялась, замешкалась, словно не зная, как действовать без указаний. Я заметила, что она водила ногтем большого пальца одной руки по запястью другой.

– Я возвращаюсь домой. – Кейси надела футболку поверх своего бикини. – Всем до скорого.

Она стала спускаться по каменным ступенькам к бассейну. Я увидела, как Джек сжал кулаки, когда Лиами встал и подошел к нему.

Он наклонился, возвышаясь над Джеком, который сидел, опираясь предплечьями на колени и лишь немного склонив голову набок, готовый ко всему.

– Оставь его в покое, Лиами. – Грозная команда Кейси удивила меня. В ее глазах появился огонь, которого не было раньше.

Проигнорировав ее, Лиами прошептал Джеку угрожающе:

– Она моя.

– Только до тех пор, пока я не начну пытаться это изменить, – с вызовом ответил Джек.

Мы все безуспешно попытались скрыть улыбки, когда Лиами промчался через патио вслед за Кейси.

В одном я была уверена. Может, я и ненавидела Мэдока, но мне нравились его друзья.

Мэдок

Я ее придушу.

Не девушку, сидевшую у моих ног, на месте которой я представлял Фэллон, а саму Фэллон.

Эта девка расхаживала вокруг, словно у себя дома, словно у нее тут были друзья. Они с Тэйт вели себя как лучшие подружки, Джекс улыбался, беседуя с ней. Я оглянуться не успею, и Джаред примется обсуждать с ней ее байк или еще какую-нибудь хрень.

Что она задумала? Почему вернулась домой по собственному желанию спустя столько времени, хотя два года назад практически сбежала отсюда? Фэллон приехала всего на неделю. Что она собиралась делать?

– Кто это? – обернувшись, спросила Тэйлор, сидевшая передо мной. Она глянула на Фэллон, потом опять на меня, и я понял, что паялился.

Плохи дела.

Я улыбнулся, стараясь держаться самоуверенно.

– Кое-кто, кому нравится смотреть, полагаю.

Фэллон тоже не сводила с меня взгляда. Кто знает, сколько длился наш зрительный контакт. Надеюсь, никто не заметил.

Я осмотрелся по сторонам. Джаред шептал что-то Тэйт на ухо, а она прижалась к нему, все остальные тоже были поглощены разговорами.

– Потеряйся, милочка, – ехидно заявила Тэйлор в сторону Фэллон.

Та не осталась в долгу, симитировав фальшивую сладость ее тона:

– Ты в обществе, милочка. Найди себе укромное место.

Тэйлор попыталась встать, но я положил руки ей на плечи, заставив сесть обратно.

Она не была неженкой. Тэйлор вела себя коварно, однако ей хватало духу подкреплять свои слова действиями.

– Все в порядке. – Из груди рвался смех, но слова прозвучали искренне. – Фэллон любит сеять смуту. Не позволяй ей спровоцировать себя.

Зеленые глаза Фэллон полыхнули яростью. Я ждал ее реакции, которая обязательно последует. Она всегда огрызалась в ответ.

– Тебе следует проверять, кого ты приглашаешь на свои вечеринки, Мэдок. – Тэйлор откинулась назад, вновь расслабившись.

– Я ее не приглашал. Мне ее просто жаль. У Фэллон не так уж много

друзей.

Тэйлор засмеялась.

– Да уж, с таким вкусом она обзаведется только врагами.

– Мэдок, какого черта... – начала Тэйт, но ее перебили.

– Все нормально, Тэйт. – Фэллон выпрямилась и подняла очки на голову. Публика, собравшаяся вокруг костра, погрузилась в мертвую тишину.

Фэллон продолжила беспечным, издевательским тоном:

– Мы еще в школе выяснили, что агрессоры обижают других, потому что не уверены в себе. Они сами испытывают боль. – Она обняла колени руками. – Нам не стоит злиться. Мы должны их жалеть. Мэдок в жизни не принимал реальных решений, значит, у него не было ничего настоящего. Этот дом, машины, деньги. Это все иллюзия. Все равно, что хвалиться победой в войне, в которой не участвовал. – Фэллон вздохнула, медленно прошептав: – Мэдок понятия не имеет, кто он.

Отчего-то сдавило сердце; ощущение распространилось по груди, вниз по рукам. Я посмотрел на нее с напускным весельем, но радости не чувствовал.

Фэллон всегда была такой упрямой. Всегда. Стремясь казаться крутой, она несла чушь, о которой даже не задумывалась.

Но сейчас ее слова звучали по-другому. Более расчетливо. Фэллон думала обо мне. Анализировала меня. Предугадывала мои реакции.

– Ты права, Фэллон. – Я опустил взгляд на свое пиво, болтая коричневую жидкость в стакане. Снисходительно вздохнув, достал свой телефон. – Но я также знаю, что мои родители ответят, если я сейчас им позвоню. Моя мама прилетит сюда первым же рейсом, если скажу, что она мне нужна. А мой папа не скрывается от прослушек и обвинительных вердиктов суда. У меня есть друзья, которых я не променяю на все это барахло. – Я взмахнул рукой, указывая на поместье. – И у меня есть еще один плюс.

Я улыбнулся до ушей, встал с кресла, допил пиво залпом. Зная, что все и так наблюдали, никому не стал смотреть в глаза.

Не делай этого.

Отбросив стаканчик в сторону, спустился по ступенькам на нижний уровень, обошел бассейн, добрался до дверей, ведущих в дом, где стоял ноутбук.

– Я умею петь.

Небо озарила молния, пока я готовился.

Кликнув на один из своих плей-листов для занятий спортом, открыл

песню Offspring, идеальную для данной ситуации, и подхватил бутылку воды, чтобы использовать в качестве микрофона.

Текст в "Why Don't You Get a Job?" начинался до вступления музыки, но я был готов. Разумеется, мне пришлось внести некоторые изменения.

– Мой отец нашел себе жену! – проорал я, встав на бортик джакузи. – Боже, он ненавидит эту суку!

Все обернулись в мою сторону.

Когда началось соло ударных, сжал бутылку крепче, мотая головой, скармливая публике свое позерство.

Мое позерство. Я сам на нем держался. Именно поэтому я нравился людям.

Улыбаясь, продолжал петь. Народ стал подпевать, тоже развеселившись. Гости поднимали стаканы вверх, разливая пиво, танцевали, выкрикивали одобрительные реплики. Я не смог сдержать смех, глядя на шумную толпу. Похоже, все были пьянее меня.

Чья-то рука сомкнулась на моем запястье, и меня стащили с бортика.

– Черт, что с тобой творится? – спросил Джаред.

Я фыркнул.

– Подожди, – сказал, подняв руку. – Ты будешь меня учить, как обращаться с женщинами? Ага, только помедленней, я записываю.

– Фэллон – твоя семья, придурок. И она только что убежала отсюда, сгорая от стыда!

Она ушла?

Я обогнул Джареда, направившись в дом, но он преградил мне путь.

– По-моему, с нее достаточно на сегодня. – Его голос звучал тише, однако все так же непреклонно.

С каких пор Джаред стал таким ханжой? Сколько раз он издевался над Тэйт, а теперь пытался приструнить меня?

– Помнишь, как я хотел помочь тебе когда-то, но ты сказал, чтобы я помалкивал? – Я оскалился. – Пора последовать собственному совету.

Не важно. Может, Джаред думал, что я пьян, или пытался уладить ситуацию, которую до конца не понимал, только мне не понравилось, как он тут же кинулся ее защищать.

Фэллон не получит моих друзей.

Оттолкнув стеклянную раздвижную дверь, вошел внутрь. Маневрируя между гостями, ошивавшимися на кухне, прошел по холлу в фойе.

Перепрыгнув через перила, пустился вверх по лестнице, переступая через две ступеньки.

– Ты не свою сестру ищешь? – спросил один из моих друзей, Сэм. Я

обернулся. Он дежурил у двери сегодня, собирал у людей ключи при входе и проверял их трезвость на выходе.

Мне не понравился его вопрос.

– Свою сводную сестру, – уточнил. – Да, я ее ищу. А что?

Сэм указал большим пальцем на парадную дверь.

– Она взяла твою машину.

У меня глаза округлились. Твою же мать!

– Ты отдал ей мои ключи? – проорал я, спускаясь вниз.

Он выпрямился, поднявшись со стула.

– Она твоя сестра, – ответил Сэм, будто это все объясняло.

Я протянул руку, и рявкнул:

– Дай мне ключи Джареда.

– Они с Тэйт держат их у себя в комнате. Они все равно никуда не собирались сегодня.

– Тогда дай мне ключи Джекса!

Разинув рот, он стал нервно выуживать нужный брелок из чаши с ключами.

Брось эту затею.

Иди в постель.

Или лучше, возьми Тэйлор и иди в постель.

Иногда я задавался вопросом: ангелы уговаривали меня вести себя достойно или, наоборот, зывали к дьяволу?

Выхватив ключи из руки Сэма, выскочил за дверь.

Фэллон

Стащив ключи Мэдока, я выбежала из дома, но только в дороге поняла, что не имела ни малейшего представления, куда поехать. В этом городе у меня не было ни друзей, ни семьи. На самом деле мне некуда было податься, чтобы прийти в себя.

По крайней мере, в школе Святого Иосифа я находила убежище в часовне. Я ходила туда не молиться, вообще практически не участвовала в мессах, хотя их посещение было обязательно для учащихся. Но часовня мне нравилась. Там было красиво и тихо. Если не для молитв, то это было отличное место для раздумий.

Планирования.

Сейчас же, увь, ничего подобного не найти. Для карьеров слишком темно, совсем скоро будет слишком мокро, чтобы находиться под открытым небом. Уже почти полночь – для общественных мест тоже слишком поздно.

Раздался раскат грома, эхом разнесшийся по темному небу. Дождь начал заливать лобовое стекло; я сбросила скорость. Еще на вечеринке заметила приближавшуюся грозу, именно поэтому и одолжила машину Мэдока. Не хотелось промокнуть на своем байке.

Когда принц узнает, ему целую неделю придется трусишки из задницы вытягивать. Парням не нравятся издевательства над их машинами.

А мне не нравятся издевательства надо мной, поэтому, мы квиты, полагаю.

Переключив рычаг на пятую скорость, прибавила газу.

Притормози и возьми себя в руки, Фэллон.

Всю необходимую информацию о маме и мистере Карутерсе я уже собрала. Оставался Мэдок.

Однако я не предполагала, что будет настолько тяжело. Увидеть его. Знать, что он сказал правду. Я пыталась казаться сильной. То есть, после всего случившегося, я ведь должна была стать сильнее, так ведь?

В глазах жгло от подступивших слез, но я с усилием проглотила болезненный ком, размером с мяч для гольфа, вставший в горле.

Несясь по пустынному шоссе, сосредоточилась на звуке разбрызгиваемой из-под колес воды, на свете фар, освещавшем дорогу. Где-то впереди ярко сияли огни города. Вдруг на обочине я заметила знакомую

вывеску.

ПАРК ИРОКЕЗ МЕНДОЗА.

Бесчисленное количество вечеров и выходных, проведенных тут, всплыли в памяти.

Здесь я тусовалась с немногими друзьями, которых завела, пока училась в Шелбурн Хай. Я покачала головой, едва не засмеявшись. В этом парке имелись отличные площадки для скейтбординга.

Поддавшись ностальгическому порыву, свернула налево, въехала в парк и остановилась у одного из боулов. Уличное освещение обычно работало только во время каких-либо мероприятий, сейчас же стояла крошечная тьма. Я не заглушила мотор, чтобы фары осветили пространство.

Выйдя из машины, моргнула из-за легкого, но стабильного потока дождя. Подошвы моих промокших вьетнамок скрипели пока я шла к пустынному боулу. Подойдя ближе, заглянула в глубину. Сняв обувь, дрожа в своей мокрой одежде, села на край и свесила ноги в чашу, ощутив подошвами гладкую поверхность цемента.

По моему телу вновь пробежала дрожь, но я не замерзла. Ночь выдалась теплая. Хоть из-за дождя воздух и охладился, температура все равно была комфортной. Я спустилась в боул, тяжело дыша. Сложилось такое впечатление, будто крутые стены начали сдвигаться. Они никогда не пугали меня. Раньше я летела по вертикали вниз на максимальной скорости, наслаждаясь тем, с какой силой колотилось мое сердце в предвкушении следующего ската.

Тут я дышала свободней. Однако сейчас...

Услышав приглушенный гул мотора вдаль, резко обернулась. Тишину пронзил визг покрышек, когда черный Мустанг затормозил рядом с ГТО Мэдока.

Расправив плечи и вздернув подбородок, приготовилась к тому, что наверняка последует.

Мэдок выскочил из машины, даже не позаботившись захлопнуть за собой дверцу.

– Ты украла мою машину?! – крикнул он, глядя на меня с края боула.

Ему в спину светили фары, все вокруг было ярко освещено. Я старалась дышать ровно, невзирая на трепет в груди.

Он здесь. Мы одни. Оба в ярости.

Дежавю.

Именно этого я хотела. Именно так все спланировала.

Но я все равно отвернулась от него.

Раз за разом повторяла себе, что мне безразлично мнение Мэдока. В конце концов, я не намеревалась получить его сердце. Оно не являлось частью уравнения. Мэдоку не нужно любить или уважать меня, чтобы план сработал. Я бы смогла добиться того, чего хотела, не беспокоясь о его мыслях. Это. Не. Важно.

Так почему же я не могла заманить его в ловушку, как задумала? Почему хотела огрызнуться в ответ?

– Не украла. Я ее одолжила, принцесса, – выкрикнула я.

Мэдок спрыгнул в боул. Его вьетнамки громко шлепали по влажному цементу, пока он шел ко мне.

– Не трогай мои вещи, Фэллон!

– Ох, а тебе, значит, можно приходить в мою комнату и трогать меня? Тебе не удастся заполучить все, Мэдок.

Он остановился в метре от меня, и под его взглядом я снова почувствовала, как стены сдвигаются. Я ожидала больше крика, оскорблений, но Мэдок просто стоял, олицетворяя собой все, что могло меня уничтожить без единого звука. Олицетворяя собой все, что практически меня уничтожило.

Мэдок до сих пор был в шортах и вьетнамках. Без футболки. Полагаю, погнавшись за мной, он чересчур поспешно покинул дом. Он так изменился за годы моего отсутствия. Сейчас его плечи и руки представляли собой произведение искусства. Мэдок любил посещать тренажерный зал, и это дало свои результаты. Он был высок, с фигурой как у квотербека. Я желала бы не чувствовать невидимую нить, тянущую меня к нему, но солгала бы, если бы сказала, что не ощущала этого притяжения. Мы всегда хотим то, что нам во вред.

Мэдок был сексуален. Он знал об этом. И знал, что все окружающие тоже были в курсе.

Однако под белокурыми волосами, мальчишескими голубыми глазами, подтянутым телом и гладкой кожей таилось зло. Он плохой.

Когда-нибудь его внешность увянет, и рядом с той, с которой он в итоге свяжет свою жизнь, останется просто плохой человек. Мне приходилось напоминать себе об этом. Мэдок ничем не мог заслужить мое вождение.

Капли дождя стекали по его лицу; он моргнул, отчего струйки воды побежали по его щекам.

– Знаешь, что? – Мэдок презрительно усмехнулся. Судя по выражению его лица, он был готов развернуться и уйти. – Меня так достали твои выходки, Фэллон. Мне бы хотелось знать, что тебе от меня нужно. – Его

голос зазвучал увереннее. – Перед Эдди ты ведешь себя так, будто все нормально, а потом являешься на мою вечеринку в откровенных шмотках, раздеваешься до нижнего белья перед моими друзьями, чтобы произвести впечатление. – Он приблизиться ко мне вплотную. – Чего ты от меня хочешь? – Его крик буквально из глубины души вырвался.

– Ничего! – заорала я в ответ с пылающими от злости глазами. – Я ничего от тебя не хочу! Никогда больше!

Мэдок слегка отпрянул назад, будто я его удивила.

– Никогда больше? Так вот в чем дело? – спросил он. – В том, что мы трахались два года назад?

Трахались. Я опустила взгляд.

Уж лучше барабанную палочку себе в нос сунуть, чем показать ему, насколько эти слова меня ранили. Я вытерла воду со лба и поправила волосы.

Прищурившись, Мэдок заговорил, не дав мне шанса ответить:

– Можешь валить ко всем чертям, Фэллон. Мне тоже было шестнадцать. Я был девственником, как и ты. Ты тоже меня хотела, сама знаешь. Я тебя не принуждал! Тебе незачем было жаловаться нашим родителям. Боже Правый!

Что?

К этому моменту его дыхание участилось.

– Они обращались со мной так, словно я тебя принуждал! – закричал он, вскинув руки вверх. – Ты сказала им, что я тебя заставил?

– Мэдок, я...

Какого хрена, о чем он? Мое дыхание, мои руки, мои колени – все дрожало.

– Пошла ты, Фэллон, – перебил Мэдок, еще больше рассердившись. – Тебе нужно было сказать хоть слово. Я бы оставил в покое, но я думал...

Он не договорил, глядя на землю, и сжал губы, словно от отвращения не мог продолжать.

Воздух в легких закончился. *Какого черта?*

Его слова, будто пощечины, практически сбили меня с ног. О чем, черт возьми, он говорил?

Я сделала шаг ближе к Мэдоку.

– Они сказали тебе, что я пожаловалась?

Он вздернул голову вверх. Я увидела, как дрогнули его мускулы, когда Мэдок сжал челюсти.

– Твоя мать сказала, что тебе было противно все то, что я с тобой делал. Что ты хотела оказаться подальше от меня, и поэтому исчезла так

внезапно. – Слова стекали с его губ, словно кровь из глубокой раны.

Проклятье. Закрыв глаза, покачала головой. Быть этого не может!

Если они солгали и сказали Мэдоку про мои жалобы, значит, он думал, что я уехала по собственному желанию. Он думал, что я пошла к нашим родителям и попросила отослать меня в другую школу.

Я слизнула воду с нижней губы, открыла глаза, посмотрела на его хмурое лицо.

Мэдок не хотел от меня избавляться. Он думал, что я сбежала.

Неожиданные новости.

Но это ничего не изменит. Если наши родители соврали нам обоим, я все равно с ними расквитаюсь. Пусть Мэдок и не был таким подлым, как я изначально думала, однако он не невинен. Он обращался со мной, как со шлюхой, даже не попытался меня вернуть. Ни разу не позвонил, не написал, не искал меня. Я столько всего пережила в полном одиночестве.

Они все по-прежнему мои враги.

– Уйди с дороги. – Я прошмыгнула мимо него, взобралась по скату вверх.

Однако прежде чем успела дойти до машины, Мэдок схватил меня за локоть и развернул лицом к себе.

– Нет, нет. Ты не уйдешь, пока я не получу объяснение.

Я посмотрела на него, ощущая жар его кожи через свою мокрую майку.

– Объяснение? – Пожала плечами. – Полагаю, это генетическое, Мэдок. Размер пениса передается по наследству. Тут ничего не поделаешь.

Я резко отвернулась, направилась к ГТО. У меня челюсти свело от усилий сдержать улыбку.

Открыв дверцу, дернулась назад, потому что ее с силой захлопнули перед моим носом.

Черт!

Сердце заколотилось быстрее, по венам растекся жидкий огонь.

Прежде чем успела повернуться, Мэдок подступил ко мне сзади, прижав меня грудью к двери машины.

Воздух с бешеной скоростью покидал и заполнял мои легкие, меня окутало теплом с ног до головы.

– Скажи, что тебе было противно, – с вызовом предложил он. Его горячие губы коснулись моего уха. – Я хочу услышать это от тебя.

Он целует меня. Его влажный рот накрывает мои губы. На каждом участке моей кожи, которого коснулись его язык и руки, теперь ощущается запах сигарет. Его пальцы скользят вниз по моим ягодицам,

сжимают их.

– Готова подняться наверх? – спрашивает он. – Я хочу посмотреть, насколько ты плохая на самом деле.

Отрицательно качаю головой. Нет.

– Нет, я хочу вернуться на вечеринку.

Почему я позволила ему поцеловать себя?

Порываюсь влево, но он врывается в меня своим телом, преграждая путь.

– Но ты меня раздражила. Давай же, пойдем, развлечемся немного. – Подняв руку, он проводит большим пальцем по моему соску.

Мои глаза расширяются, кулаки сжимаются. Я готова его ударить.

– Отвали от нее.

Я слышу голос Мэдока из-за спины парня, возвышающегося надо мной.

– Найди себе другую, Мэдок.

– Это моя сестра. – Его голос звучит резко. – Отойди от нее или проваливай из моего дома, Нэйт.

Нэйт пятится назад.

– Ладно. Не знал, что она твоя сестра, приятель. Извини.

Он уходит, но мне все равно стыдно.

– Мэдок, я...

– Заткнись, – рявкает Мэдок, хватая меня за руку. – Я знал, что ты явишься сюда, попытаешься попасть в центр внимания, как обычно. Ищешь приключений по примеру своей матери, да?

– Я ничего подобного делать не собиралась, козел. – Я пытаюсь высвободить руку, в то время как он тянет меня вверх по лестнице.

– Да ну, серьезно? У тебя тут есть друзья? Ага, я так не думаю. – Мы останавливаемся возле моей комнаты. Он меня отпускает. – Возвращайся к себе, Фэллон. Поиграй со своими Лего.

– Ты мне не начальник, Мэдок. И я не шлюха. – Я упираю руки в бока. – Но, если ты будешь и дальше меня так называть, я вполне могу с этим покончить. Твой друг Джаред во дворе, да? Он горяч. Может, он будет у меня первым.

Обхожу Мэдока, направляясь обратно к лестнице. Он опять хватает меня и тащит в мою спальню.

– Мэдок,пусти!

– Держись подальше от моих друзей! – Он отпускает меня, однако все равно приближается, вторгаясь в мое личное пространство. Мэдок так зол, но я не боюсь.

– Ох, можно подумать, я бы стала проситься в твою компанию. – Я

ехидно усмехаюсь. – В эту толпу Кенов и Барби, которые получают достоверные мировые новости из фэйсбука.

Он наступает. Я упираюсь спиной в стену со стикерами для бамперов.

– Ты ведешь себя так, будто тебе нет равных, – рычит Мэдок, – только кто сейчас заигрывал с моим другом внизу? Для той, которая уверяет, будто ей безразличны эти люди, ты, похоже, вполне готова раздвинуть ноги перед одним из них!

Я приближаюсь к нему нос к носу.

– Я делаю то, что хочу, и когда хочу. Никто не принимает решения за меня, Мэдок. Ни ты. Ни наши родители. Ни мои друзья. Я сама все контролирую. Я свободна!

– Свободна? – Он смеется горько. – Ты серьезно? Просто потому, что нацепила эти дерьмовые пирсинги на лицо и сделала несколько татуировок? Ты сделала эти татуировки не из желания. А чтобы показать, что могла их сделать. Ты лишь пытаешься что-то доказать, Фэллон! Ты. Не. Свободна!

Я даю ему пощечины, сначала одной рукой, потом другой, однако он перехватывает мою ладонь, не давая мне ударить в третий раз. Мэдок держит меня за запястья; мы смотрим друг на друга. Что-то мелькает у него в глазах. Не успеваю опомниться, как его губы накрывают мои.

Мы хватаемся друг за друга. Он резко притягивает меня к себе. Наш поцелуй не похож на поцелуй с Нэйттом. С Мэдоком все по-настоящему. Словно ничего не спланировано. Все исходит из глубины души.

Это ощущается правильно.

Мэдок отстраняется, тяжело дыша, его глаза округляются.

– О, Боже мой. – Он испуганно сдвигает брови. – Прости, Фэллон. Не знаю, о чем я думал. Я не хотел...

Делаю шаг ему навстречу, не в силах встретиться с ним взглядом.

– Не останавливайся, – прошу я. Медленно обвиваю дрожащей рукой его шею, притягиваю к себе.

Мэдок вздрагивает, когда мои губы касаются его губ, но спустя несколько секунд обнимает меня за талию.

– Мне нравится ругаться с тобой, – произносит он сдавленно, укладывая меня на кровать, накрывая мое тело своим. – Это все изменит.

Стягиваю с него футболку.

– Это ничего не изменит, – отвечаю я.

– Скажи, Фэллон. – Мэдок прижался ко мне сзади, коснувшись губами моих волос. – Скажи, насколько тебе не нравилось. Насколько не нравились

ласки моих рук... моего рта.

Я уперлась ладонями в дверь машины, вспоминая, как мои собственные руки исследовали каждый сантиметр его тела.

Мэдок стал для меня целым миром два года назад. Я ждала его по ночам, мое сердце несло галопом в груди от осознания, что он придет. От осознания, что он ко мне притронется. Мне хотелось, чтобы солнце больше никогда не всходило.

Я оттолкнулась назад, к его высокому телу. Ощувив влажность и жар между ног, едва не застонала.

Едва успев перевести дыхание, обернулась к нему.

– Хочешь услышать, как сильно я этого хотела? – Гортань сжалась от этих слов.

Мэдок положил руки поверх моих, прижимаясь ко мне еще крепче.

– К черту прошлое, – прошептал он. – Я хочу услышать, что ты по этому скучала.

Мэдок

Склонив голову, поцеловал ее в шею, не дав ей шанса ответить.

– Мэдок, – простонала она. Ее колени подогнулись.

Обвив рукой ее талию, припал губами к нежной коже и вжал Фэллон в машину.

Черт бы ее побрал.

Это не должно было произойти.

Пропустив пальцы через ее волосы, прикусил мочку уха, затем поцеловал вдоль линии челюсти, после чего повернул лицо Фэллон к себе и завладел ее ртом. Сладость и теплота были просто невыносимы. Мой член дернулся, а, когда она прижалась своей красивой задницей ко мне, я едва не застонал.

– Твою мать, Фэллон. – Судорожно выдохнул, сдернул с нее промокшую майку, которую затем бросил на землю.

Она откинула голову мне на плечо, ее грудь быстро поднималась и опадала от частых вздохов. Фэллон посмотрела на меня с отчаянием и мольбой во взгляде, после чего закрыла глаза. Ее тело изнывало от желания. Как и мое.

Аккуратно обхватив одной рукой ее шею спереди, второй собственнически провел по животу.

– Я хочу оказаться внутри тебя. – Я приподнял подбородок Фэллон, чтобы она посмотрела мне в глаза. – Но тебе лучше не лгать на сей раз.

Она сморгнула капли дождя с ресниц. От отчаянного выражения на мокром лице Фэллон, я хотел ее растерзать. Всю ночь напролет. Решив довольствоваться поцелуем, скользнул кончиком языка по ее языку, втянул его себе в рот.

Господи, какая же она приятная на вкус.

Я запустил руку ей в шорты, накрыл ладонью ее плоть.

– О, Боже, – простонала Фэллон.

Распределяя ее влажность между средним и большим пальцем, был готов взорваться ко всем чертям.

Она изогнулась, потерлась спиной о мою грудь, застонав. Поглаживая двумя пальцами ее клитор, прижал свой член к ее заднице.

Тело Фэллон, орошенное дождем, блестело в свете фар. Подушечками пальцев я чувствовал пульсацию у нее между ног. Она была готова,

изнемогала.

Расстегнув лифчик, сдернул его с плеч Фэллон, расстегнул шорты, после чего стянул их вниз по ее ногам вместе с трусиками и сделал шаг назад, глядя на нее.

Она стояла на нетвердых ногах, прислонившись к двери, по-прежнему упираясь ладонями в стекло.

Капли воды стекали по ее грациозной спине, к округлой заднице и ниже по бедрам.

– Сядь на капот, детка, – сказал спокойным тоном, хотя мое тело кричало. Я едва дышал.

У меня мелькнула мысль, что нам не мешало бы укрыться от дождя, однако на улице было еще довольно тепло, да и кого я пытался одурачить? Фэллон смотрелась прекрасно в такой обстановке.

Она опустила руки, развернулась, не подняв подбородок, но и не сводя глаз с меня. Прошла направо, села на капот. Ее ноги свисали вниз, не доставая до земли.

Я тоже подошел ближе, встал напротив нее, сохраняя дистанцию.

Грудь Фэллон была больше, чем я помнил. Мне не хотелось торопиться. Я так давно не прикасался к ней. Хотел заново открыть ее для себя.

Но сейчас на это не оставалось времени. Мой член был тверже стали.

– Раздвинь ноги, – произнес сипло. Мои губы изогнулись в улыбке.

У Фэллон перехватило дыхание; я наблюдал за движениями ее груди. Она дышала часто, то ли от возбуждения, то ли от волнения. Фэллон сжала челюсти, приняв мой вызов. Отклонившись назад, она оперлась на руки и широко развела ноги, обнажив то, что я хотел получить.

Черт бы побрал эту девчонку.

Мой взгляд скользнул по ее разгоряченному, влажному телу, пока я развязывал пояс своих шортов, после чего позволил им упасть на землю.

Глаза Фэллон округлились, когда она заметила отблеск серебра на головке моего члена.

Пристроившись между ее ног, осторожно и медленно прижал ее к капоту, подстраиваясь под ритм песни "Sail" AWOLNATION, доносившейся из стереосистемы машины. Придерживая Фэллон за бедра, припал губами к ее теплему, влажному животу, с наслаждением ощущая нежность ее кожи, затем переключился на сосок, втянул его в рот.

– Ах, – застонала она, ловя воздух, но я проигнорировал ее попытки увильнуть.

Накрыл ртом второй затвердевший сосок, посасывая, кусая. Проклятье, как же мне нравился ее сладковатый вкус.

Два года назад я ни черта не знал. Конечно, занимаясь сексом с Фэллон, я научился кое-чему, однако все равно был неопытен и неуверен в себе.

Сейчас я набрался опыта и знал, чего хотел. И не боялся получать то, что мне нужно, не боялся рисковать.

Ускорив темп, начал прокладывать дорожку из поцелуев по ее животу, с каждым сантиметром приближаясь к своей цели.

Одним быстрым движением поймал губами ее клитор, впился в него, словно в персик.

– О, мой Бог! – Фэллон заерзала на месте, запрокинула голову назад. Капот прогнулся от ее движений. Я не видел ее глаза, она зажмурилась от наслаждения.

Обвел языком вокруг клитора, лизнул с нажимом несколько раз.

"Я ненавижу ее", – сказал про себя.

Я ей не доверяю.

Она снова меня поймет.

Меня не волновало, получит ли она удовольствие.

Мне безразлично, нравилось ли ей. Я просто хотел довести ее до оргазма своим ртом, чтобы она знала, кому принадлежит.

Однако, чем сильнее Фэллон сжимала в кулаках мои волосы, теряла контроль подо мной, тем больше я понимал, что хотел услышать, как она произнесет мое имя. Мне стало ясно – я хотел, чтобы ей понравилось.

– Мэдок. – Ее голос дрогнул. – Мэдок, сейчас!

Посмотрев вверх, заметил, что Фэллон наблюдала за мной. Она провела ладонью по моей щеке.

– Сейчас, – попросила она с мольбой. – Пожалуйста?

Именного этого я и ждал, сам того не понимая.

Выпрямившись, сжал челюсти и посмотрел на ее великолепное тело. На эту красивую девушку, которая ненавидела меня, которую я ненавидел, но... черт побери... мне нравилась наша ненависть, потому что она была откровенной и настоящей. Это не имело никакого смысла, но да... она была настоящей.

Я дернул Фэллон ближе к краю капота и, глядя ей в глаза, резко вошел в нее.

– Аххх... – Она зажмурилась, втянув воздух через стиснутые зубы.

– Черт, Фэллон. – Остановившись, закрыл глаза, упиваясь ощущением. Ее теплота окружила меня, жар распространился от бедер вверх, к

грудь. Даже дождь не охлаждал мою пылавшую кожу.

Я не знал, со сколькими парнями она была после меня, и не хотел выяснять, но понимал, что ей может потребоваться минута-другая, чтобы адаптироваться к моему пирсингу. Нависая над Фэллон, с моим членом внутри нее, просто наблюдал, ожидая, когда она откроет глаза.

Когда она наконец-то посмотрела на меня, то обвила рукой мою шею, притянула к себе, встретившись со мной на полпути для поцелуя. Массируя своим языком ее язык, покусывая влажные губы, начал двигаться внутри нее, медленно поначалу, ощущая каждый сантиметр ее горячей плоти, наслаждаясь каждым тихим стоном, покидавшим ее рот.

Прервав поцелуй, накрыл ее грудь одной рукой, другой оперся на машину для поддержки. Каждая мышца моей спины была напряжена, плечи горели. Я жадно вдыхал и выдыхал, больше не в силах сдерживаться. Мои толчки стали напористей, между ног словно вулкан был готов извергнуться, настойчивый, испепеляющий. Проклятье, как же хорошо.

Ее груди подскакивали вверх и вниз, пока я двигался в ней все жестче и жестче.

Фэллон впилась ногтями мне в грудь.

– Сильнее, Мэдок. Так приятно.

Я выпрямился, придвинул ее ближе к краю капота, продел руки под ее колени.

– Скажи, что ты скучала по этому.

Она моргнула и сглотнула.

– Да, – кивнув, сбивчиво прошептала Фэллон. – Я скучала.

Я тоже.

Я снова вошел в нее с такой силой, будто это была моя последняя возможность.

Фэллон выгнула спину, простонала протяжно и громко.

– Да... о, Боже!

Ее стенки сжались вокруг моего члена, живот задрожал от частых, поверхностных вздохов. Зажмурившись, она кончила.

Обжигающая волна пронеслась от бедер к члену. Я вышел из нее, судорожно втягивая воздух и поглаживая себя до тех пор, пока не кончил ей на живот.

В горле пересохло, сердце билось так, словно пыталось проломить дыру в грудной клетке. Я уронил голову на Фэллон, между ее грудей, закрыл глаза, чувствуя ритм ее дыхания под собой.

В голове не осталось связанных мыслей. Одни лишь обрывки фраз.

Великолепно.

Горячо.

Проклятье.

Черт.

Понятия не имел, что мне теперь делать. Молчание Фэллон свидетельствовало о том, что она была озадачена не меньше моего. Я уже собирался подняться, когда она начала гладить мои промокшие волосы.

Застыв на месте, просто позволил ей ласкать себя.

А затем поморщился, осознав, что не использовал презерватив.

Дерьмо. Серьезно, чувак? Ты хранишь их у себя в бардачке. Почему я даже не задумался об этом? Я всегда пользовался презервативами, ну, за исключением раза или двух с Фэллон в прошлом.

– Я не говорила нашим родителям ничего подобного, – произнесла она, вырвав меня из моих мыслей.

Нашим родителям? С чего вдруг Фэллон вспомнила о них сейчас?

– Чего не говорила? – Я посмотрел на нее, упершись подбородком ей в грудь.

– Они тебе солгали. – Она провела пальцами по моим волосам, глядя в небо. – Я не жаловалась им на то, чем мы занимались, Мэдок. Они случайно узнали и увезли меня.

Прищурившись, поднялся, расположив ладони по бокам от ее головы.

– Ты пытаешься сказать, что не хотела меня оставлять?

Фэллон

Что я делаю?

Что, черт возьми, я делаю?

Ну, солгали ему родители. Сказали, что я хотела уехать. Причинили ему боль. Отлично! Мне это на руку. Мэдок это заслужил, и даже больше. Пусть теперь он, в отличие от родителей, опустился на несколько позиций в моем черном списке, но все равно оставался там.

Однако в состоянии посторгазменного блаженства я хотела защитить его сердце. Хотела уберечь воспоминания. Хотела верить, что он не использовал меня.

Но он использовал. Использовал беззастенчиво и забыл обо мне.

Намерение переспать с ним входило в мой план. *"Все шло согласно плану"*, – сказала себе. Это произошло раньше, чем я думала, и с более распутным поведением с моей стороны, только я так давно не занималась сексом. Устоять перед ним оказалось сложнее, чем я ожидала.

Мы с Мэдоком были безумны в шестнадцать. Слишком юны, чтобы делать то, что делали, но мы учились вместе.

Теперь он стал мужчиной, мы оба обрели уверенность в себе. Мэдок был хорош. Очень хорош. Я чувствовала себя виновато, потому что желала его еще сильнее.

А его пирсинг? Святая Преисподняя.

Отведя взгляд, оттолкнула его от себя и села.

– Нет, Мэдок. Я не хотела уезжать.

Он отстранился, однако я все равно чувствовала, что Мэдок смотрел на меня. Присев, подняла свою мокрую одежду, после чего отвернулась и вытерла живот майкой.

– Как они узнали?

– Какая разница? – тихо сказала я. – Мы были слишком молоды. То, чем мы занимались, было неправильно. Они это понимали. Отправить меня в другую школу было к лучшему.

Я попыталась натянуть свои трусики и шорты обратно. Они оказались слишком холодными из-за дождя, до сих пор поливавшего нас, отчего у меня по рукам пробежал озноб.

– Но они солгали мне. – Он стоял напротив меня, совершенно голый. – Все это время я думал...

– Мы это пережили, Мэдок, – перебила я, избегая его глаз, пока надевала лифчик. – Я оставила все в прошлом, и ты тоже, верно?

Казалось, ночью мне потребуется миллиард лет, чтобы провалиться в сон, однако я отключилась через несколько секунд. Не помню даже, как лежала в кровати, пытаюсь расслабиться. Сначала разбирательства с Мэдоком, Эдди, потом вечеринка и "дождь" – после всего этого я просто закрыла глаза, а проснулась уже утром, практически в том же положении, в каком уснула.

Вот только стоило открыть глаза, как меня начали атаковать мысль за мыслью, беспокойство за беспокойством. Через голову будто стадо слонов пронеслось.

Я резко вздохнула. Черт. Я переспала с Мэдоком!

Все нормально. Это часть плана.

Но тебе понравилось. Нет, очень понравилось.

Все в порядке. Ты не занималась сексом два года. Тебя просто одолела похоть.

Ты рассказала Мэдоку, что родители соврали?

Ладно, ну, не хотелось мне, чтобы он думал, будто я им пожаловалась. Меня не должно было это волновать. Незначительная загвоздка, которая никаким образом не нарушит общий замысел. *Расслабься.*

Но он выразит свое недовольство отцу! Мистер Карутерс вернется домой...

Ну, и что? Я хотела, чтобы он вернулся домой. В любом случае мой план осуществится через несколько дней.

Все шло по расписанию.

Я спокойно сделала вдох, но выдох получился шатким.

Почему же я не радовалась?

В первый год после отъезда я была в полном оцепенении, слишком сбита с толку, чтобы разобраться в случившемся. Привести мысли в порядок – об этом даже речи не шло. Однако в последнее время я мечтала лишь о возможности отомстить, причинить боль им всем. Каждому. Я хотела увидеть, как их жизни перевернутся вверх тормашками, аналогично моей.

Но сейчас мои мысли то и дело возвращались к вчерашним событиям.

К ощущениям от губ Мэдока, касавшихся моей шеи. К тому, как он смотрел на мое тело, будто видел его впервые. Как его испепеляющий взгляд и властные руки заставляли меня чувствовать, будто я ему нужна.

Может, Мэдок и был избалованным маменькиным сынком и

эгоцентричным засранцем, однако из-за него я потеряла голову.

Мне нужно было помнить: если кто-то хорош в постели – это еще ничего не значит.

Для Мэдока это все игра, а для меня – война.

Перевернувшись, села, свесила ноги с края кровати, но затем моментально опустила голову и протяжно выдохнула.

Проклятье.

Мышцы внизу живота ныли, будто я их потянула. Все тело болело.

Поднявшись, шатко прошла на цыпочках через комнату и приоткрыла дверь. Услышав где-то в доме работающий пылесос, поняла, что Эдди уже не спала. Проскользнув в коридор, помчалась в ванную.

В комнате Мэдока имелась собственная ванная комната. В отличие от моей. Меня ценили не так высоко.

– Ты проснулась! – раздался громкий возглас. – Мне повезло.

Обернувшись налево, я увидела Мэдока, который, закрыв дверь в свою спальню, ринулся ко мне.

В горле ком застрял. Что за...

Словно лайнбекер, он накинулся на меня, обхватил за талию и закинул себе на плечо.

– Мэдок! Отпусти!

– Шшшш... – Он вошел в ванную, захлопнул дверь и усадил меня на стойку.

– Мэдок...

Но мне не дали договорить. Он завладел моими губами, обнял меня своими сильными руками. От давления, оказываемого на мой рот, я едва не задохнулась. Каждый раз, когда Мэдок делал вдох, я тоже пыталась отдышаться, потому что он возвращался буквально через долю секунды. Его губы скользили по моим, быстро, настойчиво, жадно, уверенно. Он запустил обе руки мне под футболку, сжал груди. Я ничего не могла с собой поделать. Мои руки опустились под пояс его пижамных штанов, схватили идеальную, гладкую задницу, и я притянула Мэдока ближе, себе между ног.

– Сразу извиняюсь за свою несдержанность, – сдавленно произнес он, пытаюсь стянуть с меня футболку, только я каждый раз опускала ее обратно. – Я возбужден как последний ублюдок.

– О, разве это не обычное дело по утрам? – Я скрестила руки на груди, опять помешав ему себя раздеть.

– По утрам? – Мэдок начал тыкать пальцами мне в живот, щекотать, чтобы я опустила руки. – Я всю гребанную ночь глаз не сомкнул, истязая

себя. И зачем только сказал тебе запереть дверь вчера?

Прошлой ночью он проводил меня до спальни и распорядился, чтобы я заперла за собой дверь. Очевидно, Мэдок не всегда был знаком с людьми, приходившими к нему на вечеринки, а потом спьяну разбредавшимися спать по всему дому. Я видела только троих, когда поднималась наверх, но их вполне могло оказаться больше.

– Ты старался защитить меня от насильников, – подметила я, прикусив губу, чтобы сдержаться смехом.

– Ага, ловкий маневр. – Он улыбнулся, по-прежнему щекоча мой живот. – Я тоже не смог к тебе пробраться.

Обхватив ладонями мое лицо, Мэдок опять меня поцеловал, его язык проскользнул мне в рот. Покалывающее ощущение растеклось по коже; я вздрогнула, почувствовав зарождавшийся между ног жар. Также обхватив его лицо руками, ответила на поцелуй.

Мэдок воспользовался представившейся возможностью и снял с меня футболку одним ловким движением, подобно фокуснику, вытягивающему скатерть из-под сервированного стола.

– Мэдок, нет, – жалобно скомандовала я, сложив руки на груди. – У меня после вчерашнего все болит.

Он сдвинул брови, уголок его рта приподнялся.

– Болит? Из-за меня? Это. Круто.

Идиот. Мне не следовало говорить ему об этом. Теперь он чувствовал себя мужиком.

– Ну, значит... – Вдохнув, Мэдок опустил меня со стойки. – Тебе ничего не грозит. Пока.

Без разницы. Я медленно закрыла глаза, с силой зажмурилась. *У меня все под контролем. У меня все под контролем. У меня все под контролем.*

Все шло наперекосяк. Он заставлял меня улыбаться. Заставлял забыть. Нам нужно притормозить.

Нам нужно остановиться.

Мэдок приподнял мой подбородок, и его губы вновь накрыли мои. Я позволила ему поцеловать себя, не прилагая ответных усилий, однако все равно вдохнула его насыщенный, свежий запах. Черт, мне нравилось, как от него пахло.

Он отстранился, ухмыльнувшись.

– Хорошо, что ты вернулась, Фэллон. – После этого Мэдок вышел из ванной с таким видом, словно весь мир держал на ладони.

Черт бы его побрал.

Черт бы его побрал!

Захлопнув за ним дверь ногой, беззвучно прокричала вереницу слов, которые слышала только от портовых работников моего отца. Я не высовывалась из ванной полчаса, пытаюсь прийти в себя.

В жизни Мэдока все было легко. Рядом с ним совершенно несложно опять отдаться веселью. С его беззаботной улыбкой, легкомысленным отношением ко всему, с тем, как он просто был... собой!

Мир полон проблем. Семейных проблем. Проблем в наших с ним семьях. Наша история – тоже проблемная. Почему он всегда держался так, будто его ничто не заботило?

Вчера мы занялись страстным, яростным сексом после того, как обменялись оскорблениями, расстроили друг друга. Похоже, ему было безразлично, что привело нас к этому, главное – он получил свое вознаграждение.

Дерьмо. Почесав макушку, закрыла глаза, стоя перед зеркалом, протянувшимся от пола до потолка. Мне необходимо побыть одной.

Пора подумать.

Приятная прогулка. А может, хорошая пробежка.

Но Мэдок представлял собой ураган деятельности. Я практически об этом забыла.

Увидев меня в белых шортах и футболке Харли, он сказал, чтобы я вернулась к себе и переоделась. Когда я показала ему средний палец и принялась готовить себе порцию хлопьев, Мэдок пояснил, что мы поедем к озеру с его друзьями, поэтому мне нужно взять купальник. Я послала его на хрен, сказав, что он не будет принимать решения за меня. Обойдя кухонную стойку, за которой я ела свой завтрак, он встал рядом и сунул руку мне за спину, под пояс шортов, при этом продолжая разговаривать с ничего не подозревавшей Эдди.

Мое сердце периодически пропускало удар, на лбу выступил пот. В итоге я уступила, поняв, что Мэдок не отстанет, пока не соглашусь.

Так или иначе, Тэйт тоже там будет, а это определенно в плюс. К тому же мы будем на публике, поэтому я могла рассчитывать на то, что он ничего не станет предпринимать.

По крайней мере, я на это надеялась.

– Где мы? – спросила я, когда Мэдок остановился у маленького одноэтажного кирпичного дома, расположенного в захудалом жилом районе с запущенными газонами и уродливыми заборами из сетки Рабица. Сам дом пребывал в приличном состоянии – опрятное крыльцо, чистые окна, но кирпич выцвел от старости, а дверь с москитной сеткой выглядела

дешево.

– Пошли. – Он проигнорировал мой вопрос, выйдя из своего ГТО.

Захлопнув дверцу, последовала за ним по цементной дорожке.

– Мэдок. Мэдок!

Я вздернула голову, глядя широко распахнутыми глазами на мальчика лет семи, который выбежал нам навстречу и врезался в Мэдока. Тот поймал его в объятия.

Грудь сдавило; я резко вдохнула.

Белокурые волосы, голубые глаза, длинные ноги. Мальчик был похож на Мэдока.

Нет. Я покачала головой. Это смешно. Мэдоку было около десяти, когда этот парнишка родился.

– Мама сказала, если я буду плохо себя вести, то не смогу с тобой поехать, но я вел себя хорошо, – выкрикнул малыш, улыбаясь.

Мэдок отпрянул назад, глядя на него с отвращением.

– Хорошо? – повторил он. – Ох, приятель, не говори так. Потому что хорошее поведение – это...?

Они оба синхронно сунули пальцы в рот, притворяясь, будто их тошнит. Уголки моих губ приподнялись в улыбке, которую мне пришлось прикрыть ладонью.

Нет уж. Мэдок не умел ладить с детьми. Я отказывалась в это верить.

– Именно. – Мэдок погладил мальчика по голове, после чего повернулся лицом ко мне. – Фэллон, это мой отпрыск.

Я склонила голову набок, посмотрев на него с недоверием, все еще пытаюсь выкинуть из памяти образ того, как они сунули пальцы в рот.

– Нет, не настоящий отпрыск. – Он знал, в какое русло повернули мои мысли. – Но у него есть потенциал, правда?

Уперев руки в бока, стараясь ради мальчика сохранить веселый тон, спросила:

– Мэдок, что происходит?

Он открыл рот, собираясь ответить, но из дома вышла женщина с маленьким рюкзаком.

– Мэдок, привет, – поздоровалась она.

– Привет, Грэйс.

Грэйс выглядела молодо, явно младше тридцати. Ее длинные каштановые волосы были собраны в хвост. Судя по медицинской форме, я предположила, что она работала медсестрой... и была матерью-одиночкой.

– Здесь сменная одежда, чтобы он переоделся после купания. – Она

вручила рюкзак Мэдоку. – Еще я положила солнцезащитный крем, кое-какие закуски и бутылку воды. Ты привезешь его обратно к ужину?

Мэдок кинул.

– Сначала мы можем заскочить в бар, а после точно домой.

– Отлично. – Грэйс улыбнулась и покачала головой, словно уже привыкла к его шуточкам. – Он так обрадовался, – продолжила она. – Звони, если возникнут проблемы.

Присев на корточки, Мэдок положил руку мальчику на плечо.

– Оооооой, ну, маааааааам, – заныли они хором, будто ее опасения были напрасны.

Грэйс закатила глаза, затем протянула мне руку.

– Привет, меня зовут Грэйс. А ты кто?

Хорошая мама. Проверяет, в безопасности ли будет ее ребенок.

– Привет. – Я ответила на рукопожатие. – Я – Фэллон. Эмм... сводная сестра Мэдока, – сказала, запинаясь, и понадеялась, что Грэйс не услышала, как фыркнул Мэдок.

Технически, я не врала.

– Приятно познакомиться. Повеселитесь хорошенько. – Она помахала на прощание и поднялась обратно по ступенькам.

Мэдок отвернулся. Я все не могла свыкнуться не только с тем, насколько хорошо он ладил с мальчиком, но и с тем, как сильно они были похожи. Оба – в длинных черных шортах-карго и футболках. Вот только Мэдок был в кожаных вьетнамках, а мальчик – в кроссовках.

– Фэллон, это Лукас, – наконец-то представил он парнишку. – Лукас – мой младший брат. По программе "Старшие братья и сестры". Я его наставник.

Я выдохнула. *Ладно, хорошо.* Меня успокоило объяснение Мэдока. Потому что на мгновение ситуация показалась весьма странной.

– Вау, они доверили тебе ребенка? – поинтересовалась я, отчасти всерьез, отчасти – нет.

– Что? – Он приложил ладонь к груди, притворившись оскорбленным. – Я прекрасно нахожу общий язык с детьми. Из меня получится отличный отец когда-нибудь. Скажи ей, Лукас.

Лукас поднял глаза на меня и произнес, даже не моргнув:

– Он научил меня, как определять, носит ли женщина стринги.

Я рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

Мэдок притянул мальчика к себе за шею, двинувшись к машине.

– Говорил же тебе, женщины – враги. Они не понимают ценность подобных навыков.

Мэдок

– А Джаред и Тэйт тоже там будут? – поинтересовался Лукас, расположившийся на заднем сиденье.

– Эй, приятель. Не пинай кожаную обивку, – поддразнил я. Просунув руку назад, поймал его за ноги, чтобы он не толкал спинку. – И да, они тоже приедут.

– Здорово.

Мы качали головами в такт музыке. Не в силах удержаться, я время от времени поглядывал на Фэллон, сидевшую рядом со мной. О чем она думала? Похоже, Лукас ей понравился, но она была очень удивлена при встрече с ним.

Неужели то, что я проводил время с ребенком, у которого не было отца, настолько невероятно? Фэллон всегда называла меня пафосным, эгоцентричным... да какими угодно нелицеприятными словами, приходившими ей на ум в зависимости от времени суток, однако сейчас до меня дошло – она действительно в это верила.

Фэллон смотрела в окно. Данная ситуация явно привела ее в полное замешательство.

А может, дело в ее реакции при свете дня на то, что мы сделали прошлой ночью. У Фэллон был пунктик насчет темноты. Когда мы оставались наедине в ее комнате, без света, она как будто не считала происходящее реальным.

Несмотря на ее охотное участие, днем положение вещей менялось. Фэллон вела себя так, словно ничего не случилось. Снова избегала зрительного контакта. Редко обращалась ко мне по имени. Я быстро понял ее настрой и стал подыгрывать.

Эй, мне было шестнадцать, и я вел чертовски насыщенную сексуальную жизнь. Я не собирался жаловаться из-за того, что она не подпускала меня к себе в любое другое время. В том возрасте я вполне был доволен тем, что получал.

Теперь же прикасаясь к ней, слушая ее частое дыхание... Наша вчерашняя ночь под дождем оказалась даже лучше, чем в моих воспоминаниях. Раньше я наматывал круги по комнате, выжидая, пока Эдди не уляжется спать – тогда я мог без опасений идти в комнату Фэллон. С ней я чувствовал себя счастливым и живым. Давно не испытывал

подобного ощущения.

После ее отъезда я сломался. Прямо как Джаред, когда Тэйт уехала на год во Францию. Я не полностью утратил контроль, но вел себя вызывающе.

Ее мама сказала, что они с моим отцом обо всем узнали, потому что Фэллон сдала нас. Патриция уверяла, что Фэллон было неприятно, будто я принуждал ее. Обретенная мной уверенность пошла крахом.

Я не очень хорошо это перенес.

Хоть мы и жили в одном доме, но никогда не рассматривали друг друга в качестве сводных брата и сестры. Мы редко проводили время вместе, поэтому наша связь не казалась мне дурной. Мне нравилось то, чем мы занимались, и я хотел продолжать. Однако за последние два года моя ненависть к Фэллон усилилась.

Остальные девушки меркли в сравнении. Только с ней все ощущалось правильно. А вчера она заявила, что не врала родителям. Что вообще ничего им не говорила. Я одновременно обрадовался и взбесился. В моем сердце вновь запылал огонь от осознания, что Фэллон меня хотела, но я провел целую ночь в раздумьях о потерянном времени – о том, чего они нас лишили. Я хотел устроить разнос.

И устрою. Скоро.

Если выступлю против отца сейчас, он вернется домой, а Фэллон уедет. Если не удастся убедить ее задержаться, значит, у меня останется несколько дней до ее отъезда в Чикаго. Я разберусь с отцом позже.

Мы припарковались на стоянке рядом с машиной Джареда. Достав из багажника рюкзак Лукаса и несколько полотенец, передал их Фэллон, а сам взял кулер и подстилку для пикника.

– Тэйт, стой!

Услышав голос Джареда, вздернул голову вверх, высунувшись из багажника.

– Тэйт! – Он мчался за своей рассерженной девушкой.

Великолепно.

Я уже начинал думать, что мои лучшие друзья искали поводы для ссор. Серьезно. Их перепалки всегда заканчивались примирительным сексом в конечном итоге.

– Оставь меня в покое. Я не шучу, Джаред! – выкрикнула Тэйт через плечо.

Я шокировано, но в то же время чертовски забавляясь, наблюдал за тем, как она сняла одну из своих черных вьетнамок и швырнула в Джареда.

Тот вскинул руки вверх, отразив летевший ему в голову шлепанец, и хмуро уставился на нее, плотно сжав губы.

– Я собирался тебе рассказать, – рявкнул он. – Но ты слишком остро реагируешь, как обычно.

– Грр! – Тэйт остановилась как вкопанная посреди стоянки, сняла второй шлепанец и тоже изо всех сил швырнула в своего бойфренда.

– Что происходит? – прошептала Фэллон.

Я вздохнул, проведя рукой по волосам.

– Прелюдия.

Захлопнув багажник, направился в сторону пляжа, предоставив своих друзей самим себе.

– Может, мы должны помочь? – Фэллон споткнулась о камень, оглянувшись назад, откуда до сих пор слышались приглушенные крики Джареда и Тэйта.

– Нет, если не хочешь оказаться в сэндвиче между ними. Они начнут целоваться через десять минут, – пообещал я. И именно этим сам хотел заняться с ней.

Жаль, что я не знал о ее возвращении. Я любил Лукаса, но сейчас предпочел бы остаться с Фэллон наедине. Чтобы поругаться. Помучить. Все равно.

Проклятье, я бы спровоцировал ссору, если после этого мы бы вновь оказались обнажены.

По крайней мере, до тех пор, пока не выброшу ее из головы.

Только было поздно менять планы на день, поэтому, выйдя на маленький пляж, я поставил кулер на землю и расстелил одеяло. Сняв вьетнамки, проследил взглядом за Лукасом, который побежал в воду.

– Постой, разве ты не заставишь его надеть надувной жилет? – спросила Фэллон, приготовившаяся снять футболку.

Прекрасно понимая, чем она руководствовалась, улыбнулся. Я тоже всегда ощущал укол страха, когда видел, как Лукас делает вещи, способные причинить ему вред. В озерах опасно. И я пытался заставить его надеть надувной жилет в первый раз, когда мы приехали сюда прошлым летом. Да, пытался в первый раз, но никогда больше. Он настоял на своем, и я вскоре выяснил – Лукас знал, что делает.

Стянув с себя футболку, сказал:

– Его отец работал в береговой охране, когда они жили в Вашингтоне. Он позаботился, чтобы Лукас научился плавать. После его смерти Грэйс переехала с сыном в наши края, поближе к семье. Лукасу не хватает мужской компании, да и шансов попрактиковаться мало. Он любит плавать.

Я стараюсь привозить его на озеро как можно чаще в теплые месяцы.

Фэллон прищурилась. Глядя на водную гладь, она, судя по всему, погрузилась в раздумья.

– Идем. – Я подтолкнул ее, пройдя мимо, и вошел в холодное озеро.

По мере моего продвижения вперед вода сначала покрывала щиколотки, потом голени, бедра, живот. Оттолкнувшись ногами от дна, нырнул в прохладную глубину.

Черт, я ненавижу это озеро. Оно грязное и мутное. И холодное! Плавая тут, невозможно увидеть, что происходит под тобой.

От этого мне всегда становилось не по себе.

Но в нашем до жути скучном городке больше нечем заняться. Я бывал здесь слишком часто, с избытком выпивки и избытком девушек. Когда-то было весело просто тусоваться, напиваться. Когда лучших альтернатив не находилось.

Сегодня я приехал сюда только ради Лукаса, и по какой-то странной причине мне хотелось, чтобы Фэллон тоже была рядом. Скорее всего, мы с ней начнем ругаться на глазах у бедного ребенка. А учитывая то, что Джаред и Тэйт тоже занимались своим любимым делом – сюрприз-сюрприз – ссорились, никто не выступит буфером между нами, если Фэллон выпустит когти.

Наверно, следовало оставить ее дома.

Вынырнув, посмотрел в сторону пляжа, где увидел Фэллон в купальном костюме.

А может, я правильно сделал, взяв ее с собой.

Проклятье. Мать твою.

Мой член дернулся и мгновенно стал тверже – серьезно? – невзирая на температуру воды.

Ее белый купальник-бикини можно было описать лишь одним словом. Бикини. Во всех возможных смыслах он являл собой зло и соблазн в их худшей форме.

Плавки прикрывали все самые важные части, но вот завязки на лифчике располагались не сзади, а спереди. Достаточно только потянуть. Даже за спину руку заводить не надо. Не надо вслепую искать нужный конец. Нет. Стоит лишь потянуть, и все само откроется.

Она распустила волосы, собранные в хвост, и у меня вдруг возникло чувство, что в руках слишком пусто.

Внезапно холодные брызги ударили мне в спину. Я поморщился.

– Ах ты мелкий... – Вовремя спохватившись, обрызгал Лукаса в ответ.

– Судя по твоему виду, тебе не мешало бы остыть немного. – Он

засмеялся, отплывая подальше от меня.

Остыть? Он хоть понимает, о чем говорит? *Телевидение. Вот откуда дети набираются этого дерьма.*

Фэллон все еще стояла на берегу, уперев руки в бока. Расхаживала туда-сюда по кромке воды, периодически окуная пальцы. Казалось, она была отчасти готова ринуться в воду или развернуться и убежать на стоянку.

Я дернул подбородком, выкрикнув:

– Хватит демонстрировать мелкому наглядное пособие по женской анатомии, ныряй уже.

Ее взгляд на мгновение встретился с моим. Даже в холодной воде я ощутил жар ее ярости.

Поколебавшись еще минуту, просто чтобы меня подразнить, Фэллон все-таки начала погружаться.

Около часа мы играли и дурачились. Лукас веселился, хотя Фэллон потребовалось какое-то время, чтобы расслабиться. Поначалу она оставалась в стороне, лежала на надувном плотике, медлила. Но когда я схватил плот, а Лукас скинул ее с него, Фэллон наконец-то раскрепостилась.

Они с Лукасом плавали наперегонки. Она не позволила ему выиграть.

Мы с ним окунали друг друга в воду. Фэллон начала улыбаться чаще.

Джаред и Тэйт вернулись с улыбками на лицах, которые без особого успеха пытались прятать.

Фэллон держалась как можно дальше от меня.

Ну и пусть. Все равно сейчас мне от нее ничего не было нужно.

Ох, кого я пытался одурачить? Я был готов побиться головой о буюк из-за того, что привез Лукаса с собой, в то время как мои мысли занимало лишь желание распустить эти тонкие белые завязки.

– Лукас! – прорычал я. – Вылезай, посиди на берегу с Джаредом и Тэйтом. Попей, перекуси.

– Ну, блин, – занял он.

Я с улыбкой проследил, как Лукас поплыл к берегу, после чего направился к Фэллон. Она сидела на фиолетовом плотике со спинкой, положив руки на надувные подлокотники. Одна ее нога свисала с края, погрузившись в воду.

– Итак. – Я прищурился, глядя на нее, и положил руку на плот для поддержки. – Почему ты вернулась домой, Фэллон?

Уголок ее рта приподнялся, словно некий секрет пытался вырваться на свободу.

– Это не мой дом.

Меня настолько ошарашило ее возвращение, что я не задумывался о причинах до вчерашней ночи. Ее мать была за границей. В Италии или Испании, или вроде того. Тратила деньги моего отца на Гуччи и жиголо. Насколько я знал, у Фэллон не осталось друзей в городе, с которыми бы она поддерживала связь. С моим отцом она тоже не была особо близка, к тому же он постоянно отсутствовал, так что вопрос назрел сам собой.

– Ладно, почему ты вернулась в дом мужа своей ветреной матери, где не хочешь находиться?

Намек на улыбку стал еще очевидней.

– И где я нежеланна?

Отклонившись назад, окунул голову в воду, закрыл глаза. Образы прошлой ночи замелькали в памяти.

– О, еще как желанна, – дразняще ответил я.

Фэллон ехидно хихикнула.

– Исходя из того, что ты сказал, когда пришел ко мне в комнату несколько дней назад, я в этом сомневаюсь.

Я захлопнул рот.

Да, это меня заткнуло. Я вел себя как мудак той ночью.

Ладно, как последний мудак.

Загладив волосы назад, оперся на плот, пристально глядя на нее. Чтобы удержать равновесие после толчка, Фэллон ухватила за подлокотники.

– Ну, по справедливости говоря, я был уверен, что ты солгала про меня. Я имел право рассердиться, Фэллон. Ты не звонила, ни разу не вернулась домой. Что я должен был думать?

Она не ответила. Просто сидела, скрывшись за своими солнцезащитными очками. Ее глаза всегда казались мне мрачными и потерянными, будто она искала что-то, но не поняла бы, что именно, даже найдя это.

Я повторил свой вопрос:

– Почему ты вернулась домой?

Фэллон тяжело выдохнула и наконец-то посмотрела прямо на меня.

– Чтобы окончательно проститься. Я уехала, толком не попрощавшись с этим местом. Мне это необходимо, прежде чем я начну новую жизнь в Чикаго.

Проститься. Мне нужно то же самое?

– Они нашли тебя в домашнем кинотеатре, верно? – спросил я.

Она улыбнулась без особого энтузиазма.

– В твоей футболке. И ты забыл свои джинсы на полу. – Фэллон подняла глаза, глядя на меня выжидающе.

– Ты спала, – пояснил я. – Не хотел тебя будить.

Она все еще ждала чего-то.

– Я тебя укрыл? – предложил, прям как утопающая крыса.

До этого я сам додумался. После первого раза мы оказывались наедине каждые пару дней, но довольно скоро наши встречи участились. В последнюю неделю мы проводили вместе каждую ночь. Фэллон никогда не хотела покидать свою комнату. Только на ее территории, в темноте, и мы ничего не обсуждали за пределами этих границ. Таковы были негласные правила, которые я усвоил после пары совместных ночей.

Однако я умел добиваться своего. Однажды мне наконец-то удалось убедить ее выбраться из спальни вниз, в домашний кинотеатр. Мы смотрели фильм, но в итоге накинудись друг на друга. Я знал, что так получится. После она надела мою футболку и уснула.

Оглядываясь назад, я понимал – было глупо с нашей стороны думать, будто нас не застукают. Если бы родители не нашли Фэллон, тогда бы Эдди или еще кто-нибудь заметил нашу постоянную усталость. Проводя вместе по полночи, мы очень мало спали.

Ее тихий голос прозвучал практически печально и слишком всепрощающе:

– Все кончено. Это осталось в прошлом, Мэдок.

Посмотрев на нее, слегка прикрыл веки.

– Ничего не кончено, и ты сама это знаешь.

– Вчерашняя ночь была случайностью. Мы разозлились.

Прежде чем она успела сдвинуться с места, обхватил рукой ее лодыжку и стянул с плотика.

– Мэдок! – взвизгнула Фэллон, полностью уйдя под воду, затем, размахивая руками, поднялась на поверхность и начала отплевываться. – Какой же ты засранец. – Она кашлянула.

Я поместил плот перед нами, блокируя обзор с берега.

– Случайность, да? – прошептал, прильнув к ней.

Она держалась за плотик, солнечные блики, отражавшиеся от воды, танцевали у нее на лице и в волосах. Я ждал, пока Фэллон посмотрит на меня. Или отстранится. Или просто задышит.

Но она ничего не сделала. Лишь смотрела на мою грудь, тоже выжидая. Чего – я не знал.

Протянув руку, провел тыльной стороной кисти по ее животу, затем обхватил за талию, притянул ближе к себе.

Но Фэллон оттолкнула меня, внезапно резко вдохнув.

– Твой... младший брат здесь.

– А если бы его не было? – Я склонил голову набок, обдав ее своим дыханием.

Она наконец-то подняла глаза, ее взгляд ожесточился.

Наклонившись, прошептал ей на ухо:

– Запри свою дверь сегодня, Фэллон.

После этого я поплыл к берегу, ныряя на глубину, куда не доставали солнечные лучи, прогревавшие воду.

Демонстрировать семилетнему наглядное пособие по мужской анатомии тоже ни к чему.

Фэллон

Повеселились и хватит. Я не могла позволить ему так сильно на меня влиять. Согласна, Мэдок повзрослел. В этом не было никаких сомнений. Он был умен, забавен и красив, как никогда. Судя по всему, Мэдок заботился о своих друзьях. Вполне возможно, что когда-нибудь из него получится хороший муж и отец.

Вот только я не подходила ему, а Мэдок уж точно не подходил мне. Однажды он получил меня, но потом забыл. Сейчас я хотела покинуть этот дом по собственной воле, с высоко поднятой головой. Я не буду крысой в клетке, наряженной в угоду маме, или игрушкой для Мэдока, с которой он мог бы развлечься, когда вздумается. Я не хотела в итоге стать своей матерью, жить ее жизнью. Джейсон Карутерс изменял жене... постоянно. Хотя она тоже изменяла. Мне удалось выяснить это (не то чтобы я сомневалась, в любом случае) в процессе подготовки.

Их брак был пустым и поверхностным. Мэдок же с рождения пользовался привилегиями. Он знал, что мог делать все, что хочет, и когда захочет. Если девушке это не нравилось, ее быстро сменяла другая.

Я не стану одной из бесчисленного множества.

Выйдя из воды, задрожала от порыва ветра, обдавшего мою влажную кожу. Тэйт сидела на покрывале, подогнув ноги, и опиралась на руки, откинувшись назад. Ее купальник-бикини смотрелся скромнее моего. Я бы надела слитный, если бы знала, что с нами будет ребенок. Джаред лежал на спине рядом с Тэйт, положив руку ей на бедро и закрыв глаза. Лукас ел яблоко и сэндвич с арахисовым маслом и крекерами.

– Ну, что случилось-то? – спросил Мэдок у своих друзей, затем схватил полотенце и бросил им в меня. Я вовремя успела его поймать, иначе бы оно угодило мне в лицо.

Джаред вздохнул, всем своим видом говоря: "Ну вот, начинается".

– Я попросил ее переехать ко мне, – сообщил он, на что я приподняла брови.

Мэдок фыркнул.

– И она швырнула в тебя обувью? По мне, так похоже на брак.

– В Чикаго, – уточнила Тэйт резким, недовольным тоном. – Он предложил жить вместе в Чикаго. Я сказала, что хочу быть поближе к папе, поэтому отправлюсь учиться в Северо-Западный, а не в Колумбийский.

После чего он мне заявил, что вообще не хотел ехать в Нью-Йорк, и планировал остаться здесь ради Джекса.

Мэдок полез в кулер за водой.

– Так это же хорошо. Все в выигрыше. В чем проблема?

– Проблема в том, – отозвалась я вместо Тэйт, – что он не обсудил ситуацию с ней. У него были собственные планы, не включавшие ее.

– У нее тоже были свои планы, – возразил Мэдок.

– Но с его слов получается, что он не хотел ехать в Нью-Йорк. – Мой голос зазвучал громче; Джаред и Тэйт уставились на меня. – Теперь ей кажется, будто она на него давила, заставляла делать то, чего он не хотел.

Мэдок закатил глаза.

– Лукас, заткни уши.

Лукас послушался, и Мэдок обвел нас взглядом, заглядывая в глаза каждому.

– Послушай, извини, Тэйт, но ты жила в вымышленном мире, полном гребанных радуг и кексиков с присыпкой, если всерьез думала, что Джаред Трент переберется в Нью-Йорк. Там люди на машинах не ездят. Где ему ноги размять? Ты представляешь, в какую сумму выльется парковка?

Глаза Джареда все еще были закрыты, но его грудь затряслась от беззвучного смеха. Ему хватило ума не рассмеяться вслух.

У Тэйт отвисла челюсть, только жест явно не подразумевал "ого-да-ты-прав". Скорее "какой-же-засранец-я-ему-сейчас-пяткой-в-лицо-дам". Не уверена, но Мэдок, вероятно, почувствовал жар ее взгляда даже через солнцезащитные очки.

Я подняла руку.

– То есть, ты хочешь сказать, что машина важнее ее? – закричала на него.

Он шумно выдохнул, подошел ко мне сзади и накрыл мой рот ладонью.

Я по голосу поняла, что Мэдок улыбался, когда он сказал своим друзьям:

– Вы оба будете в Чикаго. Я буду в полутора часах езды в Нотр-Даме. Все в выигрыше.

В районе четырех часов вечера Джаред и Тэйт уехали делиться новостями о смене планов на колледж с ее отцом, а мы с Мэдоком повезли Лукаса домой, чтобы успеть к ужину.

Ни один из нас не нарушил молчания, пока Мэдок ехал по извилистым пустынным улицам, ведущим к нашему... его... дому. Между нами царило

напряжение, по консистенции сходное с мокрой глиной. Я не знала, о чем он думал. Обычно Мэдок болтал без умолку. Сейчас же он стоически устремил взгляд вперед, несясь по темному шоссе. Деревья нависали с обеих сторон от дороги, отчего создалось впечатление, будто мы находились в пещере.

– Фэллон, – произнес Мэдок, и я обернулась. – Нам уже не шестнадцать.

Я уставилась на него, не поняв, что он имел в виду.

– Я знаю.

Мэдок дернул рычаг, переключившись на шестую передачу. Он смотрел то в боковое окно, то в лобовое, но не встречался взглядом со мной. Ему явно было чертовски некомфортно.

– Мне кажется, мы смогли бы лучше ужиться друг с другом, если бы повзрослели. Ты можешь остаться до конца лета, если захочешь.

Что? Он серьезно? Дальнейших пояснений не последовало, поэтому я отвернулась к своему окну.

"Он не хочет, чтобы я осталась", – подумала про себя.

А может, хочет.

– Ага, киска-которая-постоянно-под-рукой, верно? – Трепет в животе стих, когда я поняла, почему он попросил меня остаться.

Мэдок покачал головой.

– Я не всерьез это сказал.

Ну да. Зачем бы еще он предложил мне остаться? Хоть мы и прояснили некоторое недопонимание, Мэдок все равно считал меня бракованным товаром. Как и сказала моя мать – я недостаточно хороша.

Мне он тоже не особо нравился. Даже если Мэдок действительно этого хотел, была ли я готова терпеть его общество целое лето?

– Если бы я хотел легкодоступную киску, я бы ее нашел, Фэллон, – отмахнулся он. – Но что тут скажешь? Наверно, мне просто нравится твоя компания. И я знаю, что нравлюсь тебе. Как бы ты не старалась это скрыть, я по-прежнему тебя возбуждаю. Поэтому престань вести себя так, словно терпеть меня не можешь.

Я с силой сжала зубы, когда Мэдок нажал кнопку на пульте, расположенном у него на солнцезащитном козырьке, чтобы открыть ворота, преграждавшие въезд в жилой комплекс.

Он серьезно? Неужели ему непонятно: если два человека хорошо проводят время в спальне – это еще ничего не значит? Люди идут в бар, общаются около часа, а потом идут домой вместе! Одно с другим никак не связано.

Как только Мэдок припарковался возле дома, я вылезла из ГТО, раздраженно выпалив:

– Знаешь, что мне действительно не нравится? Я ненавижу твою машину! У нее слишком низкая посадка, чересчур много "слепых" зон, и она похожа на Шеви Кавалер, которая обошлась бы тебе вдове дешевле этой бесполезной груды металла!

Я убежала в дом, услышав его смех.

– А вчера она тебя вполне устраивала, когда ты кричала мое имя, лежа на ней!

Кого я пыталась одурачить? Я бы с большим успехом бревно в задницу засунула, чем убедила себя, будто не хочу Мэдока. Но кому какая разница, верно? Да, я хотела его. Естественно. Кто бы не захотел? И я могла насладиться им. *Еще хотя бы раз.* Мне лишь нужно постараться не утратить контроль, только и всего.

У меня ушло меньше двух минут на то, чтобы принять душ. Руки слегка дрожали, я часто моргала – со мной так всегда бывало, когда пыталась не думать. Я надела черные кружевные трусики и винтажный бледно-розовый атласный лифчик. Вообще-то, лифчиком его можно было назвать только потому, что он прикрывал мои груди, а вот поддержки никакой не оказывал, сидел свободно, словно обрезанная камисоль.

Мэдоку понравится. Мое белье не только выглядело сексуально, но также было удобно в эксплуатации. Ему не придется снимать с меня лифчик, чтобы его руки оказались там, где нужно.

Распустив хвост, распушила волосы и оставила их немного спутанными – похоже, Мэдоку такая прическа приходилась по вкусу. Нанесла легкий слой туши на ресницы, подкрасила губы. Перед тем как выйти за дверь, подхватила с тумбочки свои очки в черной оправе. Пробежав несколько метров по темному коридору, проскользнула в комнату Мэдока. Услышав шум воды в душе, улыбнулась и направилась к кровати.

Отлично. Я хотела оказаться тут раньше, чем он выйдет из душа. В порядке исключения мне хотелось его удивить.

Я села на край кровати, сжала зубы, сдерживая улыбку. Жар разлился по венам, пальцы на ногах поджались, погрузившись в бежевый ковер. Я положила ладони на кровать, по сторонам от своих бедер.

Как же его встретить? Я попробовала несколько разных поз, но они все ощущались ненатурально. Раздвинуть ноги или не раздвигать? Отклониться назад, опершись на руки, лечь на бок? Глупости какие.

Мэдока это рассмешит.

Ладно, может, и не рассмешит, но все-таки...

"Сегодня все будет по-моему", – напомнила себе. Я не позволю ему властвовать надо мной.

В итоге решила не подгибать ноги, просто сомкнула их и поставила на пол, а руки сложила на коленях.

Шум воды затих. Я попыталась уговорить свое сердце.

Мэдок вышел из ванной с черным полотенцем, обернутым вокруг талии. Его взгляд моментально встретился с моим.

У него округлились глаза, рот захлопнулся. Он выглядел напряженно и немного рассержено.

На мгновение мне стало страшно. Я побоялась, что перешла границы дозволенного, явившись к нему в комнату, несмотря на то, что Мэдок уже много раз вторгся на мою личную территорию. Но затем мой взгляд опустился ниже. Выпуклость под полотенцем становилась все заметней. Я сжала пальцы в кулаки, стараясь заглушить чувство гордости, однако это было невозможно.

Будто надев пятнадцатисантиметровые каблуки, ощутила прилив уверенности.

– Ты сердишься, – сказала дразняще, откинувшись назад. – Я поменяла правила игры.

Он начал приближаться, словно хищник.

– Не сержусь. Просо удивлен.

– Ну, ты же был с другими девушками в этой постели? – спросила я. – Почему не со мной?

Если честно, я не задумывалась об этом до тех пор, пока не задала вопрос, но это правда. Мэдок спал с другими девчонками на этой кровати, в этой комнате. Вероятно.

Но никогда со мной.

– Ты этого хочешь? – Его голос, знойный и сексуальный, буквально соблазнял меня.

Однако я заколебалась.

Хотела ли я?

– Ты не любил девушек в этой постели, – предположила. – Ты их трахал.

Они проводили с ним ночь, а потом уходили, их место занимали другие.

Я могла бы преодолеть один холм, но по-прежнему бы обнаружила себя у подножия горы.

Мне не хотелось быть использованной, забытой, безымянной.

Он прав. *Какого черта я делаю?* Мой взгляд блуждал по комнате, избегая его глаз. Я не знала, где искать ответы. Черт, да я теперь даже в вопросах сомневалась.

Мы с Мэдоком могли бы переспать сегодня. Я бы могла покинуть этот дом по собственной воле, а не по принуждению... только что он потеряет в конечном счете?

Ничего. Занявшись с ним сексом, а потом отказав ему, я не причиню Мэдоку боли.

С силой зажмурившись, наконец-то поняла, насколько глупо себя вела. Поднявшись, попыталась проглотить вставший в горле ком. В глазах защипало от подступивших слез.

– Нет, думаю, я все-таки не этого хочу, – прошептала, пройдя мимо него к двери.

– Фэллон? – послышался оклик Мэдока. Неприкрытое замешательство пронизывало его голос.

Но я ушла.

Пробежав по коридору, ворвалась к себе в комнату, захлопнула дверь и заперла ее на замок. Тяжело дыша, припала к двери, закрыла глаза, чтобы слезы не пролились. Я не плакала уже несколько лет. Мне всегда удавалось остановить их, проглотить.

"Ты сможешь", – сказала себе. – "Просто сделай это. Прежде чем вновь натворишь глупостей".

Взяв телефон, лежавший на прикроватном столике, открыла последнее смс.

'Опубликую, когда будешь готова.'

Это сообщение пришло три дня назад, после моего приезда. Слабыми пальцами начала набирать ответ.

– Фэллон? – Мэдок постучал.

Я перестала печатать.

– Оставь меня в покое, – распорядилась, обратившись к закрытой двери.

– Нет.

Прощу прощения? Я повысила голос, ответив:

– Ты сказал мне запирать дверь, если не захочу впускать тебя внутрь, придурок. Именно это я и делаю.

– Я использовал этот подкат в шестнадцать лет, когда у меня руки были не толще зубочисток. – Его приглушенный голос тоже зазвучал громче. – Я обзавелся мускулами с тех пор, и твоя дверь пойдет на дрова

для камина через пять секунд, если ты не откроешь!

Подбежав к двери, резко распахнула ее.

– Не смей!

– В чем дело? – оттеснив меня, Мэдок вошел в комнату и повернулся ко мне лицом. – Мы весело провели день вместе. И я запланировал еще более веселую ночь, начиная с джакузи.

Ну, конечно, кто бы сомневался.

Я захлопнула дверь. Покачав головой, горько засмеялась.

– Я попросила оставить меня в покое. Почему ты не можешь просто выполнить просьбу? – Мой тон оставался безэмоциональным, однако все мышцы рук и ног напряглись, когда я прошла мимо Мэдока.

Схватив за локоть, он развернул меня, чтобы мы оказались лицом к лицу.

– Ты пришла ко мне в комнату в таком виде. – Он указал на мое тело. – А потом убежала, ожидая, будто я не буду гадать о том, что творится у тебя в голове, черт возьми?

– Какая разница? Тебе ведь все безразлично. Кроме себя самого, разумеется.

Высвободив руку, отошла к кровати, оставив безопасное расстояние между нами.

Мэдок сдвинул брови в замешательстве, словно не понимал, о чем я. Да и как ему понять? Мое поведение кардинально поменялось. Я позволила ему соблазнить меня, затем нарушила правила игры и сама попыталась его соблазнить, лишь бы доказать, что смогу. Жестоко обожглась при этом, а теперь отталкивала его. Мэдок был растерян и имел на это полное право. Я уж точно была растеряна. Я думала, что точно знала, чего хотела добиться, вернувшись в Шелбурн-Фоллз.

– Черт, к чему это все? Дело в вопросе о других девушках в моей постели? – спросил он, приблизившись ко мне.

Тихий вздох вырвался из легких, а вместе с ним улетучился и мой план.

– Неважно.

– Я мог бы спросить у тебя про других парней, но я этого не сделал. – Судя по гримасе, Мэдок разозлился. – Знаешь почему? Потому что мне не все равно. Ты действительно хочешь знать, как много девушек побывало в моей постели? Со сколькими девушками я переспал?

Ему не все равно?

– Нет, я не хочу знать. Мы не состоим в отношениях, – огрызнулась в ответ.

Мэдок стоял неподвижно. Его лицо ожесточилось, он слегка вздернул подбородок, но в остальном его тело словно окаменело. Я не могла понять, злился ли он, был сбит с толку или раздражен. Но точно знала, что Мэдок задумался. Проводив взглядом его внушительную фигуру, облаченную только в черные пижамные штаны, низко посаженные на бедрах, стала наблюдать, как он прошел через мою спальню, взял широкое серое кресло, вынес его на середину комнаты и установил перед настенным зеркалом.

– Иди сюда, – скомандовал Мэдок.

Поджав пальцы ног, не сдвинулась с места.

Его тон смягчился, когда я не шелохнулась.

– Пожалуйста? – попросил он.

Устроившись в кресле, Мэдок посмотрел на меня через зеркало, выжидая.

Он откинулся на спинку, сполз вниз немного, широко расставил ноги. Его гладкая грудь блестела в тусклом освещении. Мне пришлось облизать губы, потому что я внезапно ощутила жажду.

Это смешно! Уперев кулаки в бока, постаралась отвести взгляд, но он все равно вернулся к его глазам.

Ладно, пошло оно все.

Опустив руки, медленно подошла к креслу, старательно сохраняя скучающее выражение на лице. Мэдок взял меня за запястье, вывел вперед, после чего рывком усадил к себе на колени.

– Эй! – возмутилась я, попытавшись встать, но он обхватил руками мою талию.

– Доверься мне.

Я фыркнула, однако сопротивляться перестала, хотя бы ради того, чтобы посмотреть, к чему это приведет.

– Чего ты хочешь? – прорычала, приподняв свою задницу, потому что, оседлав его... ага.

– Смотри. – Мэдок дернул подбородком. – Посмотри в зеркало. Что ты видишь?

– О чем ты?

Какого черта?

– Открой глаза! – рявкнул он. Все волоски на моем теле встали дыбом.

Дерьмо. Да, никогда не предугадаешь, в какой момент спокойного Мэдока сменит Мэдок, внушающий страх. Перемена всегда происходила неожиданно.

Протянув руку, он подтолкнул мой подбородок, повернув меня к зеркалу. Я резко вздохнула.

– Что ты видишь? – выкрикнул Мэдок.

– Тебя и меня! – выпалила я. – Мэдока и Фэллон!

Мое сердце билось так быстро.

Я посмотрела на его отражение. Я сидела сбоку у него на коленях так, чтобы ему тоже все было видно. Наши взгляды встретились. Моя грудь начала чаще подниматься и опадать.

– А я вижу другое, – тихо произнес он. – Эти имена ничего для меня не значат. Они бесполезные и пустые. Когда я с тобой, я не вижу дочь алчной стервы и ирландского наркобарона или сына изворотливого адвоката и Барби-веганши.

Я едва не рассмеялась. Мэдок придерживался весьма ироничных взглядов на мир.

Только он не улыбался. Наоборот, хмурился. Мэдок был абсолютно серьезен. Я по собственному опыту знала, что подобные моменты искренности – большая редкость для него.

Он запустил пальцы мне в волосы, а вторую руку оставил на подлокотнике.

– Я вижу все, что мне нужно, на тот срок, который будет отведен, – продолжил Мэдок. – Я вижу женщину, хмуриющуюся милейшим образом, подобно двухлетнему ребенку, которому запретили съесть конфету. Я вижу парня, который сделал себе пирсинг Ападравиа, потому что хотел пожить в ее мире еще хоть немного.

Я закрыла глаза. *Не поступай так со мной, Мэдок.*

– Я вижу красивую женщину со сногшибательным телом и парня, который сходит с ума, желая ее.

Он опустил руку на мою шею, стал поглаживать.

– Я вижу тысячи ночей, в течение которых он будет трахать ее, пока она не закричит, на кухонных стойках, в душах, бассейнах, на диванах. – Он заговорил шепотом. – Я вижу ее глаза, знаю ее взгляд, когда она кончает.

Мои соски затвердели. Я стала жадно втягивать воздух. Подняв веки, встретила с пристальным взглядом его голубых глаз, сиявших, словно кристаллы.

– Я вижу парня, который обезумел, когда она уехала, и разгромил свою комнату, потому что думал, будто она его возненавидела.

Моя непроницаемая маска дала трещину, глаза наполнились слезами. Ком в горле достиг таких размеров, что было трудно глотать.

– Мэдок...

– Я вижу, – перебил он, проведя рукой по моему животу вверх,

проскользнув под кружевной топ, – тело, с которого этот парень слизывал капли дождя прошлой ночью, вкус которого ему хочется вновь ощутить у себя во рту прямо сейчас, потому что, детка, ты его мучаешь.

Мэдок наклонился, начал покрывать мое плечо нежными, чувственными поцелуями, постепенно перемещаясь на спину. Он откинул мои волосы, припал губами к позвоночнику, стал целовать, поднимаясь выше. Я запрокинула голову ему на плечо.

– Мэдок, – произнесла сдавленно. Дрожь пробежала по коже спины.

Его губы... о, мой Бог, его губы.

Он запустил обе руки под мой лифчик, массируя, сжимая, а я начала вращать бедрами, прижимаясь к нему.

– Проклятье, только посмотри на себя, – прошептал Мэдок бездыханно, отчего у меня внутри все сжалось.

Открыв глаза, увидела то, что видел он.

Девушка в нижнем белье сидела на коленях у мужчины, спиной к нему. Его ладони покрывали ее груди под лифом. Наши взгляды встретились, я ощутила жар. Мне хотелось впиться в его плоть зубами и растерзать. Я хотела его.

Черт, как же я его хотела.

Прислонившись виском к виску Мэдока, не разрывая зрительного контакта, опустила руку себе в трусики. Его острый, словно иглы, взгляд последовал за моим жестом. Я раздвинула ноги, легко провела пальцами по своим складкам, наблюдая за тем, как он наблюдал за мной. Мэдок откинулся назад, продолжая поглаживать меня по спине одной рукой.

Его заинтересованность, то, что его внимание было приковано ко мне, оказывало неожиданный эффект на мое тело. Раньше он всегда торопился, даже прошлой ночью все происходило на максимальной скорости.

Сейчас же Мэдок выглядел так, словно все здесь принадлежало ему. Словно я принадлежала ему, и он не спешил получить меня, пока не рассветет.

Поднявшись с кресла, продела пальцы под пояс трусиков, стянула их с себя, позволив кружеву соскользнуть вниз по моим ногам. Мэдок сжал руки в кулаки на подлокотниках. Я заметила его эрекцию под мягкой тканью брюк. Его тело нуждалось во мне. Мой клитор тоже пульсировал. Раз. Два. Три.

Проклятье. Он всегда держал меня в напряжении, заставлял чувствовать себя так хорошо.

– Я... – Мне хотелось сказать ему, что я не испытывала к нему ненависти. Сказать, что думала о нем. Что сожалела. Но слова не шли с губ.

– Мэдок, я... – Я вздохнула. – Я хочу тебя прямо здесь.

Снова села к нему на колени, лицом к зеркалу.

– Я хочу тебя вот так.

Уголки его рта приподнялись в улыбке. Я охнула, когда он положил ладонь мне на шею и притянул меня к себе.

Наши губы встретились. Заведя руку назад, запустила пальцы в его мягкие короткие волосы и поцеловала так, словно без этого поцелуя мне не выжить. Мэдок провел рукой по моему животу. Я развела ноги, оседлав его бедра.

– Мэдок, – прошептала с мольбой. – Я уже горю.

Взяв его за руку, направила ее себе между ног. Когда его пальцы проникли внутрь меня, судорожно вдохнула.

О, Боже, да.

Мэдок ласкал меня; моя влажность облегчала его движения. Из-за пылавшего в животе огня я буквально ощутила голод, поэтому начала тереться о его ладонь.

– Мэдок.

– Мне нравится слышать, как ты произносишь мое имя. – Он запрокинул голову, его грудь начала вздыматься чаще. Похоже, Мэдок наслаждался происходящим, хотя я не трогала его. Ему было настолько приятно просто прикасаться ко мне?

Мои бедра качнулись навстречу его руке, и впервые за два года мной овладело желание. Я хотела этого. Хотела его. Хотела, чтобы все повторилось.

Но знала, что ничего не смогу получить. Я знала, что будущего у нас нет.

Сегодня он в последний раз займется со мной любовью. Я в последний раз его поцелую.

В последний раз он будет желать меня.

Мне хотелось накрыть лицо ладонями и закричать, что я не обязана это делать. Не обязана уходить. Только между нами столько всего накопилось. Переступить через прошлое невозможно.

Вместо этого я встала, развернулась и опять села Мэдоку на колени, на сей раз лицом к нему.

Проведя пальцами по его щекам, сказала тихо, опасаясь, что не сдержу слезы:

– Я хочу видеть тебя. – Боль в горле была невыносима, даже шептать получалось с трудом. – Я хочу поцеловать тебя, когда ты кончишь.

Приподнялась немного на коленях, чтобы он стянул с себя брюки.

Прежде чем Мэдок бросил их на пол, выудила из кармана презерватив.

Он улыбнулся.

– Как ты узнала, что он там лежит?

– Ты ведь самоуверенный сукин сын, – сипло прошептала без тени сарказма.

Сунув упаковку ему в руку, нетерпеливо обняла его за шею и поцеловала настойчиво. Губы Мэдока скользили по моим, не теряя контакта ни на секунду, пока он возился с презервативом у меня за спиной. Качнув бедрами, потерлась о его эрекцию. Жар внутри меня все набирал интенсивность, клитор пульсировал все сильнее и сильнее.

– Давай, Фэллон, – сказал Мэдок с придыханием, откинув голову на спинку кресла. Я заколебалась, услышав свое имя. Раньше он звал меня "деткой".

– Назови меня по имени еще раз. – Я опустилась на его член. Мы оба закрыли глаза от нахлынувших ощущений.

Я чувствовала себя наполненной до предела.

– Фэллон, – сдавленно произнес он.

– Кто тебя сейчас целует? – спросила, покрывая невесомыми поцелуями линию его челюсти, медленно посасывая, прикусывая до тех пор, пока Мэдок не застонал.

– Господи, – прорычал он.

– Бог тут ни при чем.

Мэдок засмеялся.

– Фэллон. – Подняв голову, он заглянул мне в глаза, в то время как я стала неторопливо раскачиваться.

Вверх, так медленно, наблюдая за тем, как Мэдок смотрел на мое тело, двигавшееся над ним.

И вниз, вбирая его в себя, поразившись тому, как его веки опустились от удовольствия. Я никогда этого не делала. Никогда не была сверху. Как же приятно, оказывается.

То есть мне всегда было хорошо с ним, но, сидя в кресле под таким углом, он проникал гораздо глубже. Я чувствовала, как его пирсинг скользил по стенкам моего влагалища, отчего мне хотелось то замедлиться, то ускориться и ни за что не останавливаться.

– Кто трахает тебя? – Я обхватила его лицо ладонями, положив большие пальцы на щеки, а остальные – на заднюю поверхность шеи.

– Фэллон. – Слова сорвались с его губ, будто пуля в замедленном движении. У меня перехватило дыхание, когда Мэдок обхватил руками мою талию, резко встал и направил мои ноги так, чтобы я обвила их вокруг его

тела. Я жадно втягивала и выдыхала воздух, а он просто стоял, касаясь губами моих губ. – Ты не победишь, Фэллон. Хотя мне нравится, как ты играешь.

Мэдок прижал меня к зеркалу и завладел моим ртом, прежде чем отпустил мои ноги. Боже, его поцелуй оставил меня бездыханной, но мне было безразлично.

Как только мои ступни коснулись пола, он развернул меня, накрыл груди ладонями, припал губами к моей шее.

Глянув на него в отражении, забыла о своем желании овладеть им, властвовать.

Несмотря на мое стремление контролировать ситуацию, стало ясно, что я утратила контроль. Пока Мэдок не сказал:

– Почему я теряю разум из-за тебя, Фэллон? – Он дышал неровно, его руки и губы двигались так быстро, грубо. – Почему именно из-за тебя?

В этот момент я поняла, что он не пытался доминировать надо мной. Он был в отчаянии.

Я все контролировала.

– Мэдок, – прошептала, повернув голову, и прильнула к его губам.

Отстранившись, расставила ноги шире, наклонилась к зеркалу.

– Пожалуйста, ты мне нужен. – Я ощущала жар его эрекции на внутренней поверхности своих бедер.

Направив себя, он вновь вошел в меня. Я прикусила губу, почувствовав сладостную боль от глубины проникновения.

– Так хорошо, – прошептала едва слышно. У меня внутри все буквально оборвалось, когда он начал двигаться.

Зажмурившись, Мэдок запрокинул голову, произнес дрогнувшим голосом:

– Ты погубишь меня, Фэллон.

Не так, как ты погубил меня.

Фэллон

Я пытаюсь высвободить руку из ее хватки.

– Мама, нет! Пожалуйста!

Моя грудная клетка готова взорваться. Я хочу закричать, хочу причинить ей боль. Слезы нескончаемым потоком льются по моему лицу.

– Ты это сделаешь, Фэллон! – кричит она, утягивая меня дальше. – Перестань ныть и делай так, как я говорю!

Спотыкаюсь на ровном месте, пока мать тащит меня к двери, в которую я не хочу входить.

– Я не могу! Пожалуйста, умоляю. Пожалуйста!

Она останавливается, поворачивается ко мне лицом.

– Что, по-твоему, произойдет, Фэллон? Думаешь, он на тебе женится? Он не останется с тобой. Если ты этого не сделаешь, твоя жизнь будет кончена. Всему, чего я с таким трудом добилась, придет конец.

Часть меня знает, что это бесполезно. Я обхватываю живот руками. Накатывает приступ тошноты.

Шесть недель. Шесть недель прошло с нашей последней встречи, и восемь недель с того момента, как я забеременела. По крайней мере, так сказал доктор.

Скучал ли Мэдок по мне? Что он обо мне думал? Как бы я хотела вернуться. Я бы не была так холодна с ним. Когда он пытался поцеловать меня в спортзале после уроков, я не должна была отпрянуть. Я скучаю по нему и ненавижу себя за это.

Я не собиралась в него влюбиться.

Качаю головой.

– Я не сделаю этого.

Тень клиники злое еще нависает над нами. Я утираю слезы.

– Почему ты так его хочешь? – ядовито огрызается мама.

Мое сердце по-прежнему бьется слишком быстро, но я стараюсь совладать со своим гневом.

– Потому что это мой ребенок. Мэдока и мой. Мне нужно поговорить с ним.

– Он уже нашел себе другую. – Она достает сотовый, показывает мне дисплей. От увиденного у меня внутри все переворачивается. Морщусь

от боли, пытаясь сдержать слезы.

Мэдок опубликовал в фэйсбуке фотографии со своей вечеринки. Он обнимал другую девушку.

– Ты всерьез думала, что он тебя любит?

– Мне нужно поговорить с ним.

Мать убирает телефон в свою сумку от Прада, сжимает руку с идеальным маникюром в кулак, упирает ее в бок.

– Он рассказал о тебе своим друзьям? Ты хоть раз ходила с ним на свидание? Для него это была не любовь! Он использовал тебя, Фэллон!

– Ты лжешь! – Я приближаюсь к ней. Все мои мышцы болезненно напрягаются в агонии. – Он любит меня. Я знаю.

Я была так жестока с ним в течение столь долгого времени, но все равно знаю, что он меня хочет. Мэдок даже не смотрел на других девочек рядом со мной. Я не могу без него.

Мама вскидывает руку в воздух.

– Ну, поздравляю, и добро пожаловать в мир, где каждая женщина – идиотка! – орет она. – Мы все побывали здесь хотя бы раз. "Он улыбнулся мне. Он действительно меня любит. Он открыл дверь для меня. Он действительно меня любит". – Мать смотрит прямо на меня. – Послушай-ка, какой урок об отношениях женщин и мужчин я усвоила. Женщины принимают любые мелочи за чистую монету, а мужчины думают только о себе. Мэдок никогда не показывался с тобой на публике. Ты ему не нужна!

Я распахнула глаза. Меня разбудил виброзвонок моего телефона. В комнате было темно. Глянув на часы, заметила, что сейчас всего лишь полночь. Воспоминания о сне были еще свежи. У меня на лбу собрался пот. Я потерла глаза ладонями, отгоняя непрощенные образы.

Свесившись с края кровати, подхватила свой сотовый, валявшийся на полу. Я вспомнила, как Мэдок случайно сбил его с тумбочки.

Мэдок.

Обернувшись, увидела, что он спал рядом со мной. Я легла обратно, рассматривая его. Мэдок выглядел так умиротворенно.

Он лежал на животе; простынь была обернута вокруг его талии. Его волосы, влажные после душа, уже высохли, и в результате нашей деятельности пребывали в полнейшем беспорядке. Они торчали во все стороны, отчего Мэдок казался более юным. А может, просто более беззаботным, чем обычно. Он обнимал подушку. Я позавидовала медленному, размеренному ритму его дыхания.

В течение последних двух дней, каждый раз, когда татуировка Мэдока

попадалась мне на глаза, я приходила в замешательство. Поначалу у меня сразу возникала мысль, что это мое имя. Меня интересовало, какое значение несло в себе слово "Падший". Но я знала, что никогда не спрошу его об этом.

Телефон завибрировал у меня в руке. Сделав вдох, открыла сообщение.

Отец дважды звонил и прислал смс. Моя мать тоже звонила и оставила несколько сообщений в голосовой почте. Их я удалила, даже не прослушав. Я была уверена, что она отчитывала меня по поводу приезда в Шелбурн-Фоллз, либо несла какую-нибудь бессмысленную чушь.

Открыв смс от папы, увидела два сообщения.

'Фэллон?'

'Ты хочешь, чтобы я опубликовал материалы?'

Бросив взгляд на Мэдока, поняла, что мой план изменился. Я набрала ответ.

'Нет. Оправь все Карутерсу.'

'Ты уверена?'

Нет, я не была уверена. Я уже не хотела осуществлять свою затею, но только таким образом могла поставить финальную точку. У нас с Мэдоком не было будущего. Это не любовь, и я не собиралась обманывать себя ни минутой больше.

Сейчас.

Открыв новое окошко, написала сообщение отцу Мэдока.

'Проверьте свою электронную почту. Я буду ждать в домашнем офисе. У вас есть два часа.'

Парни вроде него спали с телефонами в руках, однако я не сомневалась, что он еще бодрствовал и наверняка трахался со своей любовницей.

Мистер Карутерс ответил через несколько минут.

'Уже в пути.'

– Кэтрин Трент.

Я бросила папку на стол Джейсона, а сама плюхнулась на стул, стоявший напротив него.

Он прищурился, заколебавшись на мгновение, затем открыл мои бумаги. Его губы плотно сжались, пока он листал документы, счета, фотографии.

– Зачем ты это сделала? – спросил мистер Карутерс, захлопнув папку с такой невозмутимостью, словно уже разобрался со мной.

Я посмотрела на него. Практически так же будет выглядеть его сын лет через тридцать. От этого моя ненависть к ним только усилилась. В черном костюме, с короткими белокурыми волосами, уложенными более стильно, чем у большинства парней помладше, мистер Карутерс выглядел весьма привлекательно. Не удивительно, что моя мать запрыгнула к нему в койку раньше, чем развелась со своим предыдущим мужем. Он был богат, красив, влиятелен. Идеальный набор для золотоискательницы.

Джейсон никогда не проявлял жестокость в отношении меня, однако его присутствие все же вселяло некий страх. Как и в случае с Мэдоком. Мои узкие джинсы и футболка с Green Day – не самые достойные доспехи, в которых я могла бы противостоять ему.

По крайней мере, так ему казалось.

– А вы как думаете? – огрызнулась я.

– Ради денег.

– Мне не нужны ваши деньги. – Мои слова прозвучали отрывисто. При общении с ним мне всегда хотелось спалить все вокруг. – Я предпочту грязные заработки своего отца, прежде чем хоть цент получу от вас.

– Тогда чего ты хочешь? – поинтересовался он, затем встал и подошел к бару, где налил себе в бокал что-то коричневое.

Выпрямив спину, посмотрела в окно, расположенное за его столом. Зная, что он меня услышит, сказала:

– Вставать во время разговора с другим человеком – грубо.

Я почувствовала, как Джейсон замер. Мне пришлось ждать не дольше нескольких секунд, прежде чем он вновь появился передо мной, усевшись за стол.

– Я собиралась слить информацию, которую вы получили по электронной почте. Подкупы судей...

– Одного судьи... – встрял мистер Карутерс.

– И довольно продолжительная интрижка с мисс Трент, – продолжила я. – Вы встречались с ней на протяжении двух браков.

Я не могла поверить, когда узнала об этом. Занимаясь раскопкой его измен, я не удивилась тому, что он спал с другими женщинами. Черт, они с моей матерью оба начали "ходить налево" практически сразу после свадьбы. Для нас с Мэдоком данный факт не являлся секретом. Хотя мы и не общались особо в тот период, я знала, что он тоже видел: брак наших родителей – полнейший фарс. Мы понимали, что наша четверка никогда не станет семьей. И именно поэтому не ощущали солидарности.

До тех пор, пока все не изменилось, и мы с ним начали спасать друг с другом.

– Почему ты не слила эту историю в прессу? – спросил Джейсон.

Хороший вопрос, мать вашу.

Держа руки на подлокотниках, сохраняла наш зрительный контакт. Карутерс запросто мог почувствовать слабость оппонента. Это входило в его рабочие обязанности.

– Потому что я не такой уж плохой человек, как оказалось, – ответила ему. – Разглашение навредит людям, которые этого не заслуживают, и я не хочу так с ними поступать. Пока.

– Спасибо, – произнес он с искренним облегчением. К черту его.

– Я сделала это не ради вас.

Джейсон сложил руки на столешнице.

– Где мой сын?

– Спит. – Я ухмыльнулась. – В моей постели.

Мужчины вроде мистера Карутерса редко повышали голос, однако я поняла, что разозлила его, судя по тому, как он закрыл глаза и медленно выдохнул.

– Итак, чего ты от меня хочешь, Фэллон? – наконец спросил Джейсон.

– Я хочу, чтобы вы развелись с моей матерью.

Его глаза округлились, но я продолжила:

– Позаботьтесь о ее благосостоянии, разумеется. Я не люблю мать, однако не хочу, чтобы она оказалась на улице. Купите ей дом и заплатите немного отступных.

Джейсон горько рассмеялся, покачав головой.

– Неужели ты думаешь, будто я не пытался с ней развестись, Фэллон? Твоя мать сопротивляется неизбежному. Она не хочет развода, а вот внимание, которое привлечет длительная судебная тяжба, как раз по ее части. Поверь мне, я могу развестись с ней и не очень много потерять при этом. Вот только без медиа-ажиотажа не обойдется.

Бедняжка.

– Меня это не волнует. Мне плевать, как вы решите действовать, или какой вред вам нанесет развод. Если хотите, чтобы все прошло быстро и легко, советую раскрыть бумажник шире.

Мистер Карутерс сжал губы – явный признак, что он задумался. Я не беспокоилась. Чтобы адвокат вроде него не смог одолеть свою жену в суде? Я вас умоляю. Джейсон заботился лишь о своей репутации, больше ни о чем. Он прав. Моя мать пойдет на все, чтобы на нее обратили внимание. Она точно изваляет его в грязи. Однако у нее есть своя цена.

У всех есть.

– Что еще? – Джейсон приподнял брови. Очевидно, условия ему пока не нравились.

– Один из партнеров моего отца, Тед О'Рурк, подаст прошение о досрочном освобождении в сентябре. Проследите, чтобы его одобрили.

– Фэллон. – Он снова покачал головой. – Я защищаю плохих парней. Повлиять на комиссию по условно-досрочному освобождению не в моих силах.

Кого он пытался одурачить?

Я наклонилась вперед, положив руки на стол.

– Хватит прикидываться беспомощным. Не заставляйте меня просить дважды.

– Я постараюсь что-нибудь придумать. – Мистер Карутерс склонил голову набок. – Что еще?

– Ничего. – Я улыбнулась, не размыкая губ.

– На этом все? Мать и Тед О'Рурк? А для себя ничего?

Поднявшись со стула, заправила несколько прядей волос за уши, после чего опустила руки вдоль тела. Засунув их в карманы, я бы тоже проявила слабость.

– Дело изначально не касалось меня, но вы сделали так, чтобы касалось, верно? Поэтому вы испугались, когда застали меня с Мэдоком. Зная, кто мой отец, и что представляла собой моя мать, вы предположили худшее обо мне. Вам не хотелось, чтобы ваш единственный сын замарал себя.

Он сжал переносицу пальцами.

– Фэллон, вы были детьми. Ваши отношения зашли слишком далеко и чересчур рано. Ты всегда мне нравилась.

– А вы мне не нравились, – выпалила в ответ. – Чувство вины, тоска, то, что меня бросили взрослые, которым, по меньшей мере, полагалось оказать мне поддержку, все, что произошло после – я не должна была пройти через это. Особенно в одиночку.

Джейсон сконфуженно сощурился.

– Что произошло после?

Моя злобная гримаса дрогнула. *Он не знал?*

Ну, конечно. С чего я взяла, будто моя мать ему расскажет?

Я покачала головой, проигнорировав его вопрос. Кому какая разница? Джейсон все равно не защитил бы меня.

– Это все фото с Кэтрин Трент, которые у меня есть. Я не сохранила электронные копии.

Он моргнул.

– И ты просто отдашь их мне? Шантаж не так работает.

– Это не шантаж, – усмехнулась я. – Я не такая, как вы. Однако среди моих знакомых полно нехороших людей, поэтому я не сомневаюсь, что вы выполните мои просьбы. Если сдержите сове слово, я ничего не расскажу.

Да, мистер Карутерс был осведомлен о роде деятельности моего отца и о том, с какими людьми я контактировала через него. Я бы никогда не использовала их, чтобы кому-либо навредить, но он этого не знал.

Подняв глаза, Джейсон спросил:

– Где гарантии, что я могу доверять тебе? Я не хочу, чтобы имя Кэтрин втоптали в грязь.

– Я никогда не лгала вам, – подметила, развернувшись к выходу.

– Фэллон? – окликнул он, и я снова повернулась к нему лицом. – Я давно выяснил, каковы мои достоинства. И недостатки. – Поднявшись, Джейсон сунул руки в карманы. – Я не уделял внимания женам, Мэдоку, меня мало интересовала жизнь за пределами зала суда. – Он утомленно вздохнул. – Но что бы ты ни думала, я люблю своего сына.

– Я вам верю.

– Было настолько плохо? – Изучая меня, мистер Карутерс прищурился. – В разлуке с ним? Я имею в виду, спустя два года, разве ты не видишь, что все вышло к лучшему? Неужели было так больно?

Больно. Я сжала челюсти. В глазах запекло. Любил ли он кого-нибудь достаточно сильно, чтобы почувствовать боль?

Мой голос прозвучал едва слышно.

– Я думала, что было. Поначалу. Было больно, когда меня увезли, не дав с ним попрощаться. Было больно, когда я не могла увидеться с ним или поговорить. Было больно, когда мать не звонила мне, не приглашала домой на праздники. Когда я тайком вернулась спустя несколько месяцев и обнаружила Мэдока с другой, тоже было больно. – Расправив плечи, посмотрела ему прямо в глаза. – Но больнее всего было, когда мать силой притащила меня в ту клинику, в ту палату, где я лежала в полном одиночестве, пока какая-то машина уничтожала во мне его ребенка.

Глаза Джейсона расширились, и у меня не осталось сомнений, что он не знал.

Я кивнула, закончив хрипло:

– Да, эта часть была самой паршивой.

Я развернулась и вышла из кабинета, стараясь не думать о горестном выражении на лице Джейсона Карутерса перед тем, как он накрыл его руками.

Мэдок

– Мэдок!

Я распахнул глаза, моргнул, разгоняя сон, и подскочил на кровати, когда увидел, что на меня смотрела Эдди.

– Эдди. Какого черта? – Я поправил простыни, убеждаясь, что прикрыт.

Чертовски неловко.

Можно подумать, она без того не знала, что происходит. Я лежал голый в постели Фэллон, ради всего святого, но все же. Эдди не видела меня обнаженным с, ну... с прошлого Нового года, когда я напился и прыгнул в ледяной бассейн, поспорив с Тэйт.

– Где Фэллон? – спросил, оглядевшись вокруг.

– Милый, не знаю, в чем дело, но Фэллон уехала, а твой отец ждет внизу. Он хочет поговорить с тобой. – Она кивнула, наградив меня безумным взглядом, означавшим, что мне надо поторапливаться.

Дерьмо. Я откинул простынь, услышав, как Эдди цыкнула мне вслед. Уверен, ей не понравилось, что я вышел из комнаты нагишом.

– Куда уехала Фэллон? – крикнул, направившись в свою спальню в противоположном конце коридора.

– Понятия не имею. Ее уже не было, когда я проснулась.

Нет. Нет. Нет. Я с силой зажмурился, покачав головой, потом натянул боксеры, джинсы и футболку. Подхватив носки и ключи, отправился к отцу, не намереваясь долго с ним общаться.

Я найду ее и притащу обратно за волосы, если придется. Какого хрена?

Спустившись вниз, подобрал свои кроссовки, которые бросил вчера у лестницы, после чего зашел в кабинет отца.

– Где Фэллон? – спросил требовательно, плюхнувшись на стул, чтобы надеть носки и обуться.

Мой отец сидел на краю стола с бокалом в руке. Я сначала глазам своим не поверил. Теперь мне стало немного тревожно. Он всегда вел себя сдержанно, ответственно. Раз уж отец пил до завтрака, значит... Даже не знаю. Никогда не видел его с выпивкой утром. Это странно, ведь он жил рутиной.

– Она уехала, – ответил папа.

– Куда?

– Не знаю. Фэллон уехала добровольно, Мэдок. И ты никуда не уйдешь. Нам нужно поговорить.

Я горько засмеялся, закончив завязывать шнурки.

– Говори, что собирался сказать, и побыстрее.

– Ты не можешь поддерживать отношения с Фэллон. Это невозможно.

Его прямоота привела меня в замешательство. Полагаю, он знал, что мы взялись за старое. Хотел ли я отношений с ней?

Я поднялся, приготовившись уйти.

– Ты дважды неудачно женился. Не тебе давать советы в этой области.

Отец протянул руку за спину, взял лежавшую там папку и швырнул мне в грудь.

– Взгляни.

Я вздохнул, однако все равно ее открыл.

Господи.

Пульс эхом отдавался в ушах, пока я пролистывал фотографии, на которых был запечатлен мой отец с мамой Джареда, Кэтрин. Они вместе входят в его квартиру, обнимаются, целуются у окна, он помогает ей выйти из машины...

– У тебя интрижка с мамой Джареда?

Он кивнул, обошел вокруг стола и сел в свое кресло.

– Мы с ней сходились и расходились на протяжении восемнадцати лет. Поэтому, Мэдок, не говори, будто я не способен понять, каково это: желать то, что не можешь получить. У нас с Кэтрин непростая история. Нам всегда мешало неудачное стечение обстоятельств. Но мы любим друг друга, и я собираюсь жениться на ней, как только смогу.

– Ты серьезно? – Я одновременно рассмеялся и шокировано вздохнул.

– Какого хрена?

Поверить не мог в то, что слышал. Эй, у меня роман с матерью твоего лучшего друга. Эй, мы женимся. И он говорил об этом так, будто погоду обсуждал. Мой долбаный папаша во всей своей красе – делает то, что хочет, а остальные либо мирятся с этим, либо нет. Он прям как...

– Подожди. – У меня внутри все в узел завязалось. – Восемнадцать лет? Ты ведь не отец Джареда, да?

Он посмотрел на меня, как на ненормального.

– Нет, конечно. Она только родила Джареда, когда мы познакомились.

– Проведя ладонями по лицу, папа сменил тему: – Я получил этот пакет от Фэллон. Это и материалы по одному из моих дел. Фактически, она меня шантажирует, Мэдок.

Я сжал папку в кулаке.

– Ты лжешь.

– Нет, – утешил он ровным тоном. – Все гораздо сложнее, чем тебе может показаться, но я хочу, чтобы ты знал – несмотря на то, что Фэллон вернулась сюда со скрытыми мотивами, я не думаю, что она хотела навредить тебе. Она могла обнародовать эту информацию. Тогда бы наша семья пострадала.

Я смотрел на фотографии; мое дыхание все учащалось, становилось более поверхностным, лицо вспыхнуло от злости.

– Фэллон очень рассержена, – продолжил отец тихо, словно размышляя вслух. – Но она не обратилась в прессу, Мэдок. Она не хотела причинить тебе боль.

– Прекрати меня защищать, – огрызнулся я, сев обратно на стул.

Если Фэллон вернулась, чтобы шантажировать папу, значит, все остальное тоже было ложью.

– Что у нее есть на тебя? – спросил у него. – Помимо этого? – Я приподнял папку.

Он прикрыл глаза и заговорил нерешительно:

– Я вел переговоры по поводу выплаты отступных. Сделка была нелегальная, я мог потерять лицензию, в лучшем случае. Однако это решение далось мне нелегко, и я бы поступил точно так же, возникни подобная ситуация вновь. – Отец посмотрел прямо на меня. – Тем не менее, Фэллон не много просит. И я рассказал тебе об этом не для того, чтобы сделать больно. А для того, чтобы ты спокойно жил дальше. Я не заставлял Фэллон уйти. Она прислала мне сообщение прошлой ночью.

Он бросил мне свой телефон, чтобы я мог прочитать смс. И правда, первое сообщение было от Фэллон.

– Она не подходит тебе. – Его голос напоминал отдаленное эхо, пока я смотрел на слова, отображенные на дисплее. – Ее отец, например... – он умолк.

После этого я перестал слушать. У меня внутри все оборвалось, я уронил телефон на пол, оперся локтями на колени и накрыл лицо руками.

Я помнил это чувство. То же самое ощущал два года назад, когда они сказали мне, что она уехала ни с того ни с сего. Когда увидел ее пустую кровать, на которой мы лишились девственности друг с другом. Если я не мог спать, то сразу неся в подвал, чтобы поиграть на рояле.

Мне не хотелось вновь это пережить. Я не хотел снова это чувствовать. Глубоко вдохнул, до тех пор, пока легкие не заболели, словно вот-вот разорвутся.

– Замолчи, – я перебил совершенно безразличную мне речь. – Просто замолчи. Восемнадцать лет? – спросил. – Получается, что ты встречался с Кэтрин Трент, когда был женат на моей матери.

Отец опустил глаза, затем опять посмотрел на меня. Он ничего не ответил, но я заметил вину в его взгляде.

Бога ради. Да что с ним такое, черт возьми?

– Мэдок, я отправляю тебя в Нотр-Дам раньше, – произнес отец тихим, смиренным голосом.

Что?

Видимо, он по моей недовольной гримасе понял, что я пришел в замешательство, поэтому пояснил:

– Тут такой бедлам начнется. Из-за развода у Патриции не останется другого выбора, она вернется сюда. Ты поживешь в нашем доме в Саут-Бенде, пока общежития не откроются.

– Черт, нет! – я покачал головой, встав со стула.

Как обычно, мой отец сохранял спокойствие, даже не шелохнулся.

– Ладно, тогда поезжай к матери в Новый Орлеан до конца лета. Тут ты не останешься. Я хочу, чтобы ты обдумал перспективы. Тебе нужно сменить обстановку.

Я провел рукой по волосам. *Что, черт возьми, происходит?* Я не хотел уехать в Индиану на лето. У меня там практически не было знакомых, кроме некоторых сотрудников факультета, которых отец изредка представлял мне во время поездок на спортивные соревнования и встречи выпускников.

Я туда не поеду. Ни за что, мать его!

И в Новый Орлеан тоже. Мои друзья здесь.

– Мэдок. – Папа покачал головой, будто прочитал мои мысли и собирался отказать. – Ты поедешь, найдешь себе работу или какой-нибудь волонтерский проект, чтобы скоротать время. Сейчас я пытаюсь защитить тебя от себя самого. Я лишу тебя финансовой поддержки, платы за обучение и машины до тех пор, пока не прозреешь. Тебе нужно дистанцироваться от всего. Если не послушаешься, мне придется применить более жесткие меры.

Всего несколько часов назад я был омерзительно счастлив и радовался жизни, а сейчас искал повод для драки.

Фэллон даже вещи свои не забрала, кроме тех, которые были на ней.

Все оказалось ложью, но, с другой стороны, чего я ждал? Мы переспали. Мы не болтали по душам, не ходили на свидания, у нас не было

ничего общего. Я вполне мог получить от других женщин то, что получал от нее.

Только все опять ощущалось неправильно. Как и прежде. Облака висели слишком низко, дом казался пустым, я не чувствовал голода. Ни в плане еды, ни в плане развлечений, я не хотел ничего, кроме драки.

Мне была безразлична причина моей злости. Проклятье, я вообще не был уверен, почему злился. Просто знал, что мне нужно сорвать свой гнев на ком-нибудь.

Запрыгнув в машину, помчался к дому Джареда, в полной уверенности, что меня не остановят за превышение скорости. Один из бонусов быть сыном моего отца. Я изо всех сил сжал руль потными ладонями. Включив "Numb" Linkin Park погромче, поддал газу. Возле подъезда Трентов затормозил так резко, что покрышки закрипели. Выскочил наружу, наплевав на то, что Тэйт и ее отец вместе с Джаредом ковырялись под капотом его машины.

– Твоя мать водит шашни с моим отцом? – закричал я.

Они втроем обернулись ко мне.

– Чувак, чего? – Джаред вытер руки о рабочее полотенце. Он явно пришел в замешательство.

Я пересек газон, сунув свои ключи в карман. Джаред встретил меня на полпути.

– Твоя шлюха-мамаша спала с моим папой годами, – прорычал я. – Он ее содержал, и теперь они собираются пожениться!

Глаза Джареда вспыхнули от ярости. Он понял, что я хотел спровоцировать потасовку. Мистер Брандт и Тэйт смотрели на меня округлившимися глазами, разинув рты.

Тэйт опустила взгляд, сказав скорее себе, чем остальным:

– Ну, теперь все ясно. Кэтрин встречается с кем-то, но держит это в тайне. – Она нервно засмеялась. – Ого.

Усмехнувшись, огрызнулся саркастично:

– Ага, великолепно. То, как моя мать плакала, когда отец не возвращался домой по ночам. Как я пытался понять, почему он работал так много, вместо того, чтобы посещать мои футбольные матчи. – Я поднял руки, приблизившись к Джареду нос к носу. – И причиной всему, как погляжу, очередная алчная шлюха, готовая сделать успешную карьеру.

Джаред не стал ждать ни секунды. Его кулак угодил мне прямоком в челюсть. Я засмеялся, отшатнувшись назад.

– Ну, давай! – начал подстрекать. У него в глазах буквально огонь полыхал.

Он кинулся на меня, мы упали на землю и покатались кубарем. Джаред навис надо мной, на сей раз промахнувшись мимо моей челюсти. Зарывав, оттолкнул его, одним кулаком заехал в лицо, другим – под челюсть.

– Прекратите! – крикнула Тэйт. – Джекс! Сделай что-нибудь!

Джекс? Ах, да. Он же тут живет.

– Зачем? – слышался его ответ.

Джаред обхватил мою шею руками, негибкими, словно стальная арматура, удерживая меня как можно дальше от себя.

– Говнюк! – кашлянул я.

Он процедил сквозь сжатые зубы:

– Долбаный придурок.

Вдруг холодная вода окатила спину, потекла по рукам и попала Джареду на лицо.

– Какого...? – рявкнул я.

Затем поток ударил мне в лицо. Джаред отпустил меня, укрыв свою голову от ледяной атаки. Я скатился с него. Смахнув воду с глаз, мы сели, злобно уставившись на того, кто нас облил, пока не заметили, что это был мистер Брандт. И он выглядел раздраженно. Его шорты-хаки тоже были забрызганы, а на футболке White Sox виднелись масляные пятна.

– Ваши родители встречаются, – заговорил Джеймс тихо; каждое слово весом в сотню фунтов. – Худший сценарий: они расстанутся. Лучший сценарий: вы станете сводными братьями.

– Ну и? – Мне не хватило здравого смысла заткнуться.

Бросив шланг, он заорал:

– Ну и чего вы деретесь?

Я с трудом сглотнул. Во рту пересохло.

Да, про эту часть я как-то забыл. Я уже считал Джареда и Джекса братьями, но будет довольно круто, если наши семьи породнятся официально.

Лишь бы только их брак не распался. Что, с учетом предыдущего опыта моего отца, вполне возможно.

Но, с другой стороны, его браки, скорее всего, не удавались из-за романа с мамой Джареда. Теперь, когда им выдастся шанс быть вместе беспрепятственно, это может продлиться вечно.

– Не знаю, – буркнул я.

Поднявшись, не смог посмотреть в глаза ни одному из них, однако чувствовал, что все смотрели на меня. Почему я атаковал своего лучшего друга? Черт, я назвал его мать шлюхой.

Вспомнились все выходки Джареда, когда Тэйт уехала во Францию. Он скучал по ней. Джаред любил ее, хотя сам этого не осознавал тогда. Без нее он увядал. Дрался. Пил. Трахался.

И ничто не помогало ему почувствовать себя лучше.

Так почему же я гробил свою жизнь из-за девки, которую даже не любил? Которая вообще не заслуживала моего внимания?

Я понимал, почему Джаред утратил контроль над собой из-за Тэйт. Она – хорошая девчонка. Она за него боролась. Когда это не сработало, Тэйт стала бороться против него. Ни при каких обстоятельствах она не переставала доказывать, что он ей небезразличен.

Только Фэллон не Тэйт. Она даже близко не стояла.

Все это глупо. У меня не было причин съехать с катушек просто потому, что Фэллон вернулась в город и снова переспала со мной.

Протянув руку Джареду, испытал огромное облегчение, когда он ее принял. Я помог ему подняться, надеясь, что он сочтет это за извинение. Нам с Джаредом не нужна вся эта девчачья дребедень. Он знал, что я налажал. И знал, что я тоже это понял.

– О, смотри-ка. – Я ухмыльнулся. – Опять свою машину ремонтируешь? Вот вам и Форд.

Двинувшись к своему GTO, услышал, как Тэйт прыснула со смеху у меня за спиной.

Фэллон

Дом моего отца оказался пуст, когда я приехала две недели назад. Именно это мне и было нужно. В то время как некоторые люди нуждались в шумном окружении, чтобы отвлечься, я жаждала тишины, пустынных проселочных дорог. Кирпичный особняк площадью 700 квадратных метров стоял в конце частной тупиковой улицы и являлся очередным примером того, как сраные толстосумы тратили деньги на то, чем редко пользовались.

Ладно, мой папа не был сраным толстосумом. Ну, в своем роде. Но я все равно его любила.

Это поместье обошлось ему в три миллиона долларов. Когда я спросила, зачем он купил огромный дом, а не квартиру в городе, папа преподавал мне урок географии, объяснив, почему Америка так удачно расположена относительно остального мира.

– До изобретения ядерного оружия и ракет, способных летать на дальние расстояния, – сказал он, – другим нациям было сложно напасть на эту страну. Мы стратегически расположены между двумя океанами, имеем дружественных союзников с севера и юга. Чего греха таить, – папа понизил голос до шепота, – даже если бы они не были союзниками, Канада с Мексикой в любом случае нам не страшны. В других местах тебя со всех сторон окружают возможные враги. Европа – ночной кошмар для военного стратега. Противники могут вторгнуться в любой момент или будут угрожать твоим буферным государствам. Чтобы атаковать Америку, нужно переплыть океан или пролететь огромную дистанцию. Поэтому японцы напали на Перл-Харбор. Им бы топлива не хватило, чтобы добраться до материка. Так что... – Он поставил передо мной коктейль Ширли Темпл, который сам сделал. – Я плачу, чтобы окружить себя и свою семью просторными буферными землями и заметить своих врагов до того, как они окажутся у моей двери.

На тот момент я уже знала, чем отец зарабатывал на жизнь. Хоть и понимала, что это неправильно, я никогда не испытывала к нему ненависти. Я ненавидела то, что он оставлял меня с матерью, то, что порой редко с ним виделась, но папа доверял мне и всегда разговаривал со мной, как со взрослой. Он не стеснялся умных слов, не держал меня за руку, переходя через улицу. Папа учил меня всему на свете и ждал лучшего с моей

стороны.

На мой взгляд, если кто-то редко делал комплименты и придерживался высокого мнения о людях, такие комплименты и мнения обладали большей весомостью. Отец был единственным человеком на планете, чье уважение и внимание я желала сохранить.

– Ну, ты добилась того, чего хотела? – Он вошел в кухню, где я сидела за островком с гранитной столешницей, работая на ноутбуке.

Ни тебе "привет" или "как дела", но я к этому привыкла. Мы не виделись целый месяц, а папа только вернулся в город.

– Да, добилась, – ответила, не отрывая взгляда от монитора, пока он направился к холодильнику.

– Что насчет твоей матери? – Папа достал из морозильника лед, бросил в бокал и пошел к бочонку с пивом "Гиннес".

– По-прежнему пропадает без вести. Но она скоро объявится, чтобы опротестовать развод, я уверена.

Не знаю, почему он об этом спрашивал. Я отправила ему письмо на электронную почту, сообщив, что все шло по расписанию. Папа не особо одобрял мой план отомстить тем, кто меня предал, однако он позволил мне сделать собственный выбор и приложил все возможные усилия, помогая с затеей.

– Ты попадешь под перекрестный огонь, – подметил он.

Я поерзала пальцами по клавиатуре, забыв, о чем писала.

– Разумеется.

– Мэдок? – продолжил допытываться отец.

Меня начали раздражать его бесконечные вопросы. Однако я поняла, что он хотел узнать.

– Я передумала, – пояснила. – В конечном счете, мне не хотелось, чтобы это его задело.

– Хорошо. – Папин ответ меня удивил. Я подняла глаза, встретившись с ним взглядом. – Думаю, Мэдок тоже был всего лишь ребенком, – попытался объяснить он.

Я вернулась в Шелбурн-Фоллз с намерением опубликовать собранный компромат в медиа после того, как докажу, что забыла Мэдока, что он больше не владел моим сердцем и разумом. Только все пошло против плана. Вместо того, чтобы опозорить Мэдока, его отца и мою мать, я выбрала путь наименьшего сопротивления.

Я не хотела причинить ему боль, потому что он этого не заслужил. Мне было больно, когда в шестнадцать лет я украла отцовскую машину и вернулась домой, где застала Мэдока с другой. Пусть мы вели себя по-

взрослому тогда, но все же были еще детьми. Я не могла ненавидеть Мэдока за совершенные им ошибки, так же как не могла винить нашего нерожденного ребенка за то, что он был зачат.

Мэдок никогда не любил меня, однако я точно знала, что он не намеревался меня ранить.

Поэтому я изменила план. Я все равно получила то, чего хотела, только сделала это тихо, не унизив его и мистера Карутерса.

Опустив руки на колени, стала отрывать заусенцы. Нервная привычка. Я знала, что папе это не нравилось. Они с Джейсоном Карутерсом были во многом похожи.

– Тед должен выйти досрочно, – произнесла более легким тоном.

– Фэллон. – Он недовольно покачал головой. – Я ведь сказал тебе не вмешиваться сюда.

– Тед – твой дядя. Значит, он – моя семья.

– Это не...

– Когда ты нужен тому, кого любишь, – перебила его, – другого выбора не остается.

Я улыбнулась, повторив слова Тэйт. Как бы мне хотелось узнать ее лучше.

Переведя взгляд обратно на ноутбук, снова начала печатать, сигнализируя, что разговор окончен. Папа оставался на месте еще несколько секунд, периодически делал глотки пива и наблюдал за мной. Я не позволила себе посмотреть на него или показать, как дрожали мои пальцы. О некоторых вещах я никогда не расскажу отцу, не смотря на мою любовь к нему.

Он не узнает, что я похудела на два килограмма за последние две недели, что мне снились сны, после которых я не хотела просыпаться.

Сжав зубы, моргнула, избавляясь от жгучего ощущения в глазах. Я печатала какую-то ерунду, лишь бы сделать вид, будто со мной все в порядке.

"Что бы ни происходило на поверхности моря, это не потревожит спокойствия его глубин", – повторял иногда отец, цитируя Эндрю Харви.

Но на глубине было далеко неспокойно. Черная дыра открылась в центре моего живота после встречи с Мэдоком, и она постепенно поглощала меня. Небо становилось чернее с каждым днем, сердце билось все медленнее и медленнее.

Ты меня погубишь, Фэллон.

Я застучала по клавишам сильнее, не имея понятия, что писала в докладе для летнего курса, который выбрала, чтобы занять себя.

Папа подошел к дверному проему, однако остановился и обернулся ко мне.

– Теперь тебе лучше?

Я сглотнула болезненный ком. По крайней мере, попыталась. Но все равно вздернула подбородок, заглянув ему в глаза.

– Я не ждала, что мне станет лучше. Просто хотела, чтобы они чувствовали себя хуже.

Он стоял молча несколько мгновений, после чего вышел.

Неделю спустя, выйдя из душа, обнаружила на своем сотовом пропущенные звонки от матери и Тэйт.

Я сжала телефон в руке, сгорая от желания поговорить с одной из них, но зная, что не должна, и знала, что мне нужно поговорить с другой, хотя не хотела. Они не оставили сообщений на автоответчике, однако Тэйт прислала смс после звонка.

'Нужна соседка с СЗ?'

Мои глаза сузились, но я все равно не смогла сдержать улыбку. Без колебаний перезвонила ей.

– Эй, вот ты где, – радостно ответила она.

– Что ты имела в виду по поводу соседки? – Я легла на кровать; мои мокрые волосы рассыпались по простыни.

– Ну, – начала Тэйт, – мой папа наконец-то смирился с тем фактом, что я хочу пойти в Северо-Западный... и я хочу. Я просто не сказала, что поменяла планы из-за него. Как бы то ни было, он не разрешает мне жить с Джаредом. Настаивает, чтобы я получила полный опыт обучения в колледже, и хочет на первый год поселить меня в общежитие.

– Ты слушаешь своего папочку. Как мило, – поддразнила я, хотя на самом деле позавидовала, что у нее такой заботливый родитель.

Она фыркнула.

– Люди не злят моего отца умышленно. Особенно Джаред.

При упоминании ее бойфренда мое лицо поникло. Не принимая во внимание Мэдока, я угрожала Джейсону Карутерсу разоблачением мамы Джареда. Интересно, знала ли об этом Тэйт? Судя по ее тону – не похоже. Не думаю, что она бы с легкостью меня простила за такое. К собственному удивлению внезапно ощутила чувство вины, предав дружбу Тэйт.

– Итак, – продолжила она с озорством в голосе. – Ты тоже будешь жить в общежитии на первом курсе?

– Ага, и так сложилось, что меня поселили одну в двухместную комнату.

Вообще-то, идеально получится. Мы с Тэйт нашли общий язык. По какой-то причине теперь я предвкушала начало занятий.

– Одну? Ты не захочешь жить одна. Это тааааак уныло, – она наигранно растянула слово.

Я засмеялась.

Но у меня по-прежнему оставались сомнения. К Тэйт прилагался Джаред. А к Джареду прилагался Мэдок. Я не могла находиться рядом с ним.

Он сам не захочет находиться рядом со мной.

– Тэйт, я не знаю. То есть, я буду рада, если ты станешь моей соседкой... но, честно говоря, мы с Мэдоком не ладим. Думаю, нам с ним лучше не пересекаться.

– С Мэдоком? – Ее вопрос прозвучал растерянно. – Его можно будет застать только в квартире у Джареда, если он когда-нибудь приедет в Чикаго. И я не уверена, что это случится. Мэдок пропал с радаров в последнее время.

Я села.

– О чем ты?

– Его отправили в Нотр-Дам раньше запланированного. У папы Мэдока есть дом в той округе, поэтому, полагаю, он останется там до начала учебного года, ведь общежития откроются только в следующем месяце. – Она заколебалась, а меня накрыла новая волна чувства вины.

Он уехал.

Скорее всего, его отослали из дома из-за меня.

Тэйт заговорила снова:

– Наверно, это к лучшему. Мэдок очень разозлился из-за того, что его отец сошелся с мамой Джареда. Они с Джаредом подрались. Никто из нас не говорил с ним уже несколько недель. Мы пока стараемся его не беспокоить, чтобы он остыл.

Проклятье.

А что насчет Лукаса? Возвращался ли Мэдок домой, чтобы провести время со своим "младшим братом"?

Я чувствовала себя дерьмово. Это моя вина. Может, мне стоило воспринимать данную ситуацию как воздаяние по заслугам – Мэдока отправили в ссылку, прям как меня, только я не хотела, чтобы он остался один. И мне было тошно из-за того, что ему пришлось бросить Лукаса.

– Итак? – нетерпеливо поинтересовалась Тэйт. – Что ты думаешь?

Что я думала? Я хотела сказать "да", однако знала – мне следовало держаться подальше от всех, кто имел отношение к Мэдоку.

Пытаясь скрыть нервозность в голосе, вздохнула.

– Я думаю, впереди нас ждет улетный год, соседка.

– Черт, да! – закричала она, а затем включила на полную громкость песню какой-то ужасной металл-группы.

Отдернув трубку от уха, поморщилась.

Ого.

Мэдок

Я впился пальцами в ее задницу, сжимая упругую плоть, уткнулся лицом ей в шею. Не глядя на ее лицо, практически мог представить, что это...

– Мистер Карутерс, остановитесь. Не здесь. – Она заерзала против моего тела и, хихикнув, оттолкнула меня.

– Я сказал тебе не называть меня так, – прошептал ей.

– Хорошо, – уступила девушка. – Мэдок, значит. Пойдем в твою комнату.

– Но так интересней.

Брианна... или Бренна?.. обвила ногами мою талию. Я прижал ее к стене около своей спальни в отцовском доме в Саут-Бенде. Она приходила раз в неделю, убирала, стирала. Я не стал долго ждать, прежде чем подкатил к ней, хотя даже не знал точно, сколько ей лет. Похоже, двадцать четыре или двадцать пять, по меньшей мере. И она была чертовски привлекательна.

Блондинка, голубоглазая, постоянно одевалась а-ля "хорошая девочка": капри, обтягивающие футболки-поло. Полная противоположность образу, на который меня занесло в прошлом.

– Нам понадобятся презервативы, – подметила Бренна.

Вздохнув, отпустил ее и потащил за собой в спальню.

Если не считать Бренну, моя жизнь здесь проходила скучнее, чем гонки тракторов. Занятия еще не начались, я не завел друзей, потому что в кампусе до сих пор никого не было, и город буквально вымер без студенческой толпы. Да, нравилось мне или нет, но встречи с этой девушкой являлись единственным ярким событием за целую неделю. У нее буфера были больше моей головы, а после того, как она уходила, я вновь улыбался.

Во всяком случае, хоть недолго.

Расстегнув джинсы, стал наблюдать, как Бренна сняла свою одежду, оставшись в белых кружевных трусиках и лифчике, и достала презерватив из тумбочки. Медленно подойдя ко мне, она запустила руку под резинку моих черных боксеров-брифов и погладила мой стояк.

Глянув на меня, Бренна облизала губы и улыбнулась. Шатко вздохнув, отвернулся. Не знаю почему, но я не мог смотреть на нее. Никогда. Я даже

имя ее не помнил большую часть времени.

Мне не хотелось, чтобы она была настоящей.

Схватив ее за волосы на затылке, притянул к себе, поцеловал. Наши зубы соприкоснулись, и я услышал, как Бренна застонала. То ли от жесткого поцелуя, то ли от наслаждения – мне было все равно.

– Я хочу тебя прямо сейчас, – сказала она, часто дыша, поглаживая меня более настойчиво.

Прервав поцелуй, сжал челюсти, схватил ее за локоть и потащил к кровати.

– Не командуй мной. Я тебе не принадлежу. Поняла? – огрызнулся.

В глазах Бренны, словно вспышка молнии, промелькнул восторг.

– Да, сэр.

Запустив пальцы под пояс боксеров, сдернул их с себя, после чего откинул в сторону. Обхватив заднюю поверхность ее шеи, утянул девушку с собой, улегшись на кровать.

– Спускайся вниз.

Прохладный воздух заполнил легкие, сердце забилося быстрее.

Все быстрее и быстрее.

Все быстрее и быстрее.

Все быстрее и быстрее.

Ее рот опустился мне между ног. Я зажмурился, наслаждаясь тем, как рьяно она действовала. Бренна облизывала, втягивала меня в рот на всю длину. Ее волосы опускались на мои бедра, согревая кожу.

Я хочу видеть тебя. Я хочу поцеловать тебя, когда ты кончишь.

Я попытался заглушить этот голос у себя в мыслях, положив руки на голову Бренны и проталкивая свой член глубже в ее горло.

– Продолжай, детка, – прорычал, подначивая. – Так хорошо.

Она ускорила темп. Ее голова резко поднималась и опускалась. Я изогнул бедра ей навстречу.

Кто тебя сейчас целует? Кто тебя трахает?

– Еще. Сильнее, – распорядился я. Однако, невзирая на мои старания, белокурые волосы, которые я сжимал в кулаке, превратились в светло-каштановые. На меня смотрели зеленые, с поволокой, глаза. – Боже, детка. Так приятно.

Волей-неволей погрузился в фантазию, где Фэллон царила в моем сознании. Я не хотел думать об этой суке. Не хотел желать ее, но желал.

Она была здесь. Это ее рот был на мне, и я ненавидел ее. Черт, как же я ее ненавидел. И собирался трахать ее с этой ненавистью до тех пор, пока не кончу.

Нервные окончания в ногах пылали, волна напряжения подкатила к паху. Я дернул бедрами, проникая в нее глубже и жестче, в то время как ее язык скользил по нижней поверхности моего члена.

Она отпустила меня, затем облизала, после чего обхватила рукой и стала поглаживать, посасывая теперь одну лишь головку.

Мэдок, пожалуйста.

– Черт. – Содрогнувшись, выгнул спину, приподнял голову над кроватью.

Я кончил ей в рот, сжав волосы у основания ее шеи, и втянул воздух через сжатые зубы. Она держала меня до последнего, пока я не рухнул обратно на кровать, отпустив ее.

Мое тело всегда расслаблялось.

После.

Однако в голове творился еще больший бардак.

Фэллон. Мои мысли всегда возвращались к Фэллон. Теперь я не мог кончить, если не думал о ней.

Я хотел опустить взгляд и увидеть девушку с пирсингами в ушах, с разбросанными по коже в случайном порядке мелкими татуировками. Хотел увидеть сексуальные зеленые глаза, обрамленные черной подводкой. Чтобы эти глаза смотрели на меня и убивали всеми секретами, которые она пыталась утаить.

Почему? Почему я так желал ее, когда она продолжала убегать?

– И кого же зовут Фэллон? – чей-то голос вторгся в мои размышления.

Моргнув, переспросил:

– Что?

– Фэллон. Ты произнес это имя, когда... – Бренна не договорила.

Проклятье.

– Никого. Тебе, наверно, послышалось.

Твою ж мать! Черт. Серьезно, чувак?

– Ты выкрикнул его, когда кончил. Тебе нравятся парни? Фэллон – это же мужское имя, да? – Сев, Бренна глянула на меня краем глаза, дразняще ухмыляясь.

– Это не парень, черт побери, – прорычал я, затем посмотрел прямо на нее. – Вообще-то, это моя сестра.

Она засмеялась. Заметив, что я не присоединился к веселью, Бренна заткнулась.

– Эмм, ладно. – Она слезла с кровати с таким выражением на лице, словно хотела отсюда сбежать. – В этом нет ничего странного.

Быстро одевшись, Бренна вышла из комнаты, больше ничего не сказав.

Из моей груди все-таки вырвался смех. Я засмеялся жалко, нырнув обратно под одеяло.

– Эй! Какого черта? – спросил, подскочив на кровати, потому что моя задница почему-то пылала.

– Вставай!

Сонно потер глаза и увидел свою мать, стоявшую у изножья. Подхватив край одеяла, она сорвала его с меня. Слава Богу, я был в баскетбольных шортах.

Мама стояла, уперев руки в бока и неодобрительно поджав губы.

– Ты меня по заднице шлепнула? – заныл я, упав обратно на матрас и накрыв глаза рукой.

– Вставай! – снова рывкнула она.

Обычно я радовался встречам с мамой. С ней всегда было весело, и она довольно сносный родитель, на самом деле. Они с моим отцом оба быстро нашли новых спутников жизни после развода. Мне не нравилось, что мама переехала к своему новому мужу, который жил в Новом Орлеане. Но для ребенка уехать из дома, оставить все, что ему знакомо, было слишком тяжело. Я остался с отцом и его новой женой.

Ага, умное решение.

Вздыхнув, сказал:

– Я спал. Что ты вообще тут делаешь? – По моему негодующему тону ей все стало ясно.

Мне хотелось, чтобы меня оставили в покое.

– Твой отец позвонил и рассказал, что случилось.

– Ничего не случилось, – солгал, уныло уставившись в потолок. Фары проехавшей мимо дома машины осветили полутемную комнату. Я понял, что проспал целый день.

Каблуки матери зацокали по деревянному полу.

– Вставай! – снова распорядилась она и, не дав мне опомниться, начала хлестать меня журналом.

Я поднял руки и ноги, защищаясь.

– Проклятье, женщина!

Швырнув журнал в противоположный конец комнаты, мама заправила свои белокурые волосы за уши и прошла к моему шкафу.

– Кстати, я уволила Бриттани, – выпалила она через плечо.

– Кто такая Бриттани?

– Горничная, с которой ты развлекался. Теперь вставай и прими душ. – Кинув мне чистые джинсы и футболку, мама вышла из комнаты.

Я покачал головой, удивляясь женщинам, окружавшим меня в этой жизни.

Настоящие мегеры.

Перевернувшись на живот, уткнулся лицом в постель.

– Сейчас же! – гаркнула она с первого этажа. Я раздраженно ударил кулаком по подушке.

Однако все равно поднялся. Если бы остался лежать, мама вернулась бы с ведром холодной воды.

После того как принял душ и оделся, она отвела меня в тихий итальянский рестораник, где очень любили свечи и Фрэнка Синатру, очевидно. Я заказал себе пиццу, а мама – какую-то пасту с оливковым маслом.

– Почему папа тебе позвонил? – спросил, откинувшись на спинку стула, и сложил руки за головой.

– Потому что в списках операций по кредитной карте он не видел ничего, кроме заправочных станций. Ты, скорее всего, живешь на Дорито и Фанте уже несколько недель. Он знал, что ты предпочтешь увидеть меня, а не его, поэтому...

Все верно. Мне не нравилось есть в одиночестве, так что я питался только быстрыми закусками, к тому же был слишком зол, чтобы общаться с людьми. Таким образом, оставалась только еда, купленная на заправке.

Я чертовски не хотел никого видеть, но лучше уж мама, чем отец.

– Он сказал тебе... – я заговорил тише, – что снова собирается жениться? – Мне не хотелось ее расстраивать в случае, если она не знала, поэтому постарался смягчить свой тон. Я также слышал, что его нынешняя жена пыталась отсудить наш дом – мой дом, и от этого меня мутило.

– Да, сказал. – Мама кивнула, сделав глоток белого вина. – И я за него рада, Мэдок.

– Рада? – ядовито усмехнулся я. – Как ты можешь радоваться? Он изменял тебе с ней. Это продолжалось годами.

Она на долю секунды потупила взгляд, сложив руки на коленях, поверх своей узкой юбки. Сделав вдох, сразу же захотел прекратить наш спор. Я вел себя как последний гад.

– Я рада, Мэдок. – Мама расправила плечи, глянув на меня. – Мне по-прежнему больно оттого, что он мог так со мной поступить, но сейчас у меня есть замечательный муж, здоровый, умный сын, жизнь, которую я люблю. Зачем тратить время, злясь на твоего папу, если я не стала бы ничего менять? – Она слабо, но искренне улыбнулась. – Хочешь – верь, хочешь – не верь, он любит Кэтрин. Мы с ней никогда не пойдем за

покупками вместе, – пошутила мама, – но твой отец любит ее, и я не возражаю против этого. Пора забыть о прошлом.

Она думала, что я этого не сделал? Может, сейчас я пребывал не в самом лучшем состоянии и дико скучал по друзьям, однако папа был прав. Дистанция и перспектива. Я над этим работал.

Мама подняла вилку, снова принявшись за еду.

– Еще он рассказал мне о том, что произошло между тобой и Фэллон.

– Давай не будем о ней говорить. – Взяв очередную порцию пиццы, щедро откусил.

– Ты удалил свои аккаунты с фэйсбука и твиттера, – начала отчитывать она, – замуровался в пустом доме. Почему бы тебе не поехать со мной? Проведешь оставшиеся шесть недель лета у нас?

– Потому что я в порядке, – выпалил с набитым ртом. – Правда. Возьму ранний старт, заведу друзей. А еще я планирую присмотреться к университетской футбольной команде.

– Мэдок, – опять попыталась возразить мама, только я ее перебил.

– Я в норме, – уверил, сохраняя тон ровным. – Все хорошо.

И я продолжал повторять эти слова каждый раз, когда она писала мне или звонила, или присылала Эдди проверить, как у меня дела.

До конца лета со мной все было в порядке.

Октябрь

Фэллон

Сработал мой будильник, а по радио зазвучала "What I Got" группы Sublime. Я натянула одеяло, которое сбросила ночью, обратно на себя. По утрам становилось все холоднее с каждым днем. Не верилось даже, что уже наступил октябрь. Мы с Тэйт переехали в общежитие немногим более месяца назад. Время пролетело незаметно, пока мы осваивались и втягивались в учебу.

Работы у нас обеих не было, однако занятия и без того отнимали уйму времени. Помимо нашей комнаты, меня можно было застать либо на парах, либо в библиотеке. А Тэйт, кроме комнаты и библиотеки, могла находиться только в квартире Джареда в городе.

Поначалу она старалась оставаться у него лишь на выходные (уважала желание отца, и все такое), но сейчас ее визиты участились. Они не могли оторваться друг от друга. Теперь по субботам Тэйт и Джаред возвращались в Шелбурн-Фоллз навестить ее отца и его маму или поучаствовать в гонках на Петле... что бы это ни было. Хотя я никогда не ездила с ними. Нет уж.

В комнате было одиноко, когда она отправлялась домой (я так и не обзавелась новыми друзьями), но я не могла узурпировать их совместное времяпрепровождение. Они были влюблены. Плюс, за последние два месяца я прониклась симпатией к Джареду. Он строил из себя мачо, но это был просто напускной образ.

Мы с Тэйт вместе делали домашние задания и иногда выбирались повеселиться. Так как Джаред учился в Университете Чикаго, он нечасто заглядывал в наш кампус. Они с Тэйт приглашали меня на свои свидания, однако мне не хотелось выступать третьим колесом.

Раздался щелчок. Тяжелая деревянная дверь нашей комнаты открылась.

– Фэллон, ты не спишь? – послышался оклик Тэйт.

Я села, опершись на локти.

– Нет? – ответила скорее в вопросительной форме. Я моргнула, потому что утренний свет бил в глаза. – Какой час?

Потянувшись за будильником, увидела, что сейчас только шесть утра. Тэйт швырнула рюкзак на свою кровать и начала выхватывать вещи из ящиков. Она до сих пор была во вчерашней одежде. Обычно, когда Тэйт

проводила ночь у Джареда, она возвращалась домой при полном параде, готовая отправиться на пары. Но в данный момент она, похоже, куда-то торопилась.

– Какие у тебя сегодня занятия? – спросила Тэйт, суетливо перемещаясь по комнате и не глядя на меня.

Я сглотнула, пытаюсь избавиться от сухости во рту.

– Эмм... "Математический анализ III" и "Секс и скандалы в ранней современной Европе".

– Мило, – поддразнила она низким голосом.

– Последнее – это общеобразовательный курс, – пояснила я, смутившись. – А что? Что-то случилось?

– Как ты относишься к тому, чтобы прогулять? – Запихнув одежду в рюкзак, Тэйт повернулась ко мне. – Джекс рано утром приехал к Джареду. От Мэдока до сих пор ничего не слышно. Он не отвечает на телефонные звонки, смс, электронные письма... – Она замолкла, уперев руки в бока.

– Вы вообще не общались с ним в последнее время? – Я отвернулась, не желая показывать ей свое беспокойство, которое явно отражалось у меня на лице.

– Да, сначала мы с Джаредом относились к этому с пониманием, думали, что ему нужно побыть одному, к тому же были заняты учебой. Но если уж Джекс беспокоится, значит, давно пора проверить, в чем дело. – Тэйт остановилась, наконец-то переведя дыхание.

Она подошла ко мне, похлопала по ноге и улыбнулась.

– Итак, давай отправимся в дорожное путешествие! – сообщила Тэйт, после чего направилась к раковине, чтобы собрать свои туалетные принадлежности.

Поехать в Нотр-Дам? Мое сердце начало колотиться в бешеном, неровном ритме.

Покачив головой, легла обратно и ответила тихо:

– Нет, думаю, я откажусь, Тэйт. А вы, ребята, повеселитесь.

– Что? Чем ты будешь заниматься все выходные? – Она выглянула из-за угла. – Ты должна поехать с нами, Фэллон. Ты – его семья.

Тэйт говорила со мной таким материнским тоном, подмечая, что мне положено переживать о Мэдоке, когда сама думала, будто он мне безразличен. Правда в том, что я действительно переживала, хотя и не должна была.

И я не нуждалась в лишнем напоминании о том, что наши родители до сих пор оставались женаты. Моя мать противилась разводу, хуже того – она пыталась отобрать дом Мэдока. Вести об измене Карутерса просочились в

медиа. В момент слабости мне стало его жалко. Я отправила ему по электронной почте фото, счета из отелей, контактную информацию – все необходимое, чтобы доказать, что мать тоже была неверной женой. Странно, но Джейсон не использовал эти документы.

Может, он не хотел помощи от меня, а может, доказательства ее неверности привлекут больше внимания, которое ему было не нужно. Ничего не могла с собой поделаться, однако заужала мистера Карутерса немного больше за то, что он не стал очернять ее имя.

– Я ему не настоящая семья, Тэйт. У нас никогда не было таких отношений. – Я провела по зубам штангой, которую опять вставила в язык, размышляя. – И с ним все в порядке, знаешь? Если бы он умер, то операции по кредитке остановились бы. В таком случае его отец первым забил бы тревогу. Мэддок в порядке.

Нахмутив брови, Тэйт бросила свою косметичку на кровать. Потом подошла ближе, нависла надо мной.

– Он может пить, не просыхая, или принимать наркотики. – Она говорила спокойным, но угрожающим тоном. – Может, он в депрессии или собирается покончить с собой. А теперь пакуй свои вещи. Я не стану обсуждать это во второй раз. Мы выезжаем через час.

Мы с Тэйт ехали в ее G8, а Джекс с Джаредом на его Боссе возглавляли путь в Индиану по шоссе I-90. Поездка и так была недолгая – всего около полутора часов, но с учетом того, как эти люди водили, мы добрались практически за час. Мне не хватило ни времени, ни дороги, чтобы руки перестали трястись, а во рту не пересыхало.

Что я делала, черт возьми? Я едва не накрыла лицо ладонями.

Мэддок мне не обрадуется. Зная его... он, скорее всего, был по колено в принцессах из студенческих сестринств и пивных вечеринках. Он меня оскорбит, закатит сцену, или того хуже – я увижу его сломленным, утратившим контроль. Хотя, действительно ли я обладала такой силой над ним?

Нет, конечно.

Шумно выдохнув, натянула козырек бейсболки на глаза и откинулась на спинку сиденья.

Глупо было думать, будто Мэддок расстроился из-за того, что я уехала, не попрощавшись с ним. Мы ведь не состояли в отношениях. Нет, если он не выходил на связь со своими друзьями, причиной, скорее всего, стало то, что его планы на лето рухнули. И да, он будет обвинять в этом меня. Заслуженно.

Я кинула свою бейсболку на заднее сиденье, поправила волосы.

К черту все.

Мне не следовало находиться в этой машине, но было уже слишком поздно сожалеть. Я могла прятаться и вести себя пристыженно или могла выглядеть так, словно находилась на своем месте. Мэдока собирались взять штурмом. Что ж, меня тоже.

Достав расческу, распустила волосы, чтобы они выглядели более растрепанно, освежила макияж, глядя в зеркало заднего вида. Мои черные тени до сих пор выглядели хорошо, но я добавила новый слой туши и бесцветного блеска для губ.

Однажды Эдди дала мне замечательный совет по поводу макияжа. Он не должен сделать тебя красивой. Он должен сделать тебя красивее. Перевод: чем меньше – тем лучше. Я подводила глаза, потому что они были моей лучшей чертой. Все остальное обычно не трогала.

Голубой лак для ногтей местами скололся. На мне были дырявые джинсы. Однако выше талии в своей черной футболке с короткими рукавами я смотрелась вполне прилично.

– Эдди дала нам его адрес, – сказала Тэйт, когда мы остановились возле двухэтажного дома неподалеку от кампуса. – Похоже, он решил не селиться в общежитие и переехал к друзьям.

Я выглянула из окна, пока Тэйт парковалась на противоположной стороне улицы. Это не дом отца Мэдока. Я там была один раз. Этот дом, хоть и большой, был все же меньше, явно недавно выкрашен белой краской, а у Карутерсов дом кирпичный. Должно быть, съемное жилье для студентов.

Джаред и Джекс вылезли из Босса. Я последовала за Тэйт, но крепко обхватила ручку дверцы, мысленно дискутируя о том, не остаться ли в машине.

Черт! Черт! Черт! Я начала подпрыгивать на цыпочках и захлопнула дверь с чрезмерным усилием.

– Что скажем? Сюрприз? – спросила Тэйт Джареда, взяв его за руку.

– Мне все равно, что ты скажешь. Я сломаю ему нос. – Джаред засунул вторую руку в карман своей толстовки. У него чуть ли дым из носа не валил. – Это идиотизм, что он заставляет нас так беспокоиться, – пробубнил он.

Джаред поднялся на крыльцо, постучал в темно-зеленую дверь сначала кулаком, потом дверным молотком. Джекс и Тэйт стояли по бокам от него, а я держалась позади. Сильно позади.

С руками в карманах.

Глядя в другую сторону.

И чувствовала себя чертовски виновато.

– Чем могу помочь?

Я резко обернулась, увидев девушку, вероятно, нашу ровесницу, которая подходила к дому.

Она была одета в милую джинсовую мини-юбку и футболку спортивных команд Нотр-Дам "Fighting Irish". На ее щеках в лучах солнца блестели буквы "Н" и "Д", нарисованные синей и золотой краской.

– Да, – ответила Тэйт. – Мы бы хотели увидеть Мэдока. Ты его знаешь?

Ее лицо озарилось широченной белозубой улыбкой.

– Он наверняка уже на матче.

– Матче? – повторил Джекс.

Я не могла избавиться от кома, размером с шар для боулинга, вставшего в горле. Кто эта девушка?

– Да, на футбольном матче, – пояснила она, поднявшись по ступенькам. – Команда на поле с раннего утра. Я пришла, чтобы взять стулья для вечеринки. Лучше сейчас их собрать. Потом все будут слишком пьяны. – Девушка засмеялась.

Она подхватила три складных стула с крыльца, закинув ручки себе на плечи.

– Мэдок играет в футбольной команде?

Я едва не рассмеялась над вопросом Джареда. Прозвучало так, будто его вот-вот стошнит.

Девушка остановилась, склонила голову набок и посмотрела на него так, словно не знала, что сказать. Ведь, если бы мы дружили с Мэдоком, мы бы были в курсе, что он играет в футбол, верно?

– Не могла бы ты позвонить Мэдоку? – попросил Джекс льстивым тоном, подойдя к ней, затем пожал плечами. – Наши телефоны разрядились.

Она сдвинула брови, понимая, что он лжет.

– Эм, ладно.

Достав сотовый из заднего кармана юбки, девушка набрала номер, наклонила голову, откидывая свои белокурые волосы назад, и прижала трубку к уху.

– Привет, малыш, – поздоровалась она.

У меня возникло чувство, будто мое сердце вспороли, и теперь кровь просачивалась наружу.

Черт. Черт. Черт.

– Можешь Мэдока позвать? – спросила девушка. Я моргнула. – Его около вашего дома ждут друзья, хотят переговорить с ним по-быстрому.

Я вздохнула, но не могла сообразить, что со мной такое. Это не подружка Мэдока. Какого черта меня вообще волновало, была ли у него подружка? Просто я не задумывалась о такой вероятности. Я даже не предполагала, что он переключится на новую девушку. Конечно, он бы обязательно нашел себе другую. Наверно, я думала, что мне не придется об этом услышать или увидеть собственными глазами.

Я наблюдала, как знакомая Мэдока улыбнулась и покачала головой.

– Ну, значит, скажи его девушке, чтобы отлепилась от него, – распорядилась она, а потом ухмыльнулась, глядя на Джареда, и сказала, явно его дразня: – Друзья Мэдока выглядят... очень напряженно.

У меня в груди вновь все рухнуло.

Какого хрена?

Джекс подошел к девушке, забрал предложенный ею телефон.

– Мэдок, это Джекс, – произнес он серьезно. – Я у твоего дома. Мы с Тэйт хотим удостовериться, что ты не пьян, не под кайфом и не пытаешься совершить суицид. Джаред тоже здесь, но ему это все до лампочки. Мы встретимся после твоей игры, или я дам Тэйт лом и позволю ей поработать над твоей машиной.

Сбросив вызов, Джекс кинул телефон хозяйке, брови которой подлетели до линии волос.

Развернувшись, я прошла через передний дворик, свернула направо на тротуар.

К чертям все.

Какая глупая идея. Зачем я сюда приехала?

– Фэллон, подожди! – окликнула меня Тэйт, однако я лишь ускорила шаг, шумно шагая по асфальту.

Она схватила меня за руку, попыталась развернуть, но я не остановилась.

– Куда ты собралась? – выкрикнула она.

– Обратно в Чикаго! Он в порядке. Мутит со всеми подряд, как обычно.

Прохладный ветер колыхнул листву на деревьях у нас над головами, задул волосы мне в лицо.

Будь он проклят. Я поверить не могла. Я приехала сюда, всерьез думая, будто ему плохо, будто он в беде.

– Фэллон. – Тэйт выбежала вперед, преградив мне путь. – Я сбита с толку. Что происходит?

– Он в порядке! – отметила я, подняв ладонь вверх. – Безусловно! С твоей стороны было глупо беспокоиться. Я же тебе говорила.

Мэдок состоит в футбольной команде. Нет. В футбольной команде Нотр-Дама. И у него есть девушка! Которая в данный момент, вся из себя идеальная, обжималась с ним.

Какая я идиотка.

Обогнув Тэйт, пошла дальше.

– Стой! – прорычала она низким голосом. – Как ты вернешься домой?

Мои шаги замедлились. Я оглядела жилой район, задумавшись.

Об этом я как-то забыла. Мне не вернуться в Чикаго пешком.

– Фэллон, что происходит с тобой и Мэдоком? – Тэйт снова встала передо мной, скрестив руки на груди. – Между вами что-то есть?

– Я тебя умоляю. – Я попыталась засмеяться, но получилось нечто похожее на карканье.

Ловко, Фэллон.

– Есть, не так ли? – Она понимающе улыбнулась. – Поэтому началась такая суматоха, когда ты взяла его машину той ночью. Из-за тебя он уехал в Индиану посреди лета.

Потупив взгляд, принялась разглядывать невероятно занятные трещины в тротуаре. Тэйт теперь была моей подругой. Хорошей подругой. Я не могла лгать ей.

Однако заставить себя говорить об этом тоже не могла.

– О, мой Бог! – шокировано произнесла Тэйт, явно приняв мое молчание за согласие. – Seriously?

– Ох, заткнись.

Она поджала губы, поинтересовавшись:

– Ну и, он горяч?

Я закатила глаза, уклоняясь от ответа.

Голос из моих воспоминаний прокрался в мысли.

"Сядь на капот... Раздвинь ноги."

Тэйт, видимо, заметила тоску в моих глазах, потому что она выпалила:

– Я знала!

– Ага, ну, – встряла я, – это не настоящая любовь, Тэйт.

По крайней мере, для него.

Мэдок

– Давайте сразу с этим покончим. – Я махнул Джареду и Джексу, позволяя обоим меня ударить, чего им явно хотелось.

Я только что вышел из раздевалки, приняв душ и переодевшись после игры, и обнаружил их у дверей вместе с Тэйт. Сжав пальцами лямку рюкзака, висевшего у меня на плече, стал ждать. Если честно, я думал, они примчатся раньше, еще месяц назад.

Тэйт медленно подошла ко мне. Я наклонился, собираясь ее обнять.

Плохая идея.

Ее кулак взметнулся вверх и заехал мне по руке, отчего я отшатнулся назад.

– Проклятье, Тэйт. – Поморщившись, услышал, как Джекс рассмеялся на заднем плане.

По крайней мере, на сей раз она не нацелилась на мой нос.

– Какой же ты гад, – принялась отчитывать она. – Мы тут думаем, что ты в плачевной форме, а с тобой все в полном порядке! В футбол играешь, вечеринки посещаешь. Что происходит?

До сих пор морщась, потер руку, потом скинул рюкзак на пол.

– Ничего. Я не выходил на связь, но вам не стоило беспокоиться. Ты просто злишься, потому что скучала по моей секси заднице, да?

Тэйт фыркнула, а я тихо хохотнул. Они переживали. Достаточно, чтобы приехать ко мне в колледж и устроить засаду после футбольного матча. Как бы раздраженно мои друзья не выглядели, я был рад их визиту.

По правде говоря, я знал, что они объявятся. По какой-то причине не мог связаться с ними сам. Мне не хотелось слышать, как весело они проводили лето дома. Рисковать возможностью услышать сплетни или новости о разводе отца тоже не хотел.

Я скучал по своим друзьям, но знал, что буду скучать еще сильнее, если продолжу с ними общаться.

Так предполагалось. До этого момента.

Джаред выступил вперед, и Тэйт тут же невозмутимо положила руку ему на талию, приподняв его серую футболку.

– Чертовски верно, нам не стоило беспокоиться, говнюк, – проворчал он тихо. – Фэллон была права.

Я выпрямился, кожа на шее вспыхнула.

– О чем ты?

Я не слышал ее имя уже несколько месяцев. Но думал о ней, хотя и противился этому.

– Фэллон приехала с нами, – чересчур радостно нанесла удар Тэйт, но затем поджала губы. – Только она решила отделиться, когда стало очевидно, что ты в порядке.

Стоп, что?

– Почему она с вами? – Я покачал головой, не веря.

– Потому что они с Тэйт соседки по комнате, – встрял Джаред, теряя терпение. – Какая разница?

– Что?! – выпалил я. – Она живет с тобой?

– Да. – Тэйт горько рассмеялась. – Вы с ней не особо поддерживали контакт, не так ли?

Я кивнул саркастично, наклонившись, чтобы поднять рюкзак.

– Отлично. Она живет с одним из моих лучших друзей и общается с двумя другими.

– Ну, она была более хорошим другом, чем ты в последнее время, – процедил Джаред. – Поверить не могу, что нам пришлось гоняться за тобой вот так.

– Ага, нам лучше хорошенько повеселиться сегодня вечером, раз такое дело, – присоединился к беседе Джекс, сунув руки в передние карманы своей толстовки.

Я едва расслышал его. Вместо воздуха, чистая злость заполняла и покидала мои легкие все быстрее с каждой секундой.

Посмотрев на Тэйт, спросил:

– Где Фэллон?

– Она сказала, что прогуляется по округе, пока мы не соберемся обратно. – Тэйт достала сотовый, набрала смс. – Мы думали остаться на ночь, но у меня завтра гонка в Шелбурн-Фоллз, поэтому мы не планировали провести тут все выходные. Но... – Она подняла глаза. – Ты, похоже, вполне счастлив без нас, так что, полагаю, мы возвращаемся в Чикаго сегодня.

Нет.

– Никуда вы не поедете. Я вел себя по-свински, и не смогу объяснить причины прямо сейчас, но... – Я кивнул. – Я хочу, чтобы вы остались, ребят.

Тэйт вздохнула, глядя на свой телефон.

– Она в Гроуте.

Шумно выдохнув, бросил Джареду ключи от дома моего отца.

– Ты же помнишь дорогу к нашему дому, да? – Он однажды приезжал в Саут-Бенд со мной, когда Тэйт была во Франции два года назад.

– Отправляйтесь туда, – сказал, подходя к своей машине. – Я заберу Фэллон.

Грот являлся достопримечательностью Нотр-Дама, представляя собой репродукцию французской святыни, где Дева Мария явилась Святой Бернадетте в середине 19 века. Для верующих и неверующих Грот был красивым уголком кампуса, куда люди приходили помолиться, помедитировать, подумать или просто побыть в тишине какое-то время.

Не назвал бы себя религиозным парнем, однако даже я ставил там свечи перед матчами и экзаменами.

На всякий случай.

А еще отец сделал в Гроде предложение моей матери более двадцати лет назад. И, поглядите, чем это обернулось.

Я не знал, что сказать Фэллон. Вообще не был уверен, чего хотел добиться в итоге. Хотел ли, чтобы она уехала? *Нет*. Должен ли хотеть, чтобы она уехала? *Да*.

Фэллон заслужила холодный прием, черт бы ее побрал. Как она вообще посмела сюда явиться? Шантажировала моего отца, едва не бросила на амбразуру маму Джареда. Поиграла со мной удовольствия ради.

Конечно, я выбился из колеи на несколько недель после приезда в Саут-Бенд, но потом сконцентрировался на футболе и новых друзьях. Со мной все было в порядке.

Да, я отстранился от своих лучших друзей. И практически не смеялся все это время, только я по-прежнему был чертовски хорош собой.

Что работало в мою пользу.

Пройдя по идеально подстриженному газону, свернул на тротуар, под покров деревьев, оставшихся в основном без листвы, и заметил вытесанный в каменной стене Грот.

Фэллон была там.

Она не сидела, угрюмая, какой я ожидал ее застать. Или хотел застать.

Нет, она стояла перед алтарем, с руками в задних карманах, и смотрела на море свечей, пламя которых колыхал легкий ветер. Статуя Девы Марии располагалась в алькове справа. Покачав головой, улыбнулся такой иронии.

Люди приходили сюда помолиться. Несколько верующих стояли на коленях перед оградой, отгораживающей их от алтаря.

Я не мог наорать на Фэллон здесь. Черт.

Сев на скамейку позади нее, закинул руки на спинку и стал ждать,

когда она обернется.

Ее светло-каштановые волосы рассыпались по плечам, миниатюрные ладони буквально обнимали задницу через карманы джинсов. Закрыв свой проклятый рот, сглотнул.

– Знаешь, – подала голос Фэллон, слегка обернувшись, – непристойно пилиться на мою задницу в подобном месте.

Пара молящихся посмотрела на нее, на меня, потом опять на свои руки.

Да, помолитесь за нас.

– Но это единственная достойная черта в тебе, младшая сестренка.

Ошарашенные вздохи наших соседей едва не рассмешили меня. Когда они поднялись с земли, женщина злобно смерила меня взглядом, пройдя мимо. Я сжал челюсти, не желая признавать, что впервые за долгое время мне хотелось искренне рассмеяться.

Выпрямив спину, Фэллон медленно обернулась. Ее терпеливые глаза как будто заклеили меня, но я ринулся в атаку, не позволив ей начать первой.

– Ну, и о чем ты думала? – спросил. – Что я медленно шел ко дну от отчаяния из-за тебя?

Она прикрыла веки, ее щеки вспыхнули от стыда.

– Мне не следовало приезжать. Тэйт была уверена, что ты нюхаешь кокс с задниц проституток изо дня в день. Она терроризировала меня, пока я не сдалась.

Тэйт в этом эксперт. Я посмеялся про себя, однако затем напрягся.

Фэллон говорила о ней так, словно они были подругами. Словно между ними существовали отношения, о которых я не подозревал.

Черт, а я и не подозревал. Стоило мне допустить оплошность, как Фэллон подхватила то, что я упустил.

Она наблюдала за мной, и до меня дошло, что на ней не было очков. Обычно Фэллон носила их на публике, снимала только у себя в спальне. Очки ей требовались лишь для чтения, не было необходимости ходить в них постоянно. Это что-то вроде заявки о стиле, или типа того.

Сейчас она была без очков. Ничто не заслоняло ее глаза, и она выглядела прекрасно. Фэллон всегда выглядела прекрасно. Но в данный момент немного иначе.

– С чего мне вдруг пускаться во все тяжкие? – заявил с вызовом, когда она приблизилась. – Я очень счастлив. У меня есть отличная команда, интересные занятия, хорошая девушка, которая скрашивает мои ночи...

Отчасти это правда. Я с удовольствием играл в команде. А вот занятия

– полный отстой. Мне было чертовски скучно. Большую часть времени я не понимал, что делаю. У меня не было девушки. И я не хотел ее заводить. Мы с Эштин договорились стать друзьями с привилегиями. Она, как и я, была первокурсницей, играла в теннис за колледж.

– Да, у тебя все отлично, Мэдок. Я рада. – Фэллон кивнула. – Правда, рада.

– Ага, заливай больше.

– Хочешь – верь, хочешь – нет. – Она села рядом со мной, по-прежнему сохраняя дистанцию. – Я действительно хочу видеть тебя счастливым.

Я уставился на ее рот, заметив отблеск серебра на языке. Фэллон опять поставила себе штангу.

Мышцы внутренних поверхностей моих бедер напряглись. Мне хотелось прикоснуться к ней. Я хотел почувствовать ее язык на себе. Почувствовать, как шар штанги заскользит по моей коже.

Твою мать.

Отведя взгляд, ответил:

– Ну, я счастлив. Тут легко живется. Никакого дерьма, никакой драмы.

– Хорошо, – сразу же согласилась Фэллон. – Мне жаль, что они беспокоились.

Сигнал, что разговор окончен. Настроение было ни к черту, я дико злился. Бесился и ликовал одновременно.

Остались вещи, которые мы не обсуждали, ссоры, которые не заводили. Она думала, что запросто пресечет ситуацию на корню и уйдет, но я еще не закончил.

Кто Фэллон такая вообще?

Я хотел нападать на нее. Снова и снова, до тех пор, пока она не сломается. Хотел, чтобы Фэллон кричала и плакала. Хотел сорвать с нее эту непроницаемую маску, чтобы ее лицо покраснелось от ярости, чтобы она жалко рыдала.

Я хотел сровнять ее с землей.

А потом хотел, чтобы она, дрожа и нуждаясь, цеплялась за меня.

Поднявшись, завел руки за спину и потянулся.

– Я предложил остальным переночевать в доме моего отца. Мы с парнями из команды собирались пройти по барам, и я хочу провести время с Джаредом, Тэйт и Джексом...

– Что ж, повеселитесь, – перебила Фэллон.

У меня в животе завязался узел.

– Ты не останешься?

– Нет. Мы приехали на двух машинах. Я поеду обратно на машине Тэйт. Просто сначала хотела уточнить, все ли останутся здесь.

Я потер челюсть, пытаюсь сообразить, как ее задержать, не показав при этом, будто хочу, чтобы она осталась.

– Такая упрямая, – пробормотал.

Фэллон вздернула голову, посмотрев мне в глаза.

– О чем ты?

Да, о чем это я?

Достав ключи из кармана, произнес, не глядя в ее сторону:

– До свидания, Фэллон. – Мой тон прозвучал резко.

Пройдя мимо нее, достал свой сотовый из другого кармана и набрал Джекса.

– Что? – ответил он.

– Выведи из строя дроссельную заслонку на машине Тэйт, – распорядился я.

– Зачем?

– Затем. Если ты этого не сделаешь, я расскажу всем, где ты пропадаешь по ночам. – Моя угроза не была пустой. Наверно, мне стоило сказать Джареду еще прошлой весной, когда я обо всем узнал.

– Знал ведь, что нельзя тебе говорить, – заворчал он.

Я усмехнулся. Пусть Джекс меня не видел, зато слышал.

– А ты и не говорил. Ты показал. И теперь меня мучают кошмары. Думаю, мне нужно с кем-нибудь поделиться этим, – намекнул я. – Со многими людьми поделиться.

– Ладно! – прошипел он. – Проклятье! Тэйт все равно в две секунды поймет, как это исправить.

– Ну, значит, тебе придется проследить, чтобы она не заглянула под капот.

Фэллон

В Святом Джо я читала про ад Данте. Он утверждал, что седьмой круг предназначался для жестоких. Во внутреннем поясе содержались восставшие против Бога, в среднем – самоубийцы, во внешнем – совершившие насилие против людей и собственности.

Мне место в последнем.

Потому что я не только хотела познакомить эту тупую караоке-систему с бейсбольной битой, но и набить кому-нибудь морду.

Когда выяснилось, что машина Тэйт сломалась, и починят ее только в том случае, если найдут завтра работающий автомагазин, я смирилась с необходимостью переночевать в Саут-Бенде.

В довершение всего, Тэйт с Джексом, похоже, избрали своей миссией заставить меня пойти с ними в бар.

Мэдок не хотел приглашать меня. Он отвесил шутку, что мне больше подойдет вечеринка в муниципальном колледже.

Поэтому... я показала ему средний палец, поднялась к себе в комнату, где искромсала свою скейтерскую футболку от DC и нанесла куда больше макияжа, чем планировала.

Пусть катится к черту. Мэдок думал, что я не впишусь в их компанию.

Малыш, я всегда вписываюсь.

Я надела обтягивающие джинсы, моя спина была видна через двадцать, или около того, горизонтальных разрезов на футболке, а макияж явно заявлял, что я собиралась знатно повеселиться.

Тэйт тоже понравился мой образ. Она упростила меня сделать то же самое с ее футболкой, после чего Джаред утащил ее наверх переодеваться. Они спустились только через полчаса, и Тэйт осталась в тех же вещах.

– Эй, ты здесь учишься? – прокричал мне на ухо парень, пока я ждала у бара. Поморщившись, обернулась и оглядела его.

Волосы цвета эспрессо слегка завивались вокруг ушей, спадали на лоб, а голубые глаза казались еще ярче на фоне темных бровей. Он был мил. Очень мил.

Одежда вполне будничная – темные потертые джинсы, футболка с каким-то пивным логотипом, однако парень был вполне приятной наружности. И выглядел он уж точно лучше Мэдока, который напоминал

собой ходячую рекламу Аберкромби. Не такой накачанный, как Мэдок – мускулистый, но стройный. А его широкая улыбка приковывала к себе взгляд.

– Нет, – ответила я, перекрикивая музыку. – Я учусь в Северо-Западном. Ты?

– Да, я тут на последнем курсе. Какими судьбами в Нотр-Даме?

– Навещаю кое-кого, – сказала, вручив бармену несколько баксов и забрав свою Колу. – Что насчет тебя?

– "Бад", – сделал заказ парень, затем посмотрел на меня. – Экологическая инженерия.

Милый, инженер, заказывает простое пиво. Определенно мой тип. Не то чтобы я часто пила "Будвайзер" или любой другой алкоголь. Я бы могла выпить, если захотела. В баре не проверяли удостоверения личности, так как их необходимо предъявлять при входе, а Мэдок по обыкновению сотворил чудо, чтобы нас пропустили, однако я все равно предпочитала оставаться трезвой.

– Очень здорово, – ответила, стукнувшись с ним кулаками. – Ну, я возвращаюсь к своим друзьям. Приятного вечера.

Парень кивнул. Судя по всему, он хотел сказать еще что-то, но остался ждать свой напиток у барной стойки.

Протискиваясь через толпу людей, стоявших в очереди за выпивкой, прошла обратно к двум столикам, которые мы сдвинули вместе возле окон, и уселась на свое место.

Я сразу же заметила лишнее тело. Девушка сидела рядом с Мэдоком. Прищурившись, посмотрела на его руку, лежавшую у нее на колене.

Темные волосы спадали крупными локонами ей на грудь, подтянутые, загорелые руки смотрелись отлично в свободной зеленой майке, из-под которой виднелся черный кружевной лифчик. Ее прикид определенно балансировал на грани между распутным и сексапильным, но в то же время выглядел дорого и стильно.

Я, между тем, выглядела просто распутно, пожалуй.

Она пила "Амстел Светлое". *Разумеется.*

Мэдок глянул на меня на долю секунды, затем переключил внимание на Джареда, сидевшего рядом со мной.

– Ну, и как тебе КВПОР [курсы вневойсковой подготовки офицеров резерва]? – спросил он.

– Хорошо, – ответил Джаред. – Мне приходится ходить на занятия в двух разных кампусах, зато так остается меньше поводов влипнуть в неприятности.

Тэйт сидела сбоку от него. Прильнув ближе, она похлопала его по ноге.

– Да, признай, малыш. "Тэйт, твой папа был прав".

Джаред начал тыкать пальцем ей под ребра. Она захихикала, отталкивая его.

– Хватит.

– Вы же знаете, что вам придется расставаться? Часто и надолго. – Тон Мэдока был далек от дружелюбного, да и на лице появилось суровое выражение. – Его секси задницу будут посылать в джунгли или на корабли на шесть месяцев из двенадцати. И ты не возражаешь против этого? – спросил он у Тэйта.

Какого черта? Зачем Мэдок портил им настроение? Я никогда не являлась фанаткой Джареда, но он, безусловно, заслужил мое доверие за последние два месяца. У них с Тэйт все будет хорошо.

Тэйт посерьезнела, улыбка сошла с ее губ.

– Конечно. – Она кивнула. – Я буду скучать по Джареду, но я ему доверяю. – После этого Тэйт ухмыльнулась своему бойфренду. – Ты же не будешь приставать к другим парням, да?

– Только если похоть его совсем не одолеет, – пошутил Джекс.

– Я подарю тебе вибратор, Тэйт, – предложил Мэдок. – Или сам буду в гости заглядывать. Ну, знаешь, проверить, как ты поживаешь, пока он в отъезде.

В сердце кольнуло от ревности, но потом я краем глаза увидела, как Джаред показал ему средний палец. Полагаю, для Мэдока вполне обычное дело так шутить.

– Ага, спасибо, – пробормотала Тэйт. – Думаю, я выберу вибратор.

Поставив свою содовую на стол, я обернулась назад, где очередной идиот развлекал толпу, исполняя в караоке какое-то жуткое диско.

Ох, подождите. Все диско жуткое. Почему те, кто выходил петь, выбирали либо диско, либо кантри?

Мне нужно подняться на сцену и... Нет уж. Не важно. Я моргнула, отгоняя столь глупую мысль, после чего повернулась обратно.

И обнаружила, что Мэдок наблюдал за мной. Он до сих пор держал руку на ноге девушки, только поглаживать перестал. Я не могла определить, пьян он или нет. Обычно Мэдок не сидел с такой серьезной миной, однако возле бара я его видела только раз за вечер.

Его спутница беседовала с Джексом. Сомневаюсь, что Мэдок ее представил. Я не уловила имени, но это, должно быть, та самая девушка, которая скрашивала его ночи.

Через несколько секунд она повернулась к Мэдоку и прошептала что-то ему на ухо.

Я сползла ниже на стуле, избегая зрительного контакта с ним.

– Привет, Мэдок. Как поживаешь? – Сбоку от меня появился новый стул. Подняв взгляд, увидела парня из бара.

Его губы изогнулись в полуулыбке. В глаза он смотрел немного дольше меня.

Мэдок ответил медленно и тихо:

– Эйдан, – поприветствовал он. Только прозвучало это не как приветствие. Скорее как угроза.

– Расскажи мне все, что можешь, об этой прелестной девушке, – попросил Эйдан, указав на меня.

Серьезно?

Я закатила глаза, выпрямившись.

– Мэдок меня не знает. Совершенно. – Я протянула ему руку.

– Эйдан, это Фэллон. Фэллон, это Эйдан, – представил нас Мэдок, проигнорировав мой выпад.

Мы обменялись рукопожатием. Я улыбнулась в ответ. Он меня так и не заинтересовал, однако я не хотела показать это Мэдоку.

– Рад познакомиться официально, – сказал Эйдан. Взгляд его голубых глаз буквально пронизывал.

– Ее мать любит молодых мальчиков, – снова встрял Мэдок. – А отец зарабатывает на жизнь, убивая людей.

Закрыв глаза, выдохнула поток обжигающего воздуха через ноздри.

Вот же гад.

Я поджала губы, услышав столь преувеличенную информацию от Мэдока.

Ладно, не совсем преувеличенную. Моей матери нравились молодые мальчики, но отец не ставил целью убивать кого-либо. Если ему переходили дорогу, то они знали, чего ждать.

Но все же...

Эйдан рассмеялся на выдохе.

– Мило.

Он явно подумал, что Мэдок шутит.

– К тому же Фэллон недурна в постели, – произнес Мэдок сипло. Я злобно глянула на него. Мои глаза буквально пылали, а Эйдан нервно кашлянул.

Я его убью!

– Я хотел сказать, недурна собой, – исправился он.

Поднявшись, я подхватила одну из полных рюмок, стоявших на столе.

– Ох, Мэдок. Ты не сказал ему самое интересное. Я умею петь.

Только тогда, когда жидкость достигла горла, поняла, что это текила. Со стуком поставив пустую рюмку обратно, развернулась, нырнула в толпу. Дождавшись, когда скроюсь из виду, кашлянула; во рту горело от мерзости, которую только что выпила.

– Хочешь спеть? – спросил дородный рокер, руководящий караоке-шоу, когда я подошла к сцене.

– Да. У вас есть "La La" Эшли Симпсон? – Я то и дело сглатывала, до сих пор ощущая привкус алкоголя, но избавиться от него никак не получалось. Единственный положительный момент – я уже чувствовала, как приятная дрожь разливалась по телу.

– Конечно. – Мужчина кивнул, не глядя на меня и программируя аппаратуру. – Залезай.

Последовав его указанию, поднялась на сцену, вздернула подбородок, взяла микрофон в одну руку, вторую засунула в задний карман джинсов. Из зала послышался свист. Повернувшись в сторону столика, за которым сидели мои друзья и враг, заметила, что улыбающиеся Джаред и Тэйт развернулись к сцене. Джекс также смотрел на меня, хотя официантка, отчаянно пытавшаяся обратить на себя его внимание, что-то говорила, склонившись к нему. Я видела ее декольте даже отсюда.

Эйдан тоже остался там, однако встал со стула, чтобы получить лучший обзор. А Мэдок... Ну, из-за Мэдока кровь в моих венах вскипела. Его гребанный рот прилип к девчонке, сидевшей рядом с ним. Он закрыл глаза. Меня словно и не существовало вовсе.

Сжав зубы, напрягла мышцы ног, подстегивая свою злость. Я заметила, как Тэйт перевела взгляд с Мэдока на меня, а затем поднялась, когда зазвучала музыка.

– Валяй! – выкрикнул рокер.

Я начала притопывать правой ногой, подстраиваясь под быстрый ритм песни. Закрыв глаза, улыбнулась, наслаждаясь нервным трепетом, вызванным возможностью забыться. Раскачиваясь, подогнула колени, присев немного, затем опять выпрямилась, кивая головой в такт музыке.

– Можешь осыпать меня бриллиантами, – запела я, не в силах сдержать восхитительную огненную лавину, пронесшуюся по телу. Мне даже на монитор смотреть не нужно было, текст сам по себе слетал с губ. В детстве я бесчисленное количество раз подпевала этой песне.

Опустив подбородок, пела низким голосом, играла с публикой взглядом. Когда подняла глаза, удивленно улыбнулась, увидев, как Тэйт

запрыгнула на сцену со вторым микрофоном.

Она вздернула сжатый кулак вверх, и мы обе заорали:

– С тобой мне хочется ла ла!

Толпа девчонок и парней обезумела. Они подпрыгивали, подпевали нам. Я засмеялась, не прерывая исполнение.

Из-за оживления на танцполе я совершенно потеряла из виду наш столик, что, скорее всего, оказалось к лучшему. Моя ярость слегка утихла, и я была благодарна Тэйт за поддержку. Приятно, что хоть кто-то встал на мою сторону.

Хоть я и не видела Мэдока, надеялась, что он наблюдал. Если его взгляд будет прикован ко мне, значит, его губы не будут на ней.

Я вижу все, что мне нужно, на тот срок, который будет отведен.

Сейчас он казался совершенно другим по сравнению с парнем, сказавшим мне эти слова в июне.

Мэдок вел себя холодно, сдержанно и молчаливо. Я сама не знала, зачем пришла сюда: чтобы доказать что-то или чтобы его растормошить.

– Ла ла ла, ла ла ла, – допела на пару с Тэйт.

Я склонила голову, затем запрокинула ее назад, смахнув волосы с лица. Тэйт обхватила меня рукой за шею и прошептала:

– Он не сводил с тебя глаз все это время.

Мое сердце забилось чаще то ли от ее слов, то ли от оваций публики, отдававшихся вибрацией в мои руки и ноги.

Я знала, что она имела в виду Мэдока, но все равно прикинулась идиоткой, спросив:

– Эйдан?

Тэйт понимающе ухмыльнулась.

– Нет, дуреха. Тебе прекрасно известно, о ком я говорю.

Я отказывалась смотреть в сторону столика, поэтому двинулась вниз со сцены, вытерев пальцами пот со лба.

Уже на танцполе из толпы возник Эйдан и положил руку мне на талию. Я замерла, когда он наклонился, чтобы произнести мне на ухо:

– Это было великолепно! Ты хорошо поешь.

Слабо улыбнувшись, подняла взгляд. Из колонок зазвучала обычная музыка. Ди-джей объявил перерыв, и пары, обнявшись, начали танцевать под медленную песню.

– Не хочешь потанцевать со мной? – крикнул Эйдан.

Я оглянулась, ища Тэйт, которая, похоже, сквозь землю провалилась, но в такой толчее ничего не увидела. Хотя в итоге решила, что лучшего способа улизнуть не придумаешь. Не то чтобы мне не нравился Эйдан,

просто с меня хватит на сегодня.

– Конечно, – выкрикнула в ответ. – Один танец, потом я уйду домой.

Он схватил меня за руку, вывел на середину танцпола, после чего развернул и обвил руками мою талию. Эйдан притянул меня ближе; я положила ладони ему на плечи. Мы начали плавно двигаться под "21 Guns" Green Day.

– Откуда ты знаешь Мэдока? – спросила у него.

– Мы в одной команде играем. – Он поглаживал меня по спине большим пальцем. – Правда Мэдока ждет быстрый путь. Вполне вероятно, что он станет капитаном в следующем году, – сказал Эйдан с не самым доброжелательным выражением на лице.

Капитан на втором курсе?

– Мэдок настолько хорош? – Я никогда не видела, как он играет в футбол.

– Нет, у него настолько хорошие связи, – возразил Эйдан. – Мэдоду не многое приходится завоевывать собственными силами.

Я резко опустила взгляд, отчасти разозлившись.

Сама не раз называла Мэдока привилегированным маленьким принцем, перед которым тяжкий жизненный путь был гладко вымощен, однако по какой-то причине ощутила потребность его защитить.

Я собственными глазами видела, как он бросил музыку и стал изучать машины. Он усердно трудился, много читал, возился часами в гараже. Мэдок прикладывал максимум сил, когда чем-то интересовался, и игнорировал вещи, когда оставался равнодушен.

Может, его имя помогло ему попасть в команду, но он бы не стал играть, если бы не хотел. И не играл бы, если бы не был уверен, что делает это достойно.

Пальцы Эйдана проскальзывали в разрезы на моей футболке, ласкали кожу. Он прижался ко мне еще теснее.

– Наверно, мне пора... – Я уже хотела попрощаться, однако внезапно почувствовала, будто меня приперли к стене.

Эйдан посмотрел мне за спину.

– Исчезни, Эйдан.

Я моргнула, услышав голос Мэдока. Вскоре он подошел ближе и встал сбоку от меня. Развернувшись, глянула на него и заметила, как Мэдок пытался убить взглядом своего товарища по команде.

О, нет. С ним как обычно – с нуля до сотни за считанные секунды, только ноль мы пропустили.

Эйдан убрал руки с моей талии.

– Эй, старик...

Но Мэдок встрял между нами.

– Тронь ее еще раз, и я отрублю тебе руки, – заявил он безапелляционно.

Мое дыхание стало поверхностным, однако раздражение усилилось.

Нет, нет, нет...

Закатив глаза, Эйдан ретировался, очевидно, сообразив, что драться не стоит. Судя по виду, Мэдок был готов пролить кровь.

Оскалившись, покачала головой. Черт, такое ощущение, словно мой мозг расширялся, давя на череп. Я была на грани взрыва.

– Мэдок, – процедила сквозь сжатые зубы.

– Просто заткнись, – распорядился он. – Просто заткнись и потанцуй со мной.

А? Потанцевать с ним?

Мэдок не стал тащить меня отсюда насильно, орать по той или иной причине? Не рывкнул мне в лицо, не послал домой?

Я стояла на месте, пытаюсь сообразить, что, черт возьми, происходит, поэтому даже не заметила, когда он притянул меня к себе. Его сильные руки сжали мою талию. Он держал крепко, но в остальном меня не касался. Грудь Мэдока оказалась прямо перед моими глазами. Я медленно подняла взгляд к его лицу.

Проклятье.

Когда он посмотрел на меня, все вокруг замерло, кроме наших ног, перемещавшихся под музыку. Мэдок словно искал что-то в глубине моих глаз.

Все в нем, от оттенка глаз, до мышц, силу которых я ощущала под его футболкой; то, что уже знала, как его тело двигалось, когда любило... из-за всего этого меня тянуло к нему.

Жадно втянула воздух, желая, чтобы он перестал меня трогать, желая, чтобы мне хватило сил отдалиться от него. Через минуту я отойду. Через минуту я вдоволь насыщусь теплотой, которую не чувствовала несколько месяцев. Мое сердце вновь ожило.

Через минуту я его отпущу.

Я закрыла глаза. Всего. Одну. Минуту.

Мои пальцы впились ему в плечи, когда его властные руки проскользнули через отверстия футболки, заявляя права на мою кожу.

Ничего похожего на легкие поглаживания Эйдана. Распростертая ладонь Мэдока накрыла мою спину. Он вложил в это прикосновение всего себя.

Я уткнулась лбом в его грудь, вдохнула аромат одеколона. Бабочки запорхали в животе. Когда трепет опустился ниже, я улыбнулась. Было так приятно.

Посмотрев на него, постаралась не допустить дрожи в голосе.

– Ты здесь с другой, Мэдок, – сказала тихо. – Почему ты танцуешь со мной?

Он положил вторую руку мне на щеку, сжал пальцами заднюю поверхность шеи.

– Ты задаешь слишком много гребанных вопросов, – злобно огрызнулся Мэдок.

После чего дернул мое тело на себя и накрыл мой рот своим.

Мэдок? Я не произнесла имя вслух. Кажется, я его простонала, но в остальном сразу же уgomонилась.

В этот миг я принадлежала ему.

Дрожь пробежала по телу, я моментально почувствовала влажность между ног. От горячего прикосновения губ Мэдока я ощутила голод.

Он судорожно вздохнул и прошептал:

– Потому что мне нравится твой вкус, ясно?

Его рот снова завладел моим, жарко, требовательно, словно Мэдок точно знал, как действовало мое тело, в чем оно нуждалось.

Черт, да.

Я прижалась к нему, отвечая на поцелуй. Он обвил руками мою талию, приподнял меня немного.

Поцеловал еще настойчивей.

Я сплела пальцы у него на затылке, мой язык проскользнул ему в рот, массируя, наслаждаясь вкусом. Кроме нас ничего не существовало. Кроме этого мгновения.

Его губы скользили по моим, язык проникал все глубже, играл с моим языком, то и дело поглаживал шарик штанги. Он буквально поглощал меня. Мэдок прикусил мою нижнюю губу. Я застонала, закрыв глаза от сладостной боли.

Только больно совершенно не было. Просто целовать его, прикасаться к нему, дышать им – невыносимо. Мое тело словно подверглось перегрузке, от наслаждения хотелось закричать. Пальцы Мэдока впились мне в спину. Я чувствовала его эрекцию через ткань джинсов.

Боже, что мы делаем? Мы же посреди битком набитой танцплощадки. За столиком его ждала другая девушка! Джаред, Тэйт и Джекс, наверно, старались не смотреть или уже ушли. Однако открыв глаза на секунду, заметила, что за нами никто не наблюдал. Окружавшие нас

пары были сосредоточены друг на друге.

– Мэдок, – сказала я чуть слышно, практически с мольбой в голосе.

Он отстранился немного, обхватил мои щеки ладонями, касаясь своим носом моего. Мы оба тяжело дышали.

– Я хочу оказаться внутри тебя, – прорычал Мэдок. Мне вспомнилась наша ночь в скейтерском парке под дождем. – Но... – Он выпрямился, убрав руки. – Я этого не сделаю.

Его тон прозвучал безжизненно; от страсти, пылавшей между нами всего минуту назад, не осталось и следа.

После этого он ушел.

Мэдок

Я едва не отказался от своего плана в ту же минуту, когда она оказалась в моих объятиях, в тот же миг, когда она простонала мое имя.

Только черта с два я снова стану свидетелем тому, как Фэллон уйдет. Нет, не в этот раз. Я сам уйду.

Уголок моего рта приподнялся, пока я пробирался через толпу. Она была холоднее кубика льда, когда я увел ее от Эйдана, но затем растаяла у меня в руках. Сейчас от нее осталась лишь лужица посреди танцпола.

Я мужик.

Кому какая разница, что Фэллон выглядела невероятно сексуально, стоя на сцене? Или что я немного приревновал, когда она начала танцевать с Эйданом? Или что я был готов его убить, заметив, как он сунул руку ей под футболку?

К черту его, и к черту ее.

– Пошел ты! – заорала Эштин, когда я вернулся к столику. Я увидел, что она завела руку назад, и уклонился, не дав ее ладони встретиться с моей щекой.

– Серьезно? – засмеялся, подняв руки. – Успокойся. Это просто шутка. Полагаю, она увидела поцелуй.

– Какой же ты засранец! – выкрикнула Эштин, после чего умчалась прочь из бара.

Окружающие начали хохотать, включая Джекса, в то время как Джаред покачал головой, а Тэйт нахмурилась.

– Ох, я тебя умоляю, – язвительно взмолился. – Ты скучала по мне, сама же знаешь.

Тэйт закатила глаза и поднялась, поправив свою футболку.

– Я думала, что скучала. – Оглянувшись вокруг, она вздохнула. – Не шалите, мальчишки. Пойду, вытащу Фэллон из дамской комнаты.

Не знаю, как ей удалось среди такого скопления народу заметить Фэллон, направившуюся в дальнюю часть зала, однако Тэйт вмиг пустилась на поиски подруги, расталкивая танцующих. Присев, допил свое пиво. Джекс хлопнул меня по спине, отчего я дернулся вперед.

– Ты не пойдешь ни за одной из них? – спросил он, сплетя пальцы на затылке, и отклонился назад, балансируя на задних ножках стула.

– За Тэйт и Фэллон? – Я глянул на него. – Думаю, они сами смогут

друг о друге позаботиться.

– Нет, я имел в виду Фэллон или Эштин. Разве Эштин не твоя девушка?

Девушка. От этого слова мне захотелось окунуть голову в жидкую грязь и не подниматься, пока не задохнусь.

– Нет, – ответил, снова посмотрев на танцпол. – Разве я когда-либо заводил девушек?

Я встретился взглядом с Джаредом, сидевшим напротив. Он промолчал. Однако его глаза сказали достаточно.

Джаред знал – происходит что-то неладное, я и сам осознавал, что вел себя ненормально. Но, будучи хорошим другом, он не счел нужным констатировать очевидный факт.

Одна мысль, что он был рядом, что понимал, помогла.

Заметив в толпе красную футболку Тэйт, выпрямился, потому что она вернулась одна.

– Ну, – Тэйт вздохнула, уперев руки в бока, – полагаю, мы можем возвращаться домой. С меня на сегодня хватит.

Она улыбнулась Джареду. Судя по выражению их лиц, для них вечер еще явно не подошел к концу. Только я был сбит с толку.

– Где Фэллон? – спросил у нее.

Тэйт перекинула ручку своей сумки через плечо, избегая зрительного контакта со мной.

– Ох, Фэллон. Она... похоже... собралась в другой бар с этим парнем, который подсел к нам ранее. Как там его зовут? Эйдан?

Ярость буквально из моих пор засочилась. Я сдвинул брови практически до боли.

– Что?

Какого хрена?

Она наконец-то посмотрела на меня, сжав губы в тонкую линию. Тэйт отреагировала так, будто в этом не было ничего особенного, и ответила, пожав плечами:

– Да. Я пошла за ней в уборную, а она болтала с ним в коридоре. Они вышли через черный ход.

Я подскочил со стула, злобно глядя на Тэйт.

Фэллон ушла с ним? Черт, ну уж нет.

Не попрощавшись, направился к выходу. Остановившись на тротуаре, огляделся по сторонам.

Где она, черт побери?

Я тяжело дышал, прохладный воздух быстро заполнял и покидал

легкие.

Слева ничего не было видно из-за кромешной темноты. Вправо тянулась череда студенческих баров, куда он вполне мог ее отвести.

Сначала я свернул налево. Эйдан не отморозок. У меня не было причин подозревать, будто он заманит Фэллон в тихое место и попытается с ней что-нибудь сделать, но мне показалось, будет разумнее удостовериться, прежде чем обыскивать людные и более-менее безопасные бары.

Мои подошвы громко отстукивали по асфальту. Чем дальше я уходил, тем тише становилось на улице.

Твою мать.

Я найду ее, дам Эйдану по морде, затем починю машину Тэйт, чтобы Фэллон к чертям убралась из города. Сегодня же.

На танцполе я увлекся, поцеловал ее, практически утратив контроль над собой, и после этого думал, что она станет вести себя тихо и незаметно?

Почему я не позволил Фэллон уехать днем, как она хотела?

Три с лишним месяца, прошедших с момента нашей последней встречи, у меня все было нормально. Разумеется, я не чувствовал себя счастливым, но, как и прежде, пережил расставание. Моя жизнь, какой бы унылой она ни была, вошла в колею.

И вот теперь, весь на нервах, я гнался за ней.

Я – Мэдок Карутерс. Я не злюсь, и не гоняюсь за женщинами, которые не хотят, чтобы их догнали.

Но я не мог позволить Фэллон уйти с ним. Этому не бывать.

Яркий свет уличных фонарей освещал территорию. До сих пор мне не встретилась ни одна девушка, похожая на нее. Несколько пар то тут, то там. Пьяные студенты, еле державшиеся на ногах.

Я остановился на углу, вновь посмотрел налево и выдохнул, наконец-то заметив Фэллон. Торопливо шагая, она скрылась в тени деревьев, кроны которых не пропускали лунный свет. Однако я узнал ее. Эта проклятая разодранная футболка.

Движимый вспыхнувшей во мне яростью, направился к ней. Я хотел побежать. Догнать, закинуть ее себе на плечо и забрать домой.

Мой голос прозвучал низко и жестко, когда я выкрикнул:

– Куда ты собралась?

Обернувшись, Фэллон остановилась и нахмурилась.

– Ты следил за мной? – сказала она укоризненно.

Я проигнорировал ее вопрос.

– Куда ты собралась? – снова спросил.

Ее губы скривились, достаточно, чтобы показать – я ее достал, и оказывать содействие она не намеревалась.

Однако затем... Фэллон зловеще улыбнулась, окинув меня взглядом с головы до ног.

– Для того, кто меня ненавидит, – произнесла она, глядя на меня горящими глазами, – ты чересчур озабочен моими передвижениями. – Фэллон медленно провела ладонью вниз по шее, к груди, все ниже и ниже, пока не достигла внутренней поверхности бедра.

Проклятье.

Мои глаза действовали по собственной воле. Они просто последовали за ее жестом.

Фэллон ухмыльнулась, словно одержала победу, а я моргнул, пытаюсь оторвать взгляд от того места, где остановилась ее рука. Развернувшись, она двинулась дальше в еще более быстром темпе.

Только в тот момент я сообразил, что Фэллон была одна.

– Где Эйдан? – крикнул ей, но она проигнорировала меня, свернув в темный парк.

На этот раз я побежал следом, на ходу снимая свою светло-голубую рубашку.

– Ради всего святого, Фэллон, тут холодно и темно. Возьми. – Я помахал рубашкой, протягивая ее Фэллон, но опустил руку, когда она не отреагировала.

Пришлось просунуть язык между зубами, чтобы не сжать их.

– Ты не можешь бродить по парку одна, – рявкнул я. – Где Эйдан?

– Откуда мне знать, где Эйдан?

– Вы ведь... – Я не договорил, с силой зажмурившись.

Черт бы побрал Тэйт.

Поняв, что меня подставили, но рассердившись еще сильнее из-за того, что Тэйт позволила Фэллон идти одной по городу в темноте, протяжно выдохнул через нос.

Конечно, Тэйт, скорее всего, предположила, что я побегу за Фэллон в любом случае.

– Что ж, похоже, меня развели. Я был под впечатлением, что ты покинула бар с абсолютно незнакомым человеком.

– Да, это ведь так на меня похоже, верно? – ответила она с неприкрытым негодованием.

– Ну, тебе было вполне комфортно с ним на танцполе. – Я старался сохранять скорость, не выглядя при этом глупо. Фэллон чуть ли не бежала.

– Ага, как и тебе с брюнеткой? – бросила она через плечо. – Жалуюсь ли я, Мэдок? Нет, потому что мне все равно.

Сука.

– Эй. – Я отмахнулся от жалящего ощущения, вызванного ее словами, с непринужденной улыбкой. – Я продолжаю жить, не заикливаясь на прошлом. Уверен, ты в Чикаго делала то же самое. – Преградив ей путь, посмотрел на нее сверху вниз. Каждая мышца на лице Фэллон напряглась. – Учитывая, с какой легкостью ты раздвигаешь ноги передо мной, – продолжил, – не сомневаюсь, ты отлично проводишь время в колледже.

Ее глаза вспыхнули. Фэллон ударила руками мне в грудь, но я едва пошатнулся.

– Апп! – прорычала она. Ее изумрудные глаза злобно сверкнули, а волосы неуправляемой волной упали на лицо.

– Ладно тебе, – с вызовом бросил я, расхохотавшись. – Сама ведь знаешь, что мне нравится, когда ты со мной воюешь. Ты от этого возбуждаешься, и мне перепадает секс.

Фэллон сжала пальцы в кулаки. Я увидел приближение ее руки еще до того, как она поняла, что собиралась сделать. Ее кулак врезался мне в челюсть, задев угол рта. Я даже не попытался увернуться. Мне нравился боевой дух Фэллон. Всегда нравился.

Острая боль распространилась по подбородку, я поджал губы, слизнув и проглотив каплю крови из пореза на внутренней поверхности щеки.

Хотя атака Фэллон на этом не прекратилась. Получив два довольно неслабых удара по груди, я обхватил ее запястья, пытаюсь ее утихомирить.

– Я тебя ненавижу! – закричала она.

Трепет у меня в животе трансформировался в веселье, которое я не смог сдержать. Я рассмеялся в голос, отчего Фэллон совершенно обезумела.

Она начала метаться, попыталась отстраниться, чтобы пнуть меня ногой, до тех пор, пока я не позволил ее телу врезаться в мое, и мы оба свалились на землю. Фэллон приземлилась на меня сверху, однако я быстро перевернулся, после чего оседлал ее.

Она не закричала, слава Богу, лишь начала извиваться, послав мне убийственный взгляд. Да поможет мне Всевышний, если сюда вдруг забредет офицер полиции. Подобное "дружеское подтрунивание" не каждый поймет. Я не собирался причинить ей боль. Просто хотел ее внимания.

Прижав ее руки к земле по сторонам от головы, склонился и прошептал на ухо:

– Разве мои слова не верны? – поддразнил я, чувствуя, как быстро поднималась и опускалась ее грудь. – Ты не развлекаешься в колледже или злишься, потому что я озвучил это? Не стыдись своей распушенности, Фэллон. Это генетическое. Ты дочь совей матери, в конце концов.

– Ах! – Она дернулась, стараясь меня сбросить, но я надавил сильнее.

– Ну же, – подстегнул, заметив столь желанные слезы в ее глазах. – Давай. Признайся!

Судя по выражению ее лица, пылавшему от ярости и негодования, она была на грани взрыва.

А затем Фэллон заорала:

– Я не была ни с кем, кроме тебя, сволочь!

Я замер. Все замерло.

Я перестал дышать. Улыбка сошла с моего лица. И мне было безразлично, что мое сердце молотилось о грудную клетку, словно бейсбольная бита.

Какого черта она сейчас сказала?

Прищурившись, стал изучать ее. Фэллон втянула воздух через сжатые зубы, глядя на меня так, будто хотела разорвать на части.

– Ни с кем, – прорычала она. – Теперь слезь с меня, иначе я закричу.

Мне не верилось.

– За два года, что мы провели порознь, у тебя никого не было? – спросил я, по-прежнему нависая над ней.

– Будет. – Ее грозный шепот прозвучал куда страшнее криков. – Я сделаю тебя смутным воспоминанием.

Мои глаза сузились в ответ на ее вызов. Независимо от моего понимания член начал твердеть. Может, дело было в нашей позе, в жаре борьбы или потребности ее сломить, только мне нестерпимо захотелось прикоснуться к ней.

Я заметил серебряный шарик ее штанги, мелькнувший между зубами, после чего инстинктивно провел языком по собственным зубам, вспоминая, как ее пирсинг ощущался у меня во рту во время нашего танца.

Дыхание Фэллон замедлялось. Она облизала губы, не колеблясь под моим взглядом.

Я заговорил тихо и мягко, пытаюсь достучаться до нее:

– Ты ведешь себя так, словно у тебя нет сердца, словно душишь собственную совесть, причиняя другим боль. Но я вижу сквозь это, Фэллон. Правда в том, что ты хочешь меня, как никого другого.

Она закрыла рот и сглотнула.

– Ты всегда хотела меня. Знаешь, почему? Потому что я не пытаюсь

убить твоих демонов. Я действую с ними заодно.

Ее грудь снова начала вздыматься чаще, веки дрогнули.

– А я никогда не переставал хотеть тебя, – добавил, прежде чем обрушил свой рот на ее губы.

Фэллон застонала, и я почувствовал вибрацию от ее стоны у себя в горле. Я словно на пир попал. Целовал ее, но этого мне было недостаточно. Чем быстрее мои губы двигались против ее губ, тем больше мною овладевал голод.

Больше, больше, больше. Все мое тело горело.

Как ей удавалось влиять на меня подобным образом каждый раз?

Я выпрямил ноги, прижался своим телом к ней, отпустил ее запястья, чтобы упереть руки в землю. Черт, мне захотелось колесом кувыркаться от радости, когда Фэллон обхватила мое лицо ладонями и углубила поцелуй вместо того, чтобы меня ударить.

Ее горячие, влажные губы слились с моими, я приоткрыл рот, играя с ее языком. Стоило ее штанге коснуться меня, как мой член дернулся от очередного прилива крови.

– Черт бы тебя побрал, Фэллон. Твой гребанный язык, – выдавил я бездыханно, после чего вновь завладел ее ртом. Из-за этого пирсинга я возбуждился настолько, что вполне бы мог довольствоваться одними лишь поцелуями до конца ночи.

Только... услышав, что она не была ни с кем, кроме меня, я ощутил тонну различных эмоций, проанализировать которые в данный момент не мог.

Я знал одно: теперь мне хотелось быть у нее первым во всем. Я беспокоился не о том, что Фэллон станет сравнивать меня с другими парнями, а о том, смогу ли оправдать ее фантазии.

Что, как ни странно, являлось трудной задачей. Я хотел отдать ей все.

Сместившись, лег на землю рядом с Фэллон, не прерывая поцелуя, провел рукой по ее телу, запустил ладонь под пояс джинсов.

– Господи. – Я отстранился, открыл глаза, чтобы посмотреть на нее.

Фэллон была без нижнего белья. В одних только джинсах.

Я опустил руку ниже, ей между ног. Мои губы изогнулись в улыбке. Пальцы приблизились к ее центру; я уже чувствовал, какая она влажная. Фэллон выгнула спину, часто дыша.

– Ты хоть представляешь, как сильно меня заводишь? – Вопрос больше походил на обвинение. – Такая влажная и идеальная.

Моя.

Введя в нее два пальца, едва не потерял самообладание. Черт. Жар.

Влажность, окутавшая мои пальцы.

– Я хочу внутрь тебя, – сказал ей, двигая кистью все быстрее.

– Мэдок, пожалуйста, – взмолилась Фэллон. Нагнувшись, провел языком по краю ее уха. Она вздрогнула, а я притянул ее голову ближе к себе.

– Пока рано. Я хочу дать тебе еще один первый опыт.

Встав на колени, вновь навис над ней. Убрал руку из ее джинсов, затем приподнял футболку до уровня груди. Стал дразнить, покрывая ее живот быстрыми поцелуями, спускаясь ниже.

– Мэдок, нельзя. – Фэллон положила руки на голову, приподнявшись слегка. – Нас могут увидеть.

– Мне плевать.

Я растегнул пуговицу и молнию ее джинсов. Спустив их до колен, сразу же припал к ней, чтобы ощутить ее вкус.

Для начала октября погода уже стояла прохладная, но я буквально пылал.

Тело Фэллон тоже было таким горячим. Я посмотрел ей в лицо, обводя языком клитор, и едва не рассмеялся, когда она выглянула из-под своих ладоней.

Она смутилась. Я же пришел в восторг. Может, кроме меня в ней никого не было, но это не значило, что Фэллон не пробовала другие вещи. Однако сейчас мне стало ясно, что никто с ней подобного не делал.

Мой член, мой рот, мой язык.

Она принадлежала мне.

Я надавил на ее набухший клитор, потом обвел языком по кругу. Вскоре Фэллон убрала руки от своего покрасневшего лица и схватила меня за волосы.

Ее ноги начали смещаться, сначала влево, затем вправо, и я понял, что она пыталась снять джинсы.

Молодец, девочка.

Резко поднявшись, схватил край штанин и дернул, после чего швырнул их, сам-не-знаю-куда.

– Твою мать, – простонал тихо, посмотрев на Фэллон, полностью обнаженную ниже талии, с задранной вверх футболкой.

Снова опустился ей между ног. Она сжала мои волосы в кулаки, когда я провел языком по ее складкам, неторопливо, аккуратно, затем облизал клитор.

– Мэдок, – произнесла Фэллон, тяжело дыша, прижимаясь ко мне. – Так хорошо. Позволь мне кончить. Пожалуйста.

Черт, мое тело напряглось, ниже пояса словно огонь пылал. Мой член терся о ткань джинсов. Я почувствовал, как капля пота стекла по спине под футболкой.

Я больше не мог терпеть.

Не желание, а нужду в ней. Вновь обладая ею, я ощутил пламя в животе. Мысль, что Фэллон во мне не нуждалась, отбросил. Независимо от того, признает она это или скроет, желание исходило от нее молниеносными разрядами.

Накрыв ее ртом, начал посасывать, кусать, облизывать, после чего ввел в нее язык, заставив ее застонать.

– О, Боже, Мэдок. – Фэллон запрокинула голову назад, темп ее дыхания ускорился, тело задрожало. Я крепче обхватил ее бедра. Она мне чуть волосы не вырвала, когда кончила.

Я не стал дожидаться ее возвращения с небес на Землю.

Отклонившись назад, присел на пятки, достал презерватив из бумажника. Прежде чем Фэллон открыла глаза, я разорвал упаковку, надел резинку на себя и приблизился к ней. Мне хотелось оказаться внутри нее до того, как закончится оргазм. Дыша так же часто и тяжело, завел руку за спину, схватил свою футболку, стянул ее и отбросил в сторону. Опершись одной рукой на землю, второй обхватил свой эрегированный член. Фэллон приподнялась, обвила руками мою шею, поцеловала меня настойчиво.

Я провел головкой по ее клитору, отчего она содрогнулась против моих губ.

– Ляг обратно, – процедил сквозь сжатые зубы. – Ты мне нужна, прямо сейчас.

Откинувшись назад, Фэллон шире раздвинула ноги. Я ввел в нее головку своего члена. Затем обхватил за талию, удерживая ее на месте, и вошел полностью.

– Ах! – застонала она.

Закрыв глаза, тихо зарычал.

Продев руку под колено, положил ладонь ей на бедро, притянул максимально близко к себе.

– Мэдок. – Ее шепот прозвучал так похотливо. Фэллон полностью отдалась моменту, отчаянно желая все больше и больше. Запустив руку под джинсы, она схватила меня за задницу. Я поморщился, когда ее ногти впились в кожу. Мне это понравилось.

– Да, вот так, – выдохнул, быстро двигаясь в ней. – Дотронься до меня, Фэллон.

Сжав пальцами мою плоть, Фэллон затем провела ладонью вверх по

спине, до затылка, и притянула мою голову, чтобы наши губы встретились. Она была неистова. Ее язык скользнул по моей шее. Потом Фэллон прикусила мочку моего уха. И в итоге глубоко поцеловала меня.

– Быстрее, Мэдок, – прошептала она мне на ухо. – Кончи жестко.

Отстранившись назад, продолжал поддерживать себя одной рукой, а второй сжал ее грудь. Фэллон обхватывала мои бедра все сильнее с каждым толчком.

Ее волосы рассыпались по холодной траве. Я заворуженно наблюдал, как ее тело приподнималось вверх и опускалось каждый раз, когда я входил в нее.

Она поглотила меня. Хотя и знал, что выживу без Фэллон, просто не хотел этого. Я хотел видеть ее в своей кровати, за обеденным столом, у себя на коленях, ходить с ней под руку везде и всюду каждый чертов день отныне.

Фэллон – моя девочка. Я наконец-то понял, почему Джаред так нуждался в Тэйт. Почему он причинял ей боль, когда думал, что не мог ее любить.

Он просто хотел ее.

Фэллон посмотрела на меня, прикусив нижнюю губу. Ее взгляд стал напряженным. Ощутив, как ее мышцы сжались вокруг моего члена, понял, что она вот-вот кончит.

– Останься со мной, – потребовал я, не сводя с нее глаз.

Она приглушенно постанывала от каждого толчка. Смотрела на меня с мольбой в изумрудных глазах. Я сжал челюсти.

Наконец, Фэллон зажмурилась, вскрикнув, и я тоже последовал за ней. Ее мышцы начали сокращаться вокруг меня. Резко войдя в нее еще пару раз, кончил и рухнул вниз.

Я лежал, уткнувшись лбом Фэллон в плечо. В парке было тихо, если не считать наших неровных вздохов.

Черт.

Я даже не хотел оглядываться, чтобы посмотреть, не застучал ли нас кто. Она кричала довольно громко. Мой пульс участился, и я почувствовал, как разгорячилась моя кожа.

Фэллон повернула голову ко мне. Я приподнялся; наши рты разделяли считанные сантиметры. Она разомкнула губы, глядя на меня умоляюще, с болью и наслаждением во взгляде.

Приняв приглашение, поцеловал ее, обхватил голову руками, полностью накрыв Фэллон своим телом.

Ее губы изо всех сил прижались к моим, она углубила поцелуй.

– Мэдок. – Фэллон вздрогнула, не отрываясь от моего рта. – Я...

– Шшш, – перебил я, вновь ее целуя.

Остались вещи, которые нам предстояло обсудить. Но не сегодня.

Этой ночью я спал на диване в доме моего отца, потому что решил не давить на Фэллон раньше времени. Нашей полуночной возни в парке было вполне достаточно, чтобы ее спугнуть. Меня раздражала необходимость осторожничать с ней.

Я никогда так не заботился о других девушках и не мог понять, в ком дело – во мне или в Фэллон. Мы с ней сошлись, будучи слишком юными. Может, она уничтожила меня для остальных женщин. Я не знал. И был не в настроении раздумывать, любил я ее или нет.

В конечном счете, пришел к выводу, что пока просто не закончил с ней.

Поэтому отступил, не стал настаивать на том, чтобы мы разделили постель, решил предоставить ей возможность отдохнуть.

Тэйт с Джаредом уже были дома, когда мы с Фэллон вернулись. Я их не видел, но судя по тихим звукам, доносившимся из их комнаты, мог с точностью сказать, что они не спали.

Прежде, чем пожелать Фэллон спокойной ночи, неспешно ее поцеловал.

Следующим утром меня разбудил Джаред.

– Эй, мы скоро собираемся выезжать, – предупредил он.

Я потер глаза ладонями.

– Все проснулись? – спросил, сев.

Он бросил две спортивные сумки возле двери в фойе.

– Да, только Фэллон уже уехала.

Опустив ноги с дивана на пол, уперся локтями в колени.

– Что? – выпалил я, явно намекая взглядом, что будет лучше, если это окажется ложью.

– Похоже, она разбудила Джекса рано утром, чтобы отремонтировать машину. – Джаред многозначительно посмотрел на меня. – Разумеется, на ремонт не потребовалось много времени, ведь ему пришлось лишь подсоединить обратно дроссельную заслонку. Фэллон уже час в дороге. – Он замолчал и уставился на меня в ожидании ответа, жуя жвачку.

– Невероятно, мать твою! – заорал я. Подхватив вазу с кофейного столика, запустил ее через комнату. В результате она разбилась о противоположную стену.

Откинувшись назад на спинку коричневого кожаного дивана,

раздраженно провел ладонями по лицу.

Какого хрена?

– Что случилось? – спросил вышедший из-за угла Джекс.

Запрокинув голову, закрыл глаза и сплел руки на макушке.

– Ничего, – ответил Джаред. – Я сам разберусь.

Я не слышал, как ушел Джекс, но, когда опустил руки и открыл глаза, его уже не было. Джаред обогнул кофейный столик и сел в кресло.

– Она останется в Шелбурн-Фоллз до конца выходных. Ее мама прислала ей сообщение, сказала, что им надо встретиться, или типа того, – сообщил он.

От злости голову заволокло туманом, мешавшим думать.

Джаред сунул руку в карман толстовки, похоже, пытаясь выудить один из своих ключей.

– Мы уезжаем сейчас, – сказал он, продолжая поиски. – Навестим родителей. И у Тэйт сегодня вечером гонка. Ты тоже должен приехать.

Я покачал головой, не глядя на него.

Он совсем спятил?

Джаред протянул мне ключ.

– От дома Тэйт, – пояснил он. – Фэллон ночует там. Мистер Брандт вечером отправляется в командировку. Я буду держать Тэйт в нашей комнате у тебя дома. А ты разрули эту ситуацию.

Я снова покачал головой.

– Ни за что. С меня хватит.

Черт, Фэллон вообще хоть что-нибудь ради меня делала? Это стало последней каплей. Если она не могла открыться и вести себя нормально, значит, она того не стоила.

Поднявшись, Джаред швырнул ключ мне в грудь.

– Приезжай, – распорядился он. – Разберись с этим дерьмом. Я хочу, чтобы мой друг вернулся.

– Нет, – повторил я. – Я не буду вновь за ней гоняться.

– Я рассказал всей школе про своего плюшевого медведя, чтобы вернуть Тэйт. – Джаред посмотрел на меня хмуро. – Гонись. Упорней.

Но я не мог.

Фэллон знала, что я ее хотел. Должна знать, что небезразлична мне. Однако я ей не доверял. Она играла со мной, и я понятия не имел, почему.

Когда Фэллон будет готова поговорить, она меня найдет.

Фэллон

– Папочка? – Смотрю вверх. Я только что проснулась на больничной койке. Папа стоит надо мной в кремовом вязаном свитере и коричневой кожаной куртке. От него пахнет кофе и одеколоном Ralph Lauren.

Он окидывает мое тело взглядом, полным боли и измождения.

– Посмотри, что ты с собой сделала.

Мое лицо искажается, глаза заполняются слезами.

– Папочка, прости. – Гортань сковывает от подступающих рыданий. Я смотрю на папу в надежде, что он меня обнимет.

Он мне нужен. Кроме него у меня никого не осталось.

Пустота. Одиночество. Я совершенно одна. У меня нет никого. Мамы нет. Она даже не звонит. Ребенка нет. Инстинктивно кладу руки на живот, но чувствую лишь тупую пульсацию вместо любви.

В глазах жжет; я отворачиваюсь, начинаю плакать в тишине темной палаты.

Это не моя жизнь. Не так должно быть. Я не должна была полюбить Мэдока. Не должна была сломаться.

После аборта меня словно в болото засосало; я не могла ходить. Не могла есть. Боль в груди только усиливалась. Я чувствовала постоянную усталость из-за беспокойства и горя. Где он? Пытался ли он связаться со мной? Думал ли обо мне?

Я не осознавала, как сильно люблю Мэдока, пока нас не разлучили.

Мама сказала, это мимолетное увлечение. Детская влюбленность. Что я забуду. Но с каждым днем печаль и отчаяние утягивали меня все глубже. Я запустила учебу. У меня не осталось друзей.

В итоге я наконец-то тайком вернулась в Шелбурн-Фоллз, где убедилась, что жизнь Мэдока действительно не стояла на месте, как и говорила мама. Он не думал обо мне, совершенно. Его мысли занимала лишь девушка, голова которой в тот момент находилась у него между ног. Я выбежала из дома, запрыгнула в машину, украденную у отца. И вот я здесь, три дня спустя, с порезами на руках и острой болью в груди.

Я резко вздыхаю, замираю, когда папа сбрасывает с меня одеяло с простыней и швыряет их на пол.

– Папочка, что ты делаешь? – Заметив его яростные зеленые глаза, начинаю плакать.

Он рывком поднимает меня с кровати, сжимая мой бицепс с такой силой, что кожу саднит.

– Ай, папочка! – вою я и хромаю, пока он тащит меня в ванную.

Создается такое ощущение, будто папа в любую минуту вырвет мне руку из сустава.

Что он делает?

Я наблюдаю, как папа закрывает слив в раковине, набирает воду. Пальцы его второй руки впиваются в мою плоть. Мое дыхание учащается.

Дернув меня ближе к себе, он кричит:

– Кто ты?

Слезы льются из глаз, я всхлипываю.

– Твоя дочь.

– Неправильный ответ. – Обхватив заднюю поверхность шеи, папа окунает мою голову в раковину.

Нет!

Я судорожно вздыхаю, глотая воду. Упираюсь обеими руками в края раковины, сопротивляюсь, но он слишком силен. Мотаю головой, ладони скользят, но у меня никак не получается высвободиться.

Вода заполняет нос. Я зажмуриваюсь, потому что глаза обжигает.

Внезапно папа поднимает меня.

– Папочка, перестань! – Я кашляю, отплевываюсь; вода стекает с моих спутанных прядей, подбородка.

Его громогласный голос пронзает пространство:

– Хочешь умереть, Фэллон? – Он снова злобно дергает меня за голову.
– Поэтому ты так поступила, да?

– Нет... – отвечаю поспешно, прежде чем папа окунает меня обратно, перекрывая доступ кислорода. Мне едва хватает времени подумать или подготовиться. Разум застилает черной пеленой; я выпускаю вопль под водой.

"Отец меня не убьет", – говорю себе. Но мне больно. Внутренние поверхности запястий саднят. Кажется, раны опять кровоточат.

Он поднимает меня. Я тянусь назад, хватаю его за руку, рыдая.

– Кто ты? – гаркает папа в очередной раз.

– Твоя дочь! – Мое тело трясется от страха. – Папочка, хватит! Я твоя дочь!

Я плачу, дрожу. Перед моей ночной рубашки промок, вода течет по ногам.

Он рычит у меня над ухом:

– Ты не моя дочь. Моя дочь не сдается. На дороге не было тормозных

следов, Фэллон. Ты врезалась в дерево намеренно!

Я качаю головой, сопротивляясь его хватке. Нет. Нет. Я врезалась не нарочно.

Во рту накапливается вязкая слюна. Я зажмуриваюсь, вспоминая о том, как покинула дом Мэдока, как пряталась в доме отца в окрестностях Чикаго. Я взяла одну из его машин, и... нет, я не пыталась врезаться в дерево.

Тело дрожит, боль пронизывает горло.

Я просто отпустила руль.

О, Боже.

Я жадно и как можно чаще дышу, плачу, поскуливая. Что, черт возьми, со мной случилось?

Спотыкаюсь, когда отец толкает меня спиной в стену рядом с раковиной. Не успеваю выпрямиться, как его ладонь с оглушительным шлепком ударяет меня по щеке. Я морщусь от жгущего ощущения, разлившегося по коже.

– Перестань! – гневно ору, несмотря на стоящие в глазах слезы.

Папа хватает меня за плечи, снова прижимает к стене. Я вскрикиваю.

– Заставь меня, – бросает он с вызовом.

Мои кулаки врезаются ему в грудь, и я, приложив все свои силы, отталкиваю его.

– Хватит!

Сделав шаг назад, чтобы удержать равновесие, папа опять возвращается, обхватывает руками мою голову.

– Думаешь, я не чувствовал себя опустошенным, когда мать забрала тебя? – спрашивает он с горестным взглядом. – Проклятье, я каждую стену в доме проломил кулаками, Фэллон. Но я стерпел. Потому что именно это мы и делаем. Мы терпеливо глотаем глыбы дерьма, которыми нас потчует жизнь, пока не выстроим внутри себя такую прочную стену, какую ничем не пробьешь. – Папин голос, прерываемый поверхностными вздохами, звучит тише, увереннее. – На это я рассчитывал. Я позволил ей забрать тебя, потому что знал – эта шалава сделает тебя сильнее.

Сжимаю зубы, пытаюсь остановить слезы, смотрю на него. Я люблю своего отца, но не могу любить его за то, что он позволил матери увезти меня. Полагаю, папа думает, будто таким образом он пытался спрятать меня от своих врагов. Сделала ли меня сильнее жизнь с матерью? Нет, конечно. Только взгляните, какая я сейчас: сломленная, лью слезы. Я не сильная.

– Нельзя сдаваться. Нельзя отступать! – орет папа. – У тебя будет другая любовь, другие дети, – яростно рычит он, тряся мою голову и глядя на меня пристально. – А теперь. Глотай. Боль! Глотай!

От его крика у меня внутри все рушится, и я прекращаю плакать, уставившись на него широко распахнутыми глазами.

Папа держит крепко, заставляя сохранять наш зрительный контакт. Я сосредотачиваюсь, ищу точку опоры. Хоть что-нибудь. Концентрируюсь на самой маленькой детали, какую нахожу – центре его черных зрачков.

Я не моргаю. Не шевелюсь.

Папин зрачок такой темный. Я пытаюсь представить, будто несусь через пространство на сверхсветовой скорости. В моем мире не остается никого, кроме него. Золотое кольцо, окружающее черноту, едва ли не мерцает. Интересно, почему мои зеленые глаза не унаследовали такую же особенность? Желтые вкрапления похожи на молнии, а зеленая кайма на границе с белками напоминает покрытую рябью воду.

Не успеваю опомниться, как начинаю дышать синхронно с отцом. Он задает ритм, которому я следую.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Лицо Мэдока всплывает в памяти. Я крепче сжимаю челюсти. Воспоминания о моей прерванной беременности врезаются в его образ. Мои зубы скрипят. Слышу голос матери. Язык пересыхает. Сглатываю огромный ком, застрявший в гортани, вместе с воспоминаниями обо всем, обо всех, и чувствую, как разум проясняется.

Прошное до сих пор внутри меня. Словно тяжелый груз.

Однако теперь оно утихло, похороненное в глубине живота.

Папа отпускает мою голову, проводит большим пальцем по щеке, берет за подбородок.

– Ну, кто ты? – настойчиво спрашивает он.

– Фэллон Пирс.

– Где ты родилась?

Мой голос звучит спокойно.

– Бостон, Массачусетс.

Отец отступает на шаг, предоставляя мне больше пространства.

– И чем ты хочешь заниматься в жизни?

Наконец-то смотрю на него, шепчу:

– Я хочу конструировать вещи.

Протянув руку, он берет полотенце с полки, отдает мне. Я прижимаю его к груди, уже практически не чувствуя холода. Не чувствуя практически ничего.

Папа наклоняется, целует меня в лоб, затем смотрит в глаза.

– Что бы ни происходило на поверхности моря, это не потревожит спокойствия его глубин, – цитирует он Эндрю Харви. – Никто не может лишить тебя личности, Фэллон. Никому не давай такой силы над собой.

Я не плакала с того дня, который почему-то внезапно мне вспомнился. Бывала близка к этому, но за два года не проронила ни слезинки. Отец продержал меня дома неделю – достаточно, чтобы затянулись порезы, оставленные осколками лобового стекла, а затем отправил обратно в пансион налаживать свою жизнь.

И я наладила. Каждый должен прийти к этому осознанию самостоятельно. Жизнь продолжается, улыбки опять вернутся, время излечит одни раны и успокоит те, которые не сможет излечить.

Я подтянула успеваемость в школе, завела нескольких друзей, много смеялась.

Хотя простить не могла. Предательство ранит глубоко. Именно оно привело меня в город в июне.

Я просто не ожидала, что Мэдок будет по-прежнему оказывать на меня такое влияние.

Он хотел меня. Я это знала. Но почему? Что я сделала, чтобы заслужить его?

Мэдок был верен мне в шестнадцать. В этом я была абсолютно уверена. Я больше не могла винить его за то, что он искал развлечений, думая, будто я уехала по собственной воле.

Мне нужно рассказать ему о стольких вещах. Он имел право знать. А потом появилось чувство, что я рассказала слишком много.

Мэдоку лучше без меня. Наши отношения начались неправильно. Нам некуда было расти. Он не знал меня, не знал, чем я интересовалась. Мы ничего не обсуждали.

Получив свою долю секса, Мэдок уходил. Не говоря уже о ребенке. Если бы он узнал о беременности, то сбежал бы. Без сомнений. Мэдок не был готов к подобной ответственности. И я гадала о том, будет ли он когда-либо готов.

Включив "Far from Home" группы Five Finger Death Punch, проглотила чувство вины. Я держала путь в Шелбурн-Фоллз по требованию матери. Она прислала утром смс, сообщив, что в доме остались мои вещи. Если не вернусь за тем, что оставила там летом, все полетит в мусор.

Покачав головой, потерла свои уставшие глаза.

Черные железные ворота распахнулись со скрежетом, когда я ввела код, после чего медленно направила G8 Тэйт вперед.

Сегодня суббота, позднее утро. По октябрьскому небу были рассыпаны редкие облака. На улице стояла прохладная погода, но я не взяла с собой куртку, выбрав лишь футболку в черно-серую полоску с длинными рукавами и джинсы. Мои волосы были до сих пор распущены после вчерашнего, я их только немного спушила, после того как приняла душ утром. По какой-то причине мне хотелось, чтобы запах Мэдока остался на моих волосах, вместе с тонкими травинками, которые до сих пор находила в длинных прядях, обрамлявших щеки.

Припарковавшись у дома Карутерсов позади маминого BMW, взяла свои очки с пассажирского сиденья. Они предназначались для чтения, но я уже несколько лет носила их практически постоянно. Так я чувствовала себя в большей безопасности.

Войдя внутрь, пересекла фойе, направившись в сторону холла, ведущего к лестнице. Я была уверена, что найду Эдди на кухне.

Из-за тишины дом казался совершенно другим. Практически опустошенным, словно не был наполнен воспоминаниями, историями, семьей. Холод мраморного пола проник через подошву моих кроссовок, поднялся по голеням. И высокие потолки больше не сохраняли тепло волшебным образом.

Выглянув в патио через стеклянные двери, увидела Эдди, подметавшую площадку вокруг бассейна, который уже был накрыт в преддверии зимы. Однако посмотрев в сторону, заметила, что джакузи также была накрыта защитным чехлом. Когда я тут жила, ее продолжали использовать в течение холодных месяцев, наряду с садовой мебелью и зоной для барбекю. Папа Мэдока любил еду, приготовленную на гриле, они даже посреди января могли жарить стейки на улице.

Сейчас же дворик опустел. Пожухшие листья летали туда-сюда. Похоже, Эдди не добила особого прогресса в уборке. Да она, судя по всему, даже не пыталась.

В этих стенах не обходилось без проблем, но счастьем и смехом тут тоже было место. Теперь же все казалось безжизненным.

Я открыла раздвижные двери и прошла в патио по каменным плитам.

– Эдди?

Она не посмотрела на меня, а ее низкий, тихий голос прозвучал не так приветливо, как при нашей последней встрече:

– Фэллон.

Сняв очки, сунула их в задний карман.

– Эдди, мне очень жаль.

Эдди поджала губы.

– Разве?

Мне не пришлось пояснять ей, за что я извинилась. В этом доме ничего не ускользало от ее внимания. Я знала, что ей известно о моей вине в этой кутерьме с разводом. Что Мэдока отослали в колледж тоже по моей вине.

– Да, жаль, – уверила ее. – Я не хотела, чтобы так получилось.

И это правда. Мне хотелось самой бросить Мэдока на сей раз, уязвить Джейсона и мою мать, однако я не предполагала, что она станет столь усердно противиться разводу или что Мэдок попадет под перекрестный огонь.

По правде говоря, об Эдди я вообще не подумала.

Она выдохнула через нос и продолжила подметать с хмурым лицом.

– Эта стерва думает, что заберет дом, – буркнула Эдди. – Она заберет дом, продаст весь интерьер и оставит его стоять мертвым грузом.

Я подступила ближе.

– Не заберет.

– Да все равно не важно, наверно, – перебила она с горечью в голосе. – Джейсон предпочитает проводить время в городе или у Кэтрин, Мэдок тут тоже уже несколько месяцев не появлялся.

Я отвела взгляд. Мое лицо вспыхнуло от стыда.

Это моих рук дело.

В глазах начало щипать, поэтому я зажмурилась и сглотнула. *Я все исправлю. Должна исправить.* Мне не следовало возвращаться. У Мэдока все было хорошо. Они все были в порядке, пока не появилась я.

В этом доме когда-то кипела жизнь, гремели вечеринки, звучал смех. Сейчас он был пуст. Семья Эдди, которую она любила, о которой заботилась, практически распалась. Все отдалились друг от друга. Последние три месяца Эдди провела тут едва ли не в полном одиночестве. Из-за меня.

Я отступила, зная, что она не захочет слышать очередное извинение. Развернувшись, направилась к дверям.

– У тебя вещи остались в комнате, – сообщила Эдди, и я обернулась. – И в подвале несколько коробок.

Что? Я ничего не оставляла в подвале.

– Коробок? – переспросила растерянно.

– Коробок, – повторила она, не глядя на меня.

Коробки?

Я вернулась в кухню, но вместо того, чтобы пойти наверх и собрать вещи, которые не забрала с собой несколько месяцев назад, направилась напрямик к двери, ведущей в подвал.

Странно, что там могло находиться что-то, принадлежавшее мне. Мать выбросила все содержимое моей комнаты, к тому же я изначально мало барахла привезла, когда мы переехали сюда жить.

Я спустилась по ярко освещенной лестнице. Мои шаги были практически неслышны на ковровом покрытии.

Так же, как и сам дом, подвал был огромен. Там насчитывалось четыре комнаты. В одной обустроили дополнительную спальню, во второй располагался алкогольный арсенал мистера Карутерса, в третьей хранили праздничные украшения. Последняя представляла собой обширную открытую зону с игровым центром для видеоигр, столом для бильярда, настольным футболом, гигантской плазменной панелью и другими развлекательными гаджетами, которыми подросток вроде Мэдока мог бы насладиться в компании друзей. Еще тут стоял холодильник, заполненный различными закусками и напитками, и диваны для отдыха.

Но я с удовольствием проводила время в подвале только после того, как мистер Карутерс решил установить здесь оборудование для моего хобби.

Мою полурампу.

Он думал, что таким образом поможет нам с Мэдоком наладить контакт. Раз я ни с кем не дружила, то, находясь тут, была вынуждена пересекаться с друзьями Мэдока. Чтобы каждому из нас было с чем поиграть.

Это не сработало.

Я просто держалась подальше, когда Мэдок принимал гостей, а свои навыки оттачивала в другое время. Дело было не столько в нем, сколько в его друзьях. Джаред мне казался угрюмым, остальные – тупыми.

Осмотревшись по сторонам, заметила идеальную чистоту, царившую в помещении. Бежевый ковер, похоже, новый; дерево пахло полиролью для мебели. Свет струился из дверей, ведущих к нижнему уровню бокового патио. На желто-коричневых стенах по-прежнему висела бесчисленная атрибутика университета Нотр-Дам: флаги, знамена, фотографии в рамках, сувениры.

Целая стена была отведена под семейные фотографии, по большей

части запечатлевшие взросление Мэдока. Десяти- или одиннадцатилетний Мэдок открывает рождественские подарки. Мэдок, демонстрирующий руками какой-то дурацкий гангста-жест, и Джаред под капотом GTO.

Еще один снимок – наш совместный. Прямо по центру, над роялем. Мы тогда прохлаждались у бассейна, и Эдди захотела нас сфотографировать. Нам было лет четырнадцать или пятнадцать. Мы стояли спиной к спине, прислонившись друг к другу, скрестив руки на груди. Помню, Эдди пыталась заставить его приобнять меня за плечо по-братски, но мы отказались позировать иначе.

Изучая фото с близкого расстояния, заметила, что я смотрела в камеру немного сердито. Хотя на моих губах играла едва уловимая улыбка. Я старалась изобразить скуку, несмотря на бабочек, порхавших в животе. Мое тело начало реагировать на Мэдока, и меня это бесило.

Его же выражение лица было...

Мэдок повернул голову к камере, но склонил ее вниз. Он тоже слегка улыбался, однако явно сдерживал улыбку.

Маленький дьявол.

Обернувшись, провела рукой по старому роялю, на котором, как сказала Эдди, Мэдок до сих пор играл. По крайней мере, до отъезда в колледж.

Крышка была опущена. На ней лежали какие-то ноты. Хотя на пюпитре стояла партитура Дворжака. Мэдок всегда был равнодушен к восточно-европейским и российским композиторам. Не помню даже, когда в последний раз слышала, как он играет. Забавно. Он мог быть таким эксгибиционистом, когда это не имело значения, и, наоборот, не быть им, если требовалась откровенность.

Вдруг я зацепилась ногой за что-то. Заглянув под рояль, увидела белые картонные коробки.

Опустившись на колени, вытащила одну и заметила, что там стояло еще десять или около того.

Я замерла, когда открыла крышку. Похоже, единственной подвижной частью в моем теле осталось сердце.

О, мой Бог.

Мои вещи?

Я уставилась на коробку, полную конструкторов Лего. В ней были собраны роботы, машины с пультами управления и проводами, а на дне валялись отдельные детали.

Облизав пересохшие губы, запустила руки внутрь, достала Турбо Куад I, сделанный мной в двенадцать лет, и Трэккер, который начала незадолго

до отъезда.

Это вещи из моей комнаты!

Обезумев от радости, я улыбалась, словно идиотка, готовая рассмеяться вслух. Нырнув под рояль, достала следующие две коробки.

Открыв одну, удивленно охнула, обнаружив свои шуточные инженерные проекты. Во второй тоже лежали Лего. Пока листала бумаги, нахлынули воспоминания о временах, когда я сидела в своей комнате с альбомом для зарисовок и проектировала футуристические небоскребы и корабли.

В пальцах защекотало, из груди вырвался надломленный смех. Я засмеялась так, как не смеялась уже очень давно.

Мне не верилось! Это мои вещи!

Чересчур поспешив, опять полезла под рояль и стукнулась головой о край в процессе.

– Ай, – проворчала, потирая лоб, а затем вытащила очередную коробку, на сей раз гораздо медленнее.

Я просмотрела каждую коробку, найдя все, чего мне не доставало, и даже те вещи, о которых забыла. Скейтборды, постеры, бижутерию, книги... практически все содержимое моей спальни, за исключением одежды.

Усевшись на пол по-индийски, окинула взглядом окружавшие меня предметы. Я чувствовала странное разобщение с девушкой, которой когда-то была, но в то же время радовалась тому, что вновь ее обрела. Эти вещи являлись символом того периода, когда я перестала слушать других и стала прислушиваться к себе. Когда перестала быть такой, какой меня хотела видеть она, и просто стала собой.

Эти коробки олицетворяли Фэллон Пирс, и они не были утеряны. Я закрыла глаза, сжав в руках плюшевого калана, подаренного папой после посещения океанариума, когда мне было семь.

– Мэдок.

Мои глаза распахнулись. Я увидела Эдди у подножья лестницы.

Скрестив руки на груди, она тяжело вздохнула.

– Мэдок? – переспросила я. – Это он сделал?

– Он ненадолго слетел с катушек после твоего отъезда. – Эдди оттолкнулась от стены и подошла ко мне. – Воровал у отца выпивку. Вечеринки, девушки... Он на стены лез несколько месяцев.

– Почему? – прошептала я.

Поглядев на меня, она улыbnулась одним уголком рта, словно признавая поражение.

– Джейсон уж точно просто создан для своей работы. Мэдок и его друг Джаред на ушах стояли все лето после девятого класса. Однажды ночью он зашел в твою комнату и увидел, что твоя мать опустошила ее, чтобы сменить декор. Только она ничего не упаковала. Все выбросила.

Да, я об этом знала. Однако боль почему-то не растеклась по груди. Если она все выбросила, значит... Опустив взгляд, закрыла глаза, снова ощутив обжигающий эффект подступивших слез.

Нет. Пожалуйста, нет.

– Мэдок вышел на улицу, достал каждую мелочь из мусора. – Тихий голос Эдди обволок меня; в груди все содрогнулось. – Он разложил вещи по коробкам, сохранил их для тебя.

Подбородок задрожал, я покачала головой. *Нет, нет, нет...*

– Именно это делает Мэдока хорошим парнем, Фэллон. Он подбирает осколки.

Мое самообладание рухнуло.

Слезы пролились из глаз. Я судорожно вздохнула, когда мое тело затряслось. Я не могла открыть глаза. Боль была невыносима.

Согнувшись пополам, стиснула в объятиях калана и опустила голову, рыдая.

Печаль и отчаяние вырвались на поверхность. Я хотела забрать обратно все, что наговорила ему. Каждый раз, когда сомневалась в нем. Все, что сделала ему.

Мэдок меня видел.

Мэдок меня помнил.

Шесть часов спустя я сидела в спальне Тэйт, закинув ноги на подлокотник кресла, стоявшего около балконных дверей, и смотрела на дерево, росшее во дворе. Листья, окрашенные во всевозможные осенние цвета, колыхались на ветру, ветви сантиметр за сантиметром погружались в сумрак, пока дневной свет медленно таял с закатом.

Я практически не разговаривала, вернувшись сюда, а Тэйт, будучи хорошим другом, не стала допытываться. Знаю, она беспокоилась, потому что избегала обсуждать Мэдока настолько явно, что он вполне бы мог стоять посреди комнаты собственной персоной. Интересно, разозлился ли Мэдок после того, как я сбежала сегодня утром?

Я потерла глаза рукой. Никак не получалось отбросить мысли о нем.

Более того? Я не хотела их отбрасывать.

– Тэйт? – окликнула я.

Она выглянула из-за дверцы своего шкафа, надевая черную толстовку.

– Если бы ты... предала Джареда, – произнесла я, запинаясь. – Не изменила, но утратила его доверие по какой-то причине. Что бы ты сделала, чтобы его вернуть?

Тэйт сжала губы в тонкую линию, размышляя.

– С Джаредом? Я бы пришла к нему голой. – Она кивнула.

Я фыркнула со смеху и покачала головой. На большее меня не хватило.

– Или просто пришла, – продолжила Тэйт. – Или поговорила с ним, или коснулась. Черт, да я бы могла только посмотреть на него. – Она пожала плечами, одернув свою толстовку.

Я сомневалась, что обладала такого рода властью над Мэдоком. Если Джаред предпочитал плоть, то Мэдок любил пудрить мозги.

Тэйт присела на край кровати, обуваясь в черные кеды.

– Извини. Знаю, что я не лучший помощник в подобном вопросе, но Джаред оказывает на меня такое же сильное влияние, как и я на него. Мы многое пережили. На свете осталось мало проступков, за которые бы мы друг друга не простили.

Половина из того, что она сказала, верна для нас с Мэдоком, однако я не заслужила его прощение. Что мне делать, черт возьми?

– Хотя, в случае с Мэдоком? – Тэйт улыбнулась, прекрасно зная, к чему я клонила. – Он ценит озорство. Возможно, придется пустить в ход сексуальную смс-переписку.

Не сдержавшись, я засмеялась.

– Сексуальную переписку? Ты серьезно?

– Эй, ты сама спросила.

Мда, спросила. И она, скорее всего, права. Такое Мэдока наверняка заинтересует.

Но секс по телефону? Ага, этому не бывать. Абсолютно не по моей части.

Я подняла взгляд, осознав, что Тэйт по-прежнему смотрела на меня. Не дождавшись ответа, она приподняла брови и глубоко вздохнула.

– Ладно, хорошо... мой папа уже уехал в аэропорт. Просто напоминаю тебе, чтобы...

– Да, Тэйт. Я не буду заниматься сексом по телефону сегодня вечером. Спасибо!

Она подняла руки вверх, утихомиривая меня.

– Я просто предупредила.

Я кивком указала на дверь, намекая, что ей пора.

– Повеселись хорошенько, и удачи тебе в гонке.

– Ты уверена, что не хочешь пойти?

Я улыбнулась одним уголком рта.

– Нет, сейчас мне нужно подумать. Не беспокойся обо мне. Ступай.

– Ладно. – Сдавшись, Тэйт поднялась. – Джекс устраивает вечеринку по соседству после гонки, можешь заглянуть, если захочешь.

Кивнув, подхватила с колен свой Киндл и притворилась, будто начала читать, когда она ушла. Я тарабанила пальцами по бедру, словно играла на пианино, понимая, что вечером мне будет не до чтения, судя по всему.

Мне не хотелось читать. Я хотела сделать что-нибудь. Маленький снежный ком снова и снова переворачивался у меня в животе, превращаясь в нечто большее, чем дольше я сидела.

Секси-переписка.

Мэдок заслужил что-нибудь получше.

Хорошо, он заслужил это и что-нибудь получше.

Одно "Извини" казалось пустым. Я должна сказать больше, поведать больше, но не знала, как начать. Как рассказать человеку, что ты сторонилась его, толком не попрощавшись, в тайне перенесла аборт, затем в состоянии посттравматического стресса пыталась навредить себе, а теперь еще и была ответственна за то, что он лишился дома? Что тут скажешь?

Что не даст ему сбежать от ходячей катастрофы вроде меня?

Я достала телефон, застрявший между спинкой и сиденьем кресла. Силой сдерживая дрожь в пальцах, начала печатать.

'Я не знаю, что сказать.'

Нажав клавишу "Отправить", моментально зажмурилась и испустила жалкий вздох. *Не знаю, что сказать?* Серьезно, Фэллон?

Ну, по крайней мере, я сказала хоть что-то. Даже если вышло по-идиотски. Сочтем это за разминку.

Прошло пять минут, десять. Ничего. Может, он принимал душ. Может, оставил телефон в другой комнате. Может, Мэдок уже спал. С кем-то. С Эштин, наверно.

У меня желудок свело.

Прошел час. По-прежнему ничего.

Я ни строчки в книге не прочла. Небо уже почернело. Из соседнего дома не доносился шум. Должно быть, народ до сих пор оставался на гонках. Или Тэйт сказала, что они сначала заедут куда-то перекусить?

Отшвырнув Киндл, встала с кресла, начала наматывать круги по комнате.

Прошло еще двадцать минут.

Сглотнув ком в горле, схватила телефон.

Великолепно. Я опять писала ему сообщение, не получив ответа на первое. Подобно озабоченным, навязчивым девушкам, которые чертовски пугали мужчин.

'Пожалуйста, Мэдок. Скажи что-нибудь...'

Прислонившись к стене с сотовым в руке, стала дергать ногой вверх-вниз. Еще двадцать минут, и снова ничего. Накрыв лицо ладонями, принялась делать глубокие вдохи.

Проглоти.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Когда опустила руки, глаза наполнились слезами от усталости.

Он не хотел слушать.

Мэдок сдался.

Я набрала последнее смс перед тем, как лечь в постель.

'Я дрянь.'

Мой подбородок затрясся, однако я спокойно положила телефон на тумбочку и выключила светильник.

Забравшись под одеяло, посмотрела в сторону балкона и увидела, как лунный свет струился на клен. Я знала, что это дерево вдохновило татуировку Джареда, вот только Тэйт никогда не делилась подробностями их истории. Сказала, что она длинная и непростая, но их собственная.

Я была согласна с ней. Существовали детали, которые я бы не доверила никому, кроме Мэдока.

Сердце пропустило удар, когда раздался сигнал моего телефона. Я подскочила с кровати и схватила трубку.

Облегченно хохотнув, утерла слезу со щеки.

'Я слушаю.'

Каждая часть моего тела затрепетала, поэтому я написала первое, что пришло мне на ум.

'Я скучаю по тебе.'

'Почему?' – ответил он.

Внезапно во рту стало суше, чем в пустыне.

Полагаю, Мэдок не позволит мне легко отделаться.

Пальцы буквально летали по клавиатуре. Сбивчиво или поэтично – не важно. *Просто говори ему правду.*

'Я скучаю по ненависти к тебе. Она ощущалась приятней, чем любовь к кому бы то ни было.'

Это правда. Мать, папа, немногочисленные друзья – никто не заставлял меня чувствовать себя живой так, как он.

Прошла пара минут, но Мэдок не ответил. Может, он не понял, что я имела в виду. А может, всего-навсего пытался подобрать нужные слова.

'Я ненормальная.'

Продолжай, Фэллон.

Я вспомнила все, что Мэдок сказал мне перед зеркалом той ночью, поэтому открыла ему свое сердце.

'Я скучаю по тому, как ты смотрел на меня сверху вниз. Скучаю по твоим губам по утрам.'

Он наконец-то ответил, поощряя меня: ***'Я слушаю.'***

Стараясь сдержать улыбку, прикусила нижнюю губу. Может, Тэйт была права насчет эротической переписки в конечном итоге.

'Я скучаю по твоей жажде. Скучаю по твоим прикосновениям. Они настоящие. И я хочу, чтобы ты оказался здесь.'

Ему потребовалось всего десять секунд на ответ.

'Что бы я сделал с тобой, если бы был рядом сейчас?'

С неистовым потоком крови по телу мгновенно разлилось тепло. Боже, я хотела, чтобы он был здесь!

'Ничего. Важно то, что я бы сделала с тобой...'

Подогнув колени, положила телефон на бедра и прикрыла ладонями свое лицо, пылавшее от радости и стыда. Уверена, мои щеки залились пунцовой краской.

Когда вновь раздался звуковой сигнал, едва не уронила сотовый дважды, пытаясь взять его в руки.

'Какого хрена?! Не останавливайся!' – написал Мэдок, и я не смогла сдержать смех.

Было приятно, и ему нравилось. *У меня получится.*

Я стала дразнить его: ***'Мне хочется, чтобы ты лежал в моей кровати обнаженный. Хочется забраться под простыни с головой, коснуться тебя своим языком, ощутить твой вкус.'***

'Что на тебе будет надето?' – спросил он.

Мэдоку нравилось, когда я носила пижамы. Он сказал об этом однажды. Я одолжила у Тэйта приталенную бейсбольную футболку и шорты. Не шикарное нижнее белье, конечно, однако Мэдок в любом случае не смог бы держать руки при себе.

'Можешь собственными глазами увидеть, если хочешь. Я всего лишь в часе и пятидесяти восьми минутах езды от тебя.'

Его ответное смс пришло в считанные секунды.

'Я буду у тебя через пятьдесят восемь минут.'

Я громко расхохоталась в пустой комнате. Разумеется, он не побоится

рискнуть жизнью, гоня на бешеной скорости, лишь бы заняться сексом.

Покачивая головой, широко улыбнулась.

'Постараюсь не трогать себя, пока ты не приедешь.'

'Проклятье, Фэллон!'

Рухнув обратно на кровать, засмеялась. Счастье буквально из моих пор сочилось.

Мэдок

Я провел рукой по губам. На всем пути домой из колонок гремела "Headstrong" группы Trapt. Целый день думал и гадал, вернуться ли в Шелбурн-Фоллз на гонку. Гадал, потащит ли Тэйт Фэллон с собой за компанию. Сомневался, надеялся, потом сдавался.

По какой-то причине Фэллон не захотела остаться, чтобы выяснить, получится ли у нас что-нибудь, но и у моей гордости имелся предел. Может, Джаред прав – мне следовало добиваться ее упорней.

Только мне нужен был хоть малейший намек от нее, доказывающий, что оно того стоит. Когда она прислала первое смс, я не ответил. Сидел дома, смотрел бой по платному каналу с товарищами по команде и ждал.

Если Фэллон не знала, что сказать, черт, пусть тогда определяется. Я предоставил ей шанс. Когда она начала открываться, мои сомнения иссякли. Она скучала по мне, хотела, чтобы я оказался рядом. Джаред прав. Я не мог снова ее упустить. Если Фэллон попытается оттолкнуть меня или сбежать, я не отстану от нее, пока она не скажет, в чем дело. Независимо от того, состояли мы в отношениях или нет, мне нужно было знать, что за хрень с ней творилась.

А когда она стала флиртовать, я мигом подхватил ключи от машины.

Час и пять минут спустя подъехал к дому Тэйт. Улица уже была заставлена тачками гостей, собравшихся на вечеринку Джареда и Джекса. Припарковавшись у противоположной обочины, вылез из машины и заметил Фэллон, выбежавшую из двери Брандтов.

Господи.

Она была в пижамных шортах и обтягивающей бело-серой бейсбольной футболке, с маленькой сумкой, ручка которой пересекала грудь. А кроссовки без носков демонстрировали ее великолепные ноги от лодыжек до бедер.

К дьяволу красивое белье.

В пижаме а-ля хорошая девочка, с распущенными волнистыми волосами, Фэллон была единственной, кого я видел, единственной, о ком думал.

В руках щекотало от желания обнять ее. Спустившись по ступенькам, Фэллон побежала по улице мне навстречу. Я едва успел ее поймать, когда она запрыгнула на меня. Обвив ногами мою талию, а руками – шею,

Фэллон обрушила свои губы на мои, и я застонал, откинувшись назад к машине.

– Проклятье, детка, – судорожно выдохнул между поцелуями. Она целовала жестко, быстро, глубоко. Ее язык скользил по моему, дразнил верхнюю губу, затем опять погружался внутрь. Я обнял ее за талию. Фэллон отчаянно цеплялась за меня, пытаясь прижаться еще теснее с каждым поцелуем.

Огонь между нами разгорелся без промедлений. В джинсах сразу стало до боли тесно и жарко. Она схватила и натянула ворот моей темно-синей футболки, отчего тот буквально врезался в кожу.

Но мне было все равно. Мои пальцы впились в ее спину. Я наслаждался каждой секундой. Тем, как стоны Фэллон отдавались вибрацией у меня во рту, как она лгнула ко мне...

Развернувшись, прижал ее спиной к дверце и начал отвечать. Фэллон запустила руки мне в волосы, затем обхватила щеки, спустилась ниже.

Я отстранился, пытаюсь отдышаться. Наши носы соприкасались. Ее ладони проскользнули под мою футболку; по телу дрожь пробежала, когда она провела ногтями по моему животу.

Фэллон попыталась прикусить мои губы, поймав лишь воздух. Потом приподнялась, вновь обвила руками шею, начала покрывать мягкими, невесомыми поцелуями мой рот, щеку, линию челюсти.

Член уперся в ткань джинсов. Черт, мне хотелось остаться с ней наедине, чтобы оказаться внутри нее в ту же секунду.

– Мэдок, – шепот Фэллон прозвучал так, словно ей было больно.

– Шшш, – скомандовал я, снова завладев ее губами.

Но она отстранилась.

– Нет, мне нужно это сказать. – Фэллон положила ладони мне на щеки, встретившись со мной взглядом. Именно тогда я заметил, что она не надела очки.

Ее зеленые глаза, немного испуганные, искали что-то в глубине моих; лицо залилось легким румянцем. *Боже, Фэллон была прекрасна.*

– Мэдок, я тебя люблю, – прошептала она. – Я влюблена в тебя.

Крепче сжав кулаками футболку, едва не уронил ее.

Что?

Сердце гроыхало в груди, опускаясь все ниже и ниже в живот, похоже. На лбу выступил пот, колени чуть не подогнулись.

Она смотрела на меня со страхом, но определенно находилась в ясном сознании. Фэллон понимала, что говорила. Я вновь и вновь прокручивал в голове ее слова.

Мэдок, я тебя люблю. Я влюблена в тебя.

Опустив подбородок, прищурился.

– Ты серьезно? – уточнил я.

Она кивнула.

– Я всегда любила тебя. Мне так много нужно тебе рассказать.

Я крепче сжал ее в объятиях. У меня на губах появилась чертовски широченная улыбка.

– Остальное не имеет значения, – сказал ей и опять поцеловал с такой силой, что у нас обоих перехватило дыхание.

– Эй, ребята? – послышался окрик с другой стороны улицы.

Наверно, кто-то с вечеринки. Не прерывая поцелуя, показал средний палец в направлении дома Джареда.

Я услышал смех.

– Мне, конечно, очень бы хотелось понаблюдать, как вы занимаетесь сексом, и все такое, но я не горю желанием разгребать новый раунд "Распутных Подростков" в интернете!

Джсекс.

Фэллон уткнулась лицом мне в шею, обняла и засмеялась.

– О чем он говорит? – спросила она.

Ага, длинная история. Джекс – компьютерный гений, и он определенно прав. Нам пора уходить с улицы.

– О Джареде и Тэйт. – Склонившись к ней, поцеловал. Проклятье, я был чертовски возбужден. – Пошли внутрь.

– Нет. – Фэллон покачала головой, продолжая быстро меня целовать, гладить грудь и шею. – Забери меня домой. В свою кровать. Запри меня в своей комнате и не отпускай, пока я не забуду все, кроме того, как стонать твое имя.

Я прижал ее к машине и снова утонул в ее губах, ударив ладонью по дверце от досады. Боже, как же я ее хотел.

У меня за спиной раздались возгласы и гиканье, и мне стало ясно, что у нас появились зрители. Я услышал, как Джекс крикнул и засмеялся, в то время как остальные просто заорали: "Ю-ху!".

Идиоты.

– Я тебя люблю, – прошептал против губ Фэллон. – Поехали домой.

Дорога до дома была настоящей пыткой. Фэллон постоянно трогала меня, покусывала ухо, поглаживала ладонью вверх-вниз по бедрам... Я стал тверже стали, был готов остановиться и отыметь ее на обочине.

– Извини, – прошептала она мне на ухо. – Это слишком?

– Черт, нет. – Я рывком переключился на шестую передачу, въехав в ворота Севен Хиллз. – Мне нравится твой новый настрой. Но ты меня убиваешь сейчас.

Горячее дыхание Фэллон обдало мою кожу, когда она выдохнула. Я закрыл глаза, сжал челюсти. Меня надолго не хватит.

– Мэдок, заberi меня в постель, – взмолилась она.

Застонав, подбавил газу и резко затормозил перед домом. Фэллон выскочила из машины быстрее меня. Обогнув капот, схватил ее за руку и потащил к входной двери.

Отперев замок, бегом рванул вместе с ней через фойе к лестнице.

– Мэдок? – из-за угла слышался голос Эдди. – Фэллон?

– Привет, Эдди! – прокричали мы хором, не останавливаясь и переступая через две ступеньки.

Услышав донесшееся снизу жалобное "Ох, Боже", засмеялся. *Бедная Эдди.*

Фэллон добралась до спальни первой, распахнула дверь с такой силой, что стена задрожала, когда в нее врезалась дверная ручка. Я медленно пересек порог. Как только Фэллон развернулась лицом ко мне, мой взгляд сосредоточился на ее глазах. Делая нерешительные, легкие шажки, словно в замедленной съемке, она прошла в комнату спиной вперед, на ходу снимая кроссовки, и бросила сумку на пол.

Не разрывая нашего зрительного контакта, закрыл и запер за собой дверь.

– Я хочу заключить сделку, – заявил с вызовом, неспешно приближаясь к ней.

Ее взгляд буквально обжигал меня.

– И каковы условия? – спросила Фэллон, сняв футболку, которую затем отбросила в сторону.

Мне в глаза бросилась татуировка на ее торсе в виде символа Валькнут. Она была небольшая, и мне не выдавалось шанса ее рассмотреть. Не забыть бы поинтересоваться у Фэллон, что эта тату значит.

– Если ты, – произнес я угрожающе, – хоть раз покинешь постель без моего разрешения в следующие двенадцать часов, то сделаешь татуировку с моим именем... – Я улыбнулся.

Она демонстративно вздернула бровь.

– На своей заднице, – закончил я.

В уголках ее губ заиграла ухмылка. Я продолжил медленно приближаться, любуясь ее гладкой кожей и белым кружевным лифчиком.

– Договорились? – Ухватив ворот, стянул с себя футболку.

Запустив пальцы под пояс своих шорт, Фэллон потянула вниз, позволив им соскользнуть с ее задницы и упасть на пол.

– Я больше не уйду не попрощавшись. Я вообще никуда не уйду, Мэдок, – пообещала она.

– Мы договорились? – повторил я требовательно.

– Да.

Подойдя к ней вплотную, напрягся, когда Фэллон провела пальцами по моему животу. Она расстегнула мой ремень, вытащила его из петель. Разувшись, я завел руку ей за спину, чтобы расстегнуть застежку лифчика. Мой рот слегка приоткрылся, после того как я снял с нее лифчик, обнажив полные груди с затвердевшими темными сосками.

Однако, когда Фэллон взялась за молнию моих джинсов, я перехватил ее запястья.

– Пока рано, – прошептал и прикусил ее нижнюю губу, ощутив вкус ванили, тепла... дома. Я даже представить не мог, что буду желать что-либо, помимо нее.

Она застонала, когда я провел зубами по ее губе. Затем отпустил ее; продев пальцы под резинку трусиков, стянул их вниз.

Я чувствовал себя ребенком в День Независимости. Фейерверки срабатывали повсюду.

Оставив ее полностью обнаженной, отошел к расположенному в углу креслу и сел.

Глаза Фэллон округлились. Она осмотрелась по сторонам.

– Эмм, что ты делаешь?

– Присядь на кровать.

Простояв на месте и глядя на меня еще секунд десять, Фэллон наконец-то опустилась на кровать поверх темно-синего покрывала, после чего забралась на середину. Подогнув ноги, она обняла свои колени, дразня меня лукавым взглядом. Изо всех сил стараясь казаться невинной.

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Ее локоны спадали по спине, подчеркивая изгиб талии, мышцы стройных бедер были напряжены... Фэллон многое прятала под своей пацанской одеждой. Я – самый удачливый парень в мире, потому что кроме меня никто не видел ее такой.

Уголок ее рта дерзко приподнялся.

– И что теперь?

Я склонился вперед, оперся локтями на колени.

– Когда ты в последний раз становилась на доску?

Моргнув, она шатко засмеялась:

– Ты спрашиваешь об этом сейчас?

Фэллон права. Мой вопрос, словно опрокинутое на нас ведро ледяной воды, портил настроение.

Но я все равно стал ждать ответа.

– Ну, – сказала она с неуверенным выражением на лице. – Думаю, года два назад.

– Почему?

Фэллон пожала плечами, скорее не желая отвечать, чем сомневаясь.

– Не знаю.

Я поднялся, приблизился к ней на несколько шагов.

– Потеряла интерес?

– Нет.

– Тогда почему? – Остановившись, скрестил руки на груди.

Фэллон любила скейтбординг. Раньше она, надев наушники, часами пропадала в парке Ирокез Мендоза, одна или с друзьями.

Облизав губы, Фэллон тихо произнесла:

– Поначалу, наверно, я просто не хотела ничем наслаждаться. Не хотела улыбаться.

Похоже на вину. Но с чего ей чувствовать себя виноватой?

– Ты злилась на меня? – спросил я. – За то, что не искал тебя?

Она кивнула, ответив так же тихо:

– Да.

– Но уже не злишься?

В то время я думал, что она хотела уехать. У меня и мысли не возникло отправиться вслед за ней, ведь я был уверен, что она сбежала именно от меня.

Фэллон встретила со мной взглядом.

– Нет, я ни в чем тебя не виню. Мы были юны. – Она отвела глаза и добавила, словно ее посетила запоздалая мысль: – Слишком юны.

Полагаю, Фэллон права. Порой я осознавал – то, что мы делали – неправильно, но я был поглощен ею. Меня ничто не заботило. А после... она взяла паузу, чтобы повзрослеть, в то время как я сломя голову ринулся вперед. Я переспал не с таким уж огромным количеством девушек, как хвастался, несмотря на безграничные возможности, однако уж точно не мог сказать, что берег себя для нее.

Сделав еще шаг, остановился у изножья кровати.

– Почему ты не попыталась вернуться домой?

– Я возвращалась.

Фэллон

Значит, Мэдок хотел поговорить.

Что-то новенькое.

Я не могла встать с кровати без его разрешения, была обнажена и уязвима, пока он вел свое интервью.

Вздыхнула, понимая, что обязана дать ответы хотя бы на эти вопросы. И на многие другие.

– Через несколько месяцев я тайком вернулась обратно, – добавила я. – Ты устроил вечеринку... и был с другой.

Пусть я переборола ненависть к нему за тот случай, однако забыть чувство предательства было невозможно. Мэдок сидел на бортике джакузи, опустив ноги в воду, а какая-то девушка делала ему минет. Он откинулся назад, запрокинув голову, и опирался на одну руку, а вторую запустил ей в волосы. Мэдок не увидел меня через стеклянные двери, ведущие в патио.

Его отец и Эдди были дома, но, несомненно, спали. Я думала, что отлично все спланировала, приехав так поздно. Он бы был у себя в спальне. Я бы незаметно пробралась в дом. Мы бы поговорили.

Я не могла выбрать более неудачный момент. Или более удачный.

После этого я выбежала из дома, подальше от того, для любви к которому была еще слишком незрела.

Мэдок отвел взгляд, полный боли.

– Ты не должна была беречь себя для меня. Я этого не заслужил.

– Я делала это не ради тебя, – прошептала. – Я берегла себя для себя. Отчасти потому, что не хотела никого другого, однако, по правде говоря, я просто не хотела никого. Даже тебя. У меня такая каша в голове творилась. Мне нужно было повзрослеть.

Перестав приближаться, он замер. Мне хотелось сказать ему, что прошлое уже не имело значения. Я пережила, но у меня было полно времени, чтобы свыкнуться с этим. Мэдок же до сих пор приспосабливался.

Улегшись на кровать, заметила, как он перевел взгляд обратно на меня, когда я перевернулась на живот и посмотрела на него, оглянувшись через плечо.

– К черту прошлое. Помнишь? – сказала серьезным тоном. Может, моя поза вновь привлекла его внимание ко мне, только я, несмотря на

понимание его опасений, хотела намекнуть, что беседа окончена.

Взгляд Мэдока смягчился. Обойдя вокруг кровати, он склонился надо мной, опершись на руки.

Он был так близко. Я вздрогнула, ощутив, как поток жара хлынул из груди вниз.

Пожалуйста, дотронься до меня, Мэдок.

Озорно улыбнувшись, прикрыла веки, стараясь выглядеть соблазнительно. Скрестила лодыжки и начала раскачивать ногами вперед-назад.

Он окинул мое тело взглядом, отчего возникло ощущение, будто меня накрыли теплым одеялом. Протянув руку, Мэдок провел подушечками пальцев по моей спине. Я блаженно зажмурилась.

– Как учеба? – спросил он, чем заставил меня вновь распахнуть глаза.

– Мэдок! Ради всего святого! – выкрикнула я.

Никогда не любила расспросы, и сейчас не время для них!

Неодобрительно приподняв бровь, он предупредил:

– Следи за норовом, Фэллон.

Закипая от ярости, стиснула зубы.

Однако моя злость рассеялась от шока, когда Мэдок схватил меня за бедра, притянул к краю кровати и перевернул на спину.

– Мэдок!

Разведя мои ноги, он продел руки мне под колени и дернул ближе к себе.

Сердце колотилось в груди отбойным молотком; на шее выступил пот.

Какого черта? Что за обращение?

– Учеба, – настойчиво повторил Мэдок, словно предостерегая.

– Все... все... хорошо, – ответила я, запинаясь. – Механическую инженерию изучаю. Ты?

Я не засмеялась, потому что злилась, но это должно было прозвучать забавно, полагаю.

Он провел пальцами у меня между ног, массируя вход во влагалище.

– Введение в право, – ответил Мэдок легким, беспечным тоном. – Сюрприз-сюрприз. – Он говорил так, будто вел деловую беседу.

– Ага, – выдохнула я, с трудом пытаюсь сообразить, на чем должна сосредоточиться: на вопросах или на ощущениях от действий его настырных пальцев. – Введение в право? И как тебе? – поинтересовалась.

– Мне нравится, вообще-то. – Мэдок не смотрел мне в глаза. Он наблюдал за тем, что делал со мной своей рукой. – Думаю, я преуспею на этом поприще. Ну, и что значит татуировка Валькнут?

Мэдок ввел палец внутрь, отчего у меня в животе словно фейерверк начался.

– Эмм... что? – судорожно выдохнула.

О чем он спросил?

Его палец... или даже пальцы (я думала, он использовал всего один, но почувствовала себя наполненной до предела)... погрузился в меня на всю длину, до основания. Затем Мэдок начал поглаживать, выводя маленькие круги.

Черт, святые небеса. Я закатила глаза.

– Символ Валькнут, Фэллон, – напомнил он.

– Могу я в другой раз рассказать? – процедила сквозь зубы

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, ну пожалуйста?!

Едва уловимая хитрая улыбка появилась на его губах, пока Мэдок следил за движениями своих пальцев внутри меня. *Сранный триумфатор.*

– Еще один вопрос. – Он посмотрел мне в глаза. – Ты мне доверишь, Фэллон?

Я замерла, точно зная ответ.

– Ты единственный, кому я доверяю.

Он по-прежнему поддерживал мои ноги. Я приподнялась и прошептала, глядя прямо на него:

– И я заставлю тебя доверять мне.

Завтра утром Мэдок проснется рядом со мной.

Он взял меня за руки, помог подняться. Я встала на ноги, обняла его, прижала к себе. Его гладковыбритая щека коснулась моей груди, когда Мэдок опустил голову, покрывая поцелуями мою ключицу, спускаясь ниже.

Запустила пальцы в его короткие белокурые волосы, прильнула к его губам. По телу пробежала дрожь.

Он прикусил мой сосок, после чего накрыл его ртом, стал посасывать.

– Черт, – выдохнула я, чувствуя себя абсолютно беспомощной.

Запрокинув голову, застонала. Мэдок целовал и отстранялся, покусывал и отпускал, снова и снова, до тех пор, пока у меня не появилось ощущение, будто из груди вниз пробежал электрический разряд.

Затем он переключился на вторую грудь: снова ненасытные поцелуи, покусывание.

Втянув свою нижнюю губу в рот, впилась ногтями ему в плечи, пока Мэдок пировал. Приятная пытка, но я настолько завелась, что была готова завалить его на кровать и оседлать.

Когда пальцы Мэдока вернулись к моим складкам, я дернулась, открыв глаза.

– Проклятье, ты влажная, – прорычал он напротив моей шеи.

Да, я сама это чувствовала.

Толкнув его в грудь, рухнула на матрас и медленно поползла к изголовью.

– Хватит играть, Мэдок, – бросила с вызовом, прикрыв веки. – Пора либо приступить к делу, либо завязывать с этим. Давай посмотрим, на что ты способен.

От его ясной улыбки у меня замерло сердце. Смеясь и наблюдая за мной, он обогнул кровать, на ходу расстегивая свои джинсы.

– Моя маленькая соперница. Думаешь, сможешь одержать верх в этой игре? – сделал ответный выпад Мэдок.

Я не смогла сдержать улыбку. Откинувшись назад, оперлась на руки, подогнула ноги, сомкнула колени вместе, но развела лодыжки.

Приподняла бровь, как бы говоря ему: "Докажи обратное".

Однако мое веселье недолго длилось. Он опять улыбнулся, на сей раз более зловеще.

Ох, черт!

Я едва не вскрикнула, когда Мэдок быстро обхватил руками мои лодыжки, дернул к себе, сделал секундную паузу, чтобы позлорадствовать над удивленным выражением моего лица, после чего перевернул меня на живот.

Мое дыхание участилось, стало поверхностным. Внутри все пульсировало и сжималось от контакта моей кожи с одеялом.

Я едва не задохнулась.

– Мэд...

– Молчи, – прорычал он мне на ухо. Именно тогда я поняла, что оказалась буквально зажата под стеной.

Мэдок все еще оставался в джинсах. Я чувствовала, как ткань терлась о мою задницу.

Его рука проскользнула обратно мне между ног. Я закрыла глаза, когда он начал поглаживать меня от клитора до влагалища, дразня, но не проникая внутрь. Приподнявшись на локтях, принялась двигаться навстречу его пальцам.

Матрас прогнулся, благодаря чему стало ясно, что Мэдок опустил на колено, склонившись надо мной. Его горячий, влажный язык щекотно скользнул по моей спине, вызвав дрожь.

Когда он укусил меня за бок, я сжала одеяло в кулаках.

– Мэдок. – Однако он не остановился. Вновь и вновь Мэдок покусывал и целовал мою спину. У меня возникло впечатление, будто я – стеклянный

сосуд, разбившийся на осколки. С каждым поцелуем трепет распространялся по всему телу.

– Опять хочешь бросить мне вызов? – Он прижался к моей заднице, и я почувствовала его эрекцию.

– Мэдок, черт бы тебя побрал! – Я надеялась, что восклицание прозвучит грозно, но в результате получился какой-то жалобный всхлип, полный отчаяния. – Я сейчас об эту чертову кровать тереться начну! Пожалуйста!

Оглянувшись через плечо, с наслаждением окинула взглядом чертовски сексуальную гладкую грудь, рельефный пресс, который мне хотелось лизнуть.

– Ты мне нужен, – прошептала беззвучно.

Должно быть, Мэдок заметил мольбу у меня в глазах, потому что он потянулся к ящику прикроватный тумбочки и достал презерватив. Разорвал упаковку зубами, стянул с себя джинсы и боксеры, откинул их в сторону. Я сохраняла зрительный контакт, пока он надевал презерватив. Сохраняла зрительный контакт, когда он опустился на колени и навис надо мной.

Однако потеряла его, когда Мэдок приподнял и расположил мое бедро так, чтобы внутренняя поверхность соприкасалась с кроватью, после чего пристроился у меня между ног.

Опершись руками на матрас по сторонам от моих плеч, он склонился ко мне, затем, положив ладонь на подбородок, заставил поднять голову и встретиться с его губами.

Ох. Завладев моим ртом, Мэдок одним плавным движением быстро вошел в меня.

Я застонала, не отрываясь от его губ.

– Я люблю тебя, – хрипло произнес он.

Подняв руку, накрыла ладонью заднюю поверхность его шеи и закрыла глаза, наслаждаясь каждым движением его тела против моего.

Сжав зубы, судорожно втягивала воздух, в то время как толчки стали глубже и быстрее.

Длинные мускулистые предплечья Мэдока напрягались каждый раз, когда он входил в меня. Я начала стонать от удовольствия, ведь он делал со мной то, что я не могла сделать сама с собой. Думаю, люди называют это точкой G, и у него отлично получалось ее находить. Чтобы увеличить скорость, стала двигаться ему навстречу. Чем быстрее действовал Мэдок, тем стремительнее усиливались ощущения.

Его горячее дыхание обдало мою кожу.

– Ты сегодня нетерпеливая, да?

– Извини, – простонала я, не сбавляя темпа. – Я возьму потом. Эта поза просто...

Бабочки запорхали в животе; я словно падала в бездну. Внутри все сжалось. Уронив голову на кровать, выгнула свой зад навстречу его резким толчкам.

– Ох, – застонала, чувствуя жар, и просто обезумела от желания, чтобы он двигался еще быстрее и жестче.

До тех пор, пока Мэдок не остановился.

Что?

ЧТО?

Глаза обожгло от страха и ярости, но пульсация внутри меня не ослабла.

Вот только прежде чем я успела обернуться, он схватил меня за бедра, приподнял, поставил на четвереньки и снова вошел в меня.

– О, Боже, – вскрикнула я, крепче ухватившись за простыни, шире расставив ноги, а Мэдок начал двигаться так же быстро и жестко, как и прежде.

– Эта поза еще лучше, – подметил он, обхватив меня за талию.

Этот его гребанный самодовольный тон.

И тут я пропала. Мои мышцы сократились вокруг его члена, когда оргазм опаляющей волной пронесся по телу, из-за чего сердце подскочило к гортани.

Я уткнулась лбом в кровать, только Мэдок не остановился и не ослабил ритм, даже после того, как я кончила.

От этого я тоже едва рассудка не лишилась.

Было так приятно чувствовать его после оргазма. Он сжал мою талию, двигаясь все быстрее и быстрее. *Проклятье, мне нравилась его сила.*

Мэдок гортанно застонал, тяжело дыша, сделал еще пару глубоких толчков, пока не кончил, и только потом начал замедляться.

Рухнув на кровать, он наконец-то отпустил меня.

Я прижалась щекой к матрасу; мои влажные от пота волосы прилипли к лицу. А может, это его волосы прилипли к моему влажному от пота лицу.

Какая разница.

Фэллон

Я часто задаюсь вопросом: кажется ли прошлое более привлекательным, потому что люди ненавидят настоящее или потому что тогда действительно было лучше? Выражения вроде "старые добрые времена" намекают на то, что раньше жилось куда роскошней, чем сейчас, однако, как по мне, все выглядит заманчивее в ретроспективе. В конце концов, нам же не выпадет шанс вернуться назад и прожить те моменты заново с нынешними знаниями, чтобы проверить теорию.

А мне выпал.

Я смогла вернуться домой. В место, которое ненавидела. К жизни, которую не хотела. К мальчику, которого презирала.

Даже с учетом вышеперечисленного, я все равно скучала по Мэдоку. Никогда не переставала желать и любить его.

Я была одержима идеей, как бы причинить ему боль, хотя нужда в нем по-прежнему болезненно тлела внизу живота. Даже не сомневалась, что по возвращении меня посетит озарение в духе: "С чего я вообще взяла, будто любила его?" или "О чем я вообще думала, черт возьми?".

Но нет. В данном случае я с нежностью вспоминала время, проведенное вместе с ним, не по собственной прихоти. Я вспоминала его с нежностью, потому что нам действительно было очень хорошо.

Я вспомнила правду. Не разбавленную, подслащенную версию, созданную моим разумом после того, как боль притупилась со временем.

Нам было по-настоящему хорошо.

– Мэдок, – пригрозила игриво.

Он тихо хохотнул мне в ухо и сказал, прижав меня к себе:

– Ты такая теплая. И до сих пор влажная.

Перекинув руку через мою талию, он поглаживал меня между ног.

Вчера мы уснули после очередного, правда, более спокойного и нежного раунда занятий любовью, и я чувствовала жуткую усталость. Накануне ночью я едва сомкнула глаза, проделала долгий путь обратно в Шелбурн-Фоллз, обнаружила коробки в подвале, потом вернулась сюда, поэтому теперь нуждалась в отдыхе и еде.

Однако вопреки всему улыбнулась, прекрасно понимая, почему Мэдок проснулся так рано.

Он, вероятно, был начеку, даже если не осознавал этого. Его

подсознание наверняка ожидало, что я сбегу, пока он будет спать.

– Ты мне снился. – Я зевнула, после чего уткнулась носом в подушку. Белье пахло его одеколоном. Мне хотелось накинуть простынь поверх своей головы и просто раствориться в запахе Мэдока.

Его пальцы начали творить чудеса, лаская меня, и я почувствовала трепет возбуждения.

– Расскажи мне про свой сон, – попросил он.

Ммммм... у меня возникла идея получше. Да, пусть мне казалось, будто моя голова превратилась в воздушный шарик, пусть я с трудом открывала глаза, но кому какая разница?

Протянув руку к тумбочке, взяла один из презервативов, которые Мэдок оставил там после вчерашнего. Мне следовало догадаться, что он строил планы на середину ночи.

Перевернувшись, заставила его лечь на спину, затем оседлала сверху.

Облизала свои губы, провела пальцем по его щеке.

– Думаю, я лучше покажу.

– О, Боже. Ты запомнил. – Сев в кровати, я прикрыла рот ладонями, нечаянно позволив простыни соскользнуть до уровня талии. Натянув ее обратно, посмотрела на коробку пончиков "Krispy Kreme", словно на сокровище. В животе мгновенно заурчало.

Мэдок плюхнулся на бок рядом со мной и открыл коробку, которую поставил между нами.

– Не совсем, – признался он. – Эдди по-прежнему покупает их каждое воскресенье. Она берет наш обычный ассортимент. С лимонной начинкой для тебя, с шоколадной глазурью для меня и с сахарной глазурью для моего папы.

А для моей мамы ничего, насколько я помнила. Она бы ни за что не стала есть пончики.

Взяв свой любимый, Мэдок откусил кусок. У него на губе осталась маленькая пластинка глазури, которая покачивалась, пока он жевал. По какой-то причине мое сердце чуть не взорвалось.

Резко наклонившись, поймала его губы своими, застав врасплох. С трудом сдержала смех, когда Мэдок дернулся от удивления. Слизав глазурь, поверить не могла, насколько проголодалась. Он потребовал пообещать, что я не встану с кровати без его разрешения в течение следующих двенадцати часов, зато теперь, похоже, ему придется самому от меня отбиваться.

Я хотела не еды.

Практически касаясь его губ, сказала:

– Ты мне нравишься.

Мэдок отстранился назад, подозрительно глядя на меня.

– Я думал, ты меня любишь.

– Ох, люблю. Но иногда мы любим людей, которые нам не нравятся. Знаешь? – Я достала из коробки пончик с лимонной начинкой. – Вроде родителей, братьев и сестер... но ты мне нравишься. Мне нравится быть с тобой, разговаривать.

Сощурившись, он откусил чуть ли не половину шоколадного пончика.

– Ты просто думаешь, что я классный, потому что у меня есть все сезоны Дневников вампира на DVD.

О, мой Бог!

Я расхохоталась, прикрыв рот рукой.

– Не может быть! – выпалила неверяще. – Только не говори, что ты до сих пор их смотришь?

Мэдок нахмурился и подхватил второй пончик из коробки.

– Это ты виновата, – проворчал он. – Ты смотрела их каждый четверг, и я тоже втянулся.

– Мэдок. – Я проглотила свой кусок. – Я не смотрела их уже сто лет.

– Ох, посмотри. – Он кивнул. – Дэймон и Елена? Ага. Потом эта фигня с Алариком. Хреново получилось. А потом в город пришли Древние. Они крутые. У них теперь свое собственное шоу есть.

Я снова засмеялась. Мэдок перевел взгляд на меня, насупившись.

– Я серьезно, – повторил он настойчиво.

– Вижу.

Мы провели в комнате еще час, поедая пончики и болтая, после чего Мэдок неохотно разрешил мне выбраться из постели, когда я упростила его отпустить меня в ванную.

Мне хотелось отправиться на пробежку, но я занималась сексом четыре раза за последние девять часов. Я вспотела, моя кожа липла и у меня все болело. Мне срочно требовался горячий душ.

А еще время подумать о том, что делать с мамой, и как рассказать Мэдоку про остальное. Про ребенка, про намерение моей матери отобрать его дом... Нам обоим было так хорошо сейчас. Я не хотела испортить настроение. Хотя, мне следовало бы просто выложить ему все сразу, чтобы покончить с этим. Он бы сильно разозлился на мать и, возможно, немного на меня из-за того, что утаила информацию, однако я была уверена – Мэдок примет мою сторону.

Я открыла флакончик его геля для душа и вдохнула чудесный аромат,

отчего мои гормоны впали в неистовство.

Словно по команде (думаю, Мэдок шестым чувством чуял, когда мое тело в нем нуждалось) он открыл стеклянную дверцу душевой кабинки и присоединился ко мне.

Его глаза потемнели, будто от ярости, когда он окинул меня взглядом с ног до головы.

– Черт, Фэллон, – прорычал он тихо. Притянул меня к себе, склонил голову, чтобы намочить свои волосы, затем загладил их назад.

Его рот накрыл мой, и я забыла обо всех заботах в тепле душа и безопасности его объятий.

– Хочешь фильм посмотреть? – спросила я, когда он бросил мне полотенце. Мы наконец-то покинули душ час спустя. Мне показалось, что домашний кинотеатр – это отличное место для беседы с ним. Наедине, подальше от любопытных ушей Эдди.

Мэдок обернул одно полотенце вокруг бедер, а вторым сушил волосы.

– Ну, я планировал узнать, свободен ли Лукас сегодня. Мне нужно с ним увидеться.

Я не стала ничего говорить. Он прав. Я виновата в том, что Мэдок потерял возможность встречаться с Лукасом, уехав в колледж раньше. Мы должны срочно его проведать.

– Также я надеялся, что ты сможешь задержаться здесь еще на пару дней, – продолжил он. – У меня осенние каникулы, поэтому я свободен до следующих выходных.

Тяжкий груз разочарования приковал меня к месту.

– В Северо-Западном нет осенних каникул.

Мэдок кивнул, прислонившись к стойке. Его волосы торчали в разные стороны. Он выглядел чертовски сексуально.

– Знаю. Я посмотрел в интернете утром. Но, если сможешь прогулять пару дней, ты не пожалеешь.

– Почему?

Я бы с удовольствием осталась тут, чтобы провести больше времени с ним, только мои предметы не для слабонервных. Пропусти день, и пропустишь уйму материала. А я и так прогуляла в пятницу.

– Твоя мать пытается отобрать дом. Я хотел поговорить с Джексом, посмотреть, сможет ли он помочь.

– Каким образом он может помочь? – Я подошла к нему. Мэдок снял полотенце с шеи, поймал меня в петлю и притянул к себе.

– Джекс отлично разбирается в компьютерах, – пояснил он. – Ему

удается находить в интернете вещи, до которых никто другой не доберется. Хочу проверить, сможет ли он отыскать компромат на нее.

Не отыщет. Люди моего отца уже пробовали – если не считать частое пользование услугами мужчин по вызову, жизнь моей матери состояла из шоппинга, ресторанов и светских раутов. У папы Мэдока была информация, которой он отказывался воспользоваться.

Хотя Мэдоку я об этом не сказала. Он знал о моей роли в разводе наших родителей, и мне не хотелось ему об этом напоминать.

– Джаред, ну хоть попробуй сперва!

Услышав крики в коридоре, мы с Мэдоком резко обернулись к двери.

– Женщина, ты под кайфом! – рявкнул Джаред. – Ни за что.

– Ох, какой же ты трус! Это всего лишь бальные танцы, – закричала Тэйт.

Посмотрев друг на друга округлившимися глазами, мы подбежали к двери и вместе ее распахнули.

Джаред и Тэйт только что свернули за угол, направляясь в противоположное крыло дома. В их комнату, видимо.

Обернувшись, Джаред пошел спиной вперед.

– Исключено.

Закинув руку мне на плечо, Мэдок выкрикнул:

– На что она пытается тебя подписать?

Развернувшись, Тэйт уперла руки в бока, а Джаред остановился.

– Уроки бальных танцев, – проворчал он сквозь зубы. – Понятия не имею, откуда у нее эта идея взялась.

Тэйт опустила взгляд.

– Я просто подумала, что это будет новый опыт, Джаред, – сказала она, стоя спиной к нему. – Не могу же я танцевать с Мэдоком по каждому поводу?

Я прищурилась, изучая ее. *По каждому поводу?*

И тут меня осенило.

Свадьба.

Вот о чем она думала. Только, судя по высоко вздернутой брови Джареда и смешку Мэдока, мне стало ясно – до них не дошло.

Тэйт любила Джареда. Даже я видела, что он всерьез намеревался жениться на ней когда-нибудь. Она захочет станцевать с ним на их свадьбе, разумеется. А Джаред не выносил танцы.

Может, эти навыки и не понадобятся ему в ближайшие несколько лет, но Тэйт планировала на шаг вперед. Она выглядела рассерженно, покусывая угол рта, однако гордость не давала ей сказать, чего она на

самом деле добивалась от Джареда.

– У меня есть идея, – сказала я, крепче прижав полотенце к себе, когда выглянула в коридор.

– Гонка, – предложила им. – Если она победит, то тебе придется брать уроки, пока не научишься вальсировать, словно профи. Если победишь ты, то сможешь отказаться.

Он отвернулся со скучающей миной на лице.

– Я и сейчас могу отказаться. В чем выгода для меня?

Тэйт поджала губы. Похоже, она была готова его отлупить.

– Хорошо, гад. – Тэйт повернулась лицом к своему бойфренду. – Если победишь, то я сделаю то, что ты давно хотел попробовать.

Его глаза озорно засияли. Полагаю, именно так выглядел Джаред Трент рождественским утром.

– Вы договорились? – спросил Мэдок.

Джаред медленно приблизился к Тэйт, обхватил пальцами ее подбородок.

– Следующая суббота. Я позвоню Заку и утрясу детали. – Он двинулся в сторону их комнаты, на ходу выуживая телефон из кармана.

– Что он хочет попробовать? – Я по голосу слышала, что Мэдок улыбался. – Анал? Я думал, вы уже освоили эту территорию.

Волосы Тэйт колыхнулись, когда она покачала головой.

– Не важно. Он проиграет.

Ее ответ прозвучал скорее обнадеженно, чем уверенно.

Мэдок засмеялся.

– Ага, ладно. В последний раз Джаред проиграл гонку, когда... хмм, никогда.

Он прав.

Думаю, моя идея оказалась невероятно глупой, и теперь Тэйт попала в безвыходное положение.

Мэдок

После очередной утомительной ссоры Джаред и Тэйт наконец-то отправились обратно в Чикаго. Он пытался убедить ее оставить свою машину в Шелбурн-Фоллз, раз уж они вернутся через пять дней, но Тэйт решила, что им будет лучше уехать по отдельности и не видеться всю неделю. Джаред взбесился, а она что-то пробубнила насчет того, как к следующим выходным сексуальная неудовлетворенность ослабит его обычно отточенные реакции на треке.

Я не хотел, чтобы мое время с Фэллон быстро подошло к концу, однако не мог сдержать улыбку, предвкушая возвращение на Петлю. Мне не хватало моих друзей гораздо сильнее, чем я думал.

Фэллон согласилась задержаться еще на день или два, поэтому, одевшись, она запрыгнула в мою машину. После встречи с Джеком мы с ней собирались заглянуть к Лукасу.

– Джек! – выкрикнул я, открыв незапертую входную дверь. – Ты не спишь?

Сверху слышались шаги, и вскоре он спустился по лестнице на первый этаж.

Как всегда, Джек ходил по дому без рубашки, босиком, в одних черных спортивных брюках Адидас. Его волосы были собраны в привычный хвост, но несколько прядей выбились из-под резинки, словно он только что проснулся. В углу рта у него красовался свежий синяк. Выглядел Джек чертовски уставшим, однако пребывал в хорошем настроении.

– Привет, старик. – Я поприветствовал его нашей стандартной комбинацией жестов из хлопка и удара кулаками. – Надень футболку, будь любезен?

Это наша личная шутка. Своего рода шутка. Я гораздо горячее. Без сомнений. Только все равно схватил Фэллон за руку, напоминая, что ей можно смотреть, но не трогать.

Джек начал качаться вместе со мной и Джаредом около года назад. Пусть он еще был молод и продолжал расти, только нам ни в чем не уступал. Он заботился о себе куда лучше своих сверстников. У него был пунктик на здоровье. Хоть Джек и баловался алкоголем время от времени, однако к сигаретам и наркотикам даже не притрагивался.

Вообще-то, он ненавидел наркотики. Однажды какой-то парень предложил ему травку, и Джекс дико разозлился.

Фэллон сжала мою ладонь, ухмыльнувшись ревностному требованию по поводу футболки.

Джекс скрестил руки на груди.

– Чувак, тебе повезло, что я штаны надел. Что случилось?

Я указал в сторону лестницы.

– Пойдем в твой офис.

Он развернулся, и мы двинулись следом за ним в его логово, как я в шутку прозвал эту комнату. Кэтрин, мама Джареда (и моя будущая мачеха), забрала Джекса от приемных родителей к себе, чтобы ее сын воссоединился с братом.

К несчастью, она души в нем не чаяла, поэтому жутко баловала. Джареду досталась мать, которая думала лишь о себе и пренебрегала им. Джекс же получил повзрослевшую, ставшую ответственной маму. Джареда оставили в покое, а Джекс заработал домашнюю стряпню и ярую фанатку, болевшую за него на матчах по лакроссу.

Хотя, хорошо, что так сложилось. Черт, он заслужил подобную заботу после своего ужасного детства, и Джаред был счастлив объединению своей семьи.

Джексу разрешили забрать спальню брата в связи с отъездом того в колледж. А гостевую комнату он переделал под "офис". Войдя туда, ты будто в мобильном командном центре ФБР оказывался. Там было темно, к тому же бесчисленные переключатели, компьютеры и провода, тянувшиеся по стенам, наводили легкий страх. У одной стены располагалось шесть сенсорных мониторов, по три в два ряда, чуть поодаль на штативе стоял седьмой – Джекс использовал его, чтобы контролировать остальные. На трех длинных столах были собраны малопонятные мне электронные девайсы, еще один компьютер и ноутбук.

Когда в прошлом году я спросил, зачем ему все это, Джекс просто ответил, что любит играть в видеоигры.

Ага, такое не для игр нужно. Здесь дело явно посерьезней.

Учитывая нашу с Фэллон ситуацию, я был благодарен за дружбу с Джексом. Ему под силу подделать документы, по которым меня бы экстрадировали в Судан на судебный процесс с обвинением в госизмене королю (или кто там ими правит), только Джекс был на моей стороне, так что это огромный плюс.

– Ого. – Фэллон замерла как вкопанная, едва преступив порог, отчего я врезался ей в спину.

Выровнявшись, обхватил рукой ее талию, облаченную в серую футболку, и стал ждать, пока она осмотрится.

Комната осталась такой же, как в моей памяти, однако по-прежнему было сложно привыкнуть к представленному изобилию приборов. Каждый монитор работал, на двух из них отображались бессмысленные для меня строчки кодов, на других – веб-страницы, документы, окошки IM-мессенджера. Я был вынужден моргнуть несколько раз, потому что мозг закоротило. Как Джекс умудрялся наблюдать за подобным разнообразием деятельности изо дня в день?

– Джекс... – начала Фэллон с неприкрытым беспокойством в голосе.

Он обошел помещение, отключая мониторы и не глядя на нас.

– Не задавай вопросов, Фэллон, и мне не придется тебе лгать, – сказал Джекс, словно прочитав ее мысли.

Она посмотрела на меня округлившимися глазами, после чего прошептала, растягивая звуки:

– Хорошо.

– Эй, дружище. Окажи мне услугу, – попросил я, подойдя к одному из столов, где заметил ручку и лист бумаги. – Можешь поискать информацию об одном человеке? Патриция Карутерс. – Я написал другие ее фамилии, вкуче с номером телефона. – Ее также можно найти под именами Патриция Пирс и Патриция Фэллон. Поищи приводы в полицию, выписки по кредитным картам, подозрительные знакомства, социальный календарь...

Я вручил ему лист.

– Патриция Карутерс. Это же твоя мачеха, верно? – поинтересовался Джекс, переводя взгляд с меня на Фэллон.

– Это моя мама. – Фэллон сделала шаг вперед и оглянулась на меня, прежде чем продолжила: – Джекс, извини, что втягиваем тебя, но она переходит все границы из-за развода. Нам интересно, сможешь ли ты, – она виновато пожала плечами, – нарыть что-нибудь на нее. Чтобы она отстала, понимаешь?

Его задумчивый взгляд продолжал перемещаться между Фэллон и мной, но в конечном итоге он кивнул.

– Дайте мне несколько часов.

Забрав Лукаса, перекусили в закусочной "У Шевель", а затем направились в скейтерский парк. Я рассказал ему, куда мы собираемся, когда водил в туалет (где остался караулить дверь, чтобы какой-нибудь извращенец не напугал его). Лукас никогда не катался на скейте. Еще я сказал, чтобы он держал свой рот на замке. Мне хотелось удивить Фэллон.

Если честно, я не знал, как она отреагирует, поэтому решил устроить ей ловушку.

Проще попросить прощения, чем разрешения, не так ли? Таков мой девиз.

Пока мы ехали, телефон без остановки вибрировал у меня в кармане, но я на ощупь нашел кнопку и отключил его.

Фэллон посмотрела на мои джинсы, прищурившись.

Я схватил ее за руку.

– Перестань на меня пялиться.

Она закатила глаза.

Мама и отец звонили и слали смс в течение последнего часа. И я знал, почему. Хотя Фэллон беспокоить не хотел.

Они были в курсе, что мы вместе, а я был в курсе, откуда им стало известно.

Однако я не винил Эдди. Она бы не рассказала добровольно. Один из них, должно быть, говорил с ней и спросил о моем местонахождении. Эдди не могла соврать, да и не должна была.

Мама сейчас находилась в Новом Орлеане. Я не беспокоился, что она вдруг объявится вечером.

Папа, с другой стороны, вполне мог нас удивить.

Но на данном этапе меня уже ничто не остановит. Я не оступлюсь от Фэллон.

Она поглаживала костяшки моих пальцев. Глянув в зеркало заднего вида, заметил, как Лукас качал головой, слушая айпод. Пацан так вымахал. Его волосы стали длиннее, завивались над ушами, и он подрос сантиметров на десять за четыре месяца.

Фэллон крепче сжала мою руку. Я посмотрел на нее краем глаза. Она увидела, что мы свернули к парку Ирокез Мендоза.

Ее хмурое лицо окаменело, когда колесики закрутились у нее в голове.

Сдерживая улыбку, высвободил свою кисть из ее хватки и положил ладонь ей между ног, чтобы отвлечь.

– О чем задумалась?

Фэллон обхватила мое запястье обеими руками.

– Прекрати! – произнесла она громким шепотом, бросая быстрые нервные взгляды через плечо на Лукаса.

Он до сих пор покачивал головой, смотря в окно.

Я начал поглаживать и массировать ее. По крайней мере, Фэллон на мгновение забыла о злости на меня из-за скейтерского парка.

Не сводя глаз с дороги, надавил сильнее, потом провел ладонью по

внутренней поверхности ее бедра.

Обернувшись к ней, проговорил одними губами:

– Я возьму тебя так жестко сегодня вечером. Вот увидишь.

Поджав губы, Фэллон оттолкнула мою руку.

Улыбнувшись, посмотрел вперед через лобовое стекло и резко затормозил.

– Отлично! Мы на месте! – выкрикнул, дернув ручник и заглушив мотор.

Вслед за мной Лукас сразу же выпрыгнул из машины. Мы подошли к багажнику, чтобы достать наши скейтборды. Утром я незаметно пробрался в подвал, где они были спрятаны между полурампой и стеной.

Также я обнаружил пустые коробки, ранее стоявшие под роялем, и разбросанные по полу вещи Фэллон. Она не стала об этом говорить, а я не торопился объяснять свои действия, поэтому мы избегали обсуждать то, как все ее пожитки бережно хранились в укромном месте последние два года.

– Фэллон! – крикнул я. – Кончай балду гонять, иди сюда!

Дверца распахнулась.

– Мэдок! – рявкнула она. – Он ребенок! Следи за выражениями.

Я глянул на Лукаса, саркастично вздернув бровь.

Покачивая головой, он пробормотал:

– Девчонки.

Одной рукой открыл багажник и обратился к Фэллон, выглянув из-за него:

– Давай. Выбирай свой яд.

Фэллон

Выбирать свой яд?

Я лучше позволю Лукасу стрелять мне в лицо резинками.

Захлопнув дверь, засунула руки в карманы и напряглась от прохладного порыва ветра.

– Поэтому ты настоял, чтобы я надела более свободные вещи? – спросила с порицанием.

Когда я собралась надеть джинсы утром, Мэдок сказал мне выбрать что-нибудь посвободнее и не возникать.

Такой чаровник.

Поэтому я остановилась на черных спортивных брюках и серой футболке Obey, а волосы собрала в хвост, приготовившись к запланированному им таинственному приключению.

Каждая мышца в теле одеревенела. Когда-то я была искусным скейтером, но давно не практиковалась. Мое тело оставалось в форме, в отличие от уверенности, а в скейтбординге уверенность и сообразительность являлись залогом успеха.

Я попыталась проигнорировать Мэдока, давая ему понять, что не заинтересована в этом, однако мой взгляд против воли скользнул к багажнику.

Рот беззвучно открылся. Достав руки из карманов, ухватила за машину и устояла на своих досках.

Мои доски!

– Не реви только, – поддразнил он. – Думаешь, я бы спас твои Лего, но не скейтборды?

Ничего не могла с собой поделать. Слезы обожгли глаза, пока я смотрела на пять досок, с каждой из которых были связаны особые воспоминания. Моя первая, со сколотыми краями по всему периметру. На ней наверняка даже пятна крови есть. Вторая и третья доски, которые я украсила изготовленными по индивидуальному заказу колесами. На них я училась делать первые прыжки, кикфлипы, вытяжку. Четвертая доска. Ее я любила использовать в боуле. И пятая. Совершенно новая. Ни разу не использованная.

Мои легкие опустели, но я не чувствовала боли.

Посмотрев на Мэдока, с трудом сглотнула, улыбаясь.

– Я тебя люблю, – сказала дрожащим голосом.

Он соблазнительно подмигнул, словно говоря мне, что принял это за "спасибо".

– Я возьму вот эту, – сообщил Лукас, подхватив новую доску.

– О, нет. – Я отобрала ее. – Тебе подойдет вот эта, – сказала, протянув ему побитую, с практически стертым покрытием.

Лукас забрал доску, выпятив губу.

– Для той нужно набраться опыта, – пояснила я. – Понял?

Он кивнул, а я взяла новый скейтборд. Мэдок захлопнул багажник, ничего не выбрав. Я глянула на него, приподняв брови.

– Я не катаюсь, – буркнул он. – Предпочитаю смотреть.

Зажав доску подмышкой, проворчала:

– Великолепно.

– Лукас, – окликнул Мэдок. – Надень это.

Он швырнул ему сетчатый мешок с наколенниками, налокотниками и шлемом. Я попыталась сдержать улыбку. Лукас недовольно сдвинул брови, словно был слишком крут для защитной экипировки. Меня же данный поступок впечатлил.

Из Мэдока получился отличный старший брат.

Несколько лет назад он был таким же? Или повзрослел после моего отъезда? Порывшись в памяти, вспомнила времена, когда Мэдок выпивал мои соки Снэпл, чтобы позлить меня, однако потом приходил смотреть со мной телевизор, скрашивая мое одиночество.

А в школе, несмотря на то, что он зачастую меня игнорировал, на праздники всегда присылал воздушные шарик и записки с конфетами, чтобы я не чувствовала себя обделенной, когда всем остальным доставляли подарки по школьной почте. Разумеется, Мэдок писал что-нибудь нецензурное или какие-нибудь вульгарные стихи, однако все равно было приятно получить хоть что-то.

Эдди права. Он подбирал осколки.

– Лукас. – Поставив скейтборд на землю, взъерошила белокурые волосы мальчика. – Ты когда-нибудь катался на скейте?

– Пока нет. Но я хочу туда! – Надев щитки и шлем, он указал на боул, на краю которого мы стояли.

– Сегодня ты сможешь там покататься, – уверила я, забрав его доску и поставив ее рядом со своей. – Только тебе придется много тренироваться, прежде чем ты будешь готов к быстрой езде. Давай покажу тебе первые шаги. Ты знаешь, какая нога у тебя передняя?

От стремительного потока крови руки пылали, сердце сильно

колотилось. Проклятье, я была рада присутствию Лукаса. Мэдок уселся на скамейку, расправив руки на спинке, и стал наблюдать за нами. Или за мной.

По крайней мере, рядом с Лукасом я не была центром внимания. Уж лучше бы Мэдок предложил мне прийти сюда одной. Снова опробовать себя в деле без зрителей.

Но он меня знал. Знал, что я ничего не сделаю, если на меня не надавить.

– Передняя нога? – Лукас неуверенно поднял одну ногу, опустил, потом поднял вторую.

Я улыбнулась, коснувшись руки мальчика, чтобы привлечь его внимание.

– Ладно, иди и поднимись по той лестнице, – предложила, указав на тротуар.

– Зачем?

– Просто поднимись, – распорядилась более властным, но все же мягким тоном.

Лукас оставил доску на месте и пошел по дорожке, широко размахивая руками.

Как только он поднял ногу над первой ступенькой, я крикнула:

– Стоп!

Лукас замер с поднятой левой ногой и пошатнулся, оглянувшись на меня.

– Это твоя передняя нога, – сказала я. – Возвращайся.

Мэдок отошел к машине и раскрыл двери, чтобы мы слышали музыку. Зазвучала "All I Need" Method Man. К моему удивлению, Лукас начал покачивать головой, будто тинэйджер, до которого ему еще расти и расти. Эта песня была старше нас с Мэдоком, черт побери.

– Хорошо. – Я согнулась, указывая на его ноги. – Переднюю ногу ты выставляешь на фронтальную часть, а заднюю – на хвост доски.

Он сделал так, как я сказала. Под моим пристальным взглядом Лукас встал на доску, опробовал флекс деки, наклоняясь то влево, то вправо. У меня в ногах буквально защекотало от желания почувствовать под собой собственный скейтборд.

Я глубоко вздохнула.

– Теперь, когда двигаешься, разверни ведущую ногу вперед и отталкивайся задней. Если ставишь обе ноги на доску, снова поворачивай их боком, вот так.

Лукас не стал даром терять время. Не успела я выпрямиться, а его уже

и след простыл. Он развернул ведущую ногу вперед, насколько я могла судить. Его черные штаны были настолько длинными, что практически полностью накрывали кроссовки. По крайней мере, Лукас выглядел как скейтер.

Отталкиваясь от тротуара задней ногой снова и снова, он набирал скорость.

Когда Лукас взмахнул руками, я напряглась.

– Ой, – вскрикнул он, после чего свалился с доски на траву.

Выдохнув, оглянулась на Мэдока.

Тот пожал плечами и покачал головой.

– Он будет падать, Фэллон. Расслабься.

Руки Мэдока вновь были растянуты на спинке скамейки. Мой взгляд чересчур долго задержался на изгибах его напряженных бицепсов и трицепсов, выставленных напоказ в зеленовато-серой футболке с короткими рукавами. Я помнила, насколько жесткой и упругой ощущалась его широкая грудь под подушечками моих пальцев. Мэдок был мягок и тверд в нужных местах. У меня буквально слюнки потекли от мыслей о том, как бы сделать ему массаж, чтобы я могла провести пальцами по каждому сантиметру его кожи.

С массажным маслом. С большим количеством масла.

– Фэллон.

Я моргнула, резко подняв глаза к лицу Мэдока.

– Подотри слюну, детка, – скомандовал он. – В постели мы окажемся позже. Не волнуйся.

У меня внутри все сжалось, молниеносный разряд промчался из живота вниз по ногам. Отвернувшись, потеряла лицо ладонями.

А потом Мэдок рассмеялся.

Идиот. Засранец. Гад.

Яростно покачав головой, чтобы выбросить его из мыслей, пошла по дорожке Лукасу навстречу.

– Знаешь, что? Ты продержался на скейте гораздо дольше, чем я в первый раз. – Я приобняла его за плечи. – И ты все сделал правильно. Спрыгнул при опасности.

– Не будь трусихой, – выкрикнул Мэдок. – Покажи ему, как это делается.

Немного прикрыв веки, сердито глянула на него, затем посмотрела на свою доску, поджимая пальцы ног внутри своих кед от Van.

– Ты чего? Боишься? – С искренним любопытством Лукас поднял взгляд на меня.

Как я могла поощрять его сделать то, чего сама не делала? Что за мать из меня получится?

Подвигав губами из стороны в сторону, чувствуя выступивший на шее пот, я встала на доску, выпрямила ноги, невзирая на дрожь в мышцах. Медленно перенесла вес с пяток на мыски. Мое дыхание стало поверхностным, когда я покачнулась вперед-назад, прогибая доску и вспоминая, как маневрировать и направлять себя.

Люди часто думают, что в скейтбординге важны только ноги, однако в действительности при катании задействовано все тело. Ты наклоняешь плечи, пятками регулируешь давление, в зависимости от того, какой прыжок, флип или скольжение хочешь сделать.

Развернув одну ногу вперед, второй оттолкнулась от асфальта, согнула колени слегка. Сжала кулаки из-за внезапного потока энергии, заполнившего грудь.

Черт.

Мои глаза расширились; я рассмеялась, после чего накрыла рот рукой.

О, Боже. Надеюсь, они этого не слышали. Я только что получила выброс адреналина от разгона?

Снова коснувшись земли, стала отталкиваться сильнее. Сердце подскочило в груди, когда я свернула влево, обогнув лестницу. Оставаясь на тротуаре, продолжила разгон вдоль бортика боула. В животе и голове будто фейерверки срабатывали.

Мать твою, как здорово.

И почему я отказалась от этих ощущений?

Сделав резкий толчок, помчалась напрямик к Лукасу. Расправив руки, надела задней ногой на доску, отчего ее передняя часть поднялась в воздух. Объехав вокруг Лукаса, наконец-то остановилась.

Напрягая все мышцы в теле, поборол желание улыбнуться до ушей и подпрыгнуть от радости.

Это было бы несолидно.

Быстро и часто вдыхая прохладный воздух, спрыгнула с доски и заглянула в округлившиеся от удивления глаза Лукаса.

– По-твоему я боюсь? – спросила дразняще.

У него отвисла челюсть.

– Я тоже хочу так научиться.

Наступив на хвост, поймала переднюю часть скейта.

– До вытяжки тебе еще далеко. Давай начнем с тик-така.

Следующие два часа мы с Лукасом тренировались управлять скейтом, уворачиваться от доски при падении, делать прыжки. Я научила его

использовать свое тело и падать с улыбкой. Потому что падения случаются. Часто.

Пообещала, что над кикфлипами мы поработаем в следующий раз, после чего он немного попрактиковался в боуле, пока мы с Мэдоком наблюдали, сидя на бортике.

Положив голову Мэдоку на плечо, закрыла глаза, впервые за долгое время не желая оказаться в другом месте.

– Спасибо, – сказала я осипшим голосом. – За сегодняшний день. Мне это было нужно. – По-моему, в течение последних нескольких часов я смеялась, кричала и аплодировала больше, чем на протяжении последних двух лет. Пусть завтра все будет болеть, но сейчас голова кружилась от счастья. Запах Мэдока окутал меня в салоне машины, благодаря чему тело освободилось от стресса. Вечером я опять усну в его объятиях.

Он протянул руку, сжал мое бедро, колеся по улицам города. Мы только что отвезли Лукаса к матери, подоспев к ужину, а теперь направлялись домой.

Я откинулась на спинку сиденья, повернула голову и сонно посмотрела на него.

– Не психуй из-за этого вопроса, но... у тебя были серьезные отношения в школе? Постоянные девушки?

Мэдок фыркнул, включив дворники.

– Женщины всегда задают вопросы, ответы на которые не хотят слышать на самом деле.

– Но я хочу. – Мой тон остался непринужденным. Я действительно хотела знать. Мы не общались два года, и мне хотелось наверстать упущенное.

– Да, – признался он, кивнув и не глядя мне в глаза. – Несколько.

Словно страшное заболевание, ревность проникла в мозг. Кто они? Как они выглядели? Что Мэдок с ними делал? Как их зовут, номера их соц. страховок, адреса?

Безумие просто, как мысли и подозрения способны разрушить душевное спокойствие.

– И? – тихо подначила я.

– И я ни одной из них не признавался в любви, – ответил Мэдок. – Только тебе.

После этого он повернулся ко мне. Из-за серьезности выражения его лица у меня пропал дар речи.

Сонная артерия бешено пульсировала под кожей шеи. Лишь спустя

несколько секунд я поняла, что моя челюсть отвисла.

Он дернул подбородком в мою сторону.

– Что значит татуировка Валькнут?

Нетерпеливо вздохнув, отвернулась к окну.

– К чему стегать дохлую лошадь? – полушутя возразила я.

– Ты уклоняешься от ответа.

Да, уклоняюсь. Но что мне делать, черт возьми? Как поведать человеку, с которым хочешь построить будущее, что ты избавилась от его ребенка, не рассказав ему? Мэдоку будет не все равно. Я просто не могла объяснить, что именно означает моя татуировка. Не сейчас.

Почему он не поинтересовался про тату с фразой "Неисправно" или про текст на спине?

Прищурившись, сосредоточила взгляд на каплях дождя, усеявших лобовое стекло.

– Такая татуировка для каждого означает что-то свое. Для меня это символ возрождения. – Отчасти правда. – Движения вперед. Выживания. – Развернувшись к нему, пожала плечами. – Она круто смотрелась, ясно?

Так-то. Надеюсь, на этом тема будет закрыта. По крайней мере, пока.

Я все ему расскажу. Со временем. Как только смогу. На данный момент мне нужна была еще хоть одна ночь с ним.

Вдруг я вспомнила один из полезных навыков хорошего оратора.

Отвлечь собеседника сменой темы.

Прочистив горло, заговорила:

– Ты так и не спросил про текст на спине. – Его взгляд последовал за моими руками, когда я схватила край футболки и стянула ее с себя.

Округлившиеся глаза Мэдока были прикованы к моей груди, прикрытой одним лишь ярко-розовым кружевным лифчиком.

– На дорогу смотри, – напомнила ему своим самым знойным тоном.

Моргнув, он уставился вперед.

– Фэллон, я за рулем. Так нечестно.

Уголки моих губ приподнялись в ухмылке, как только я заметила, с какой силой Мэдок сжал руль.

– Видишь? – Я повернулась, демонстрируя ему надпись, пролежавшую вертикально от плеча вниз по лопатке. – Что бы ни происходило на поверхности моря, это не потревожит спокойствия его глубин. Любимая цитата моего отца.

Машины слегка занесло, и я почувствовала, как покачнулось мое тело. Мне хватило благоразумия не засмеяться. Я любила, когда он смотрел на меня, и была рада, что могла его отвлечь.

– А еще... – Я приподняла попу, не обращая внимания на ком, вставший в горле от волнения, и быстро спустила свои штаны. Затем разулась и сняла носки, – у меня есть одна вот здесь, – сказала, указав на трилистник на бедре.

– Фэллон! – гаркнул Мэдок. Он дернул руль, выравнивая машину, отчего мощные мышцы его предплечий напряглись. – Проклятье.

Улыбнувшись про себя, откинула спинку своего сиденья до предела. Окна в машине Мэдока не были затонированы. Мы ехали по городу, поэтому кто угодно мог увидеть меня в нижнем белье.

– Что такое? – прошептала я, невинно моргнув.

Он процедил сквозь зубы:

– Мы доберемся до дома только через десять минут. Ты серьезно так со мной поступишь сейчас?

Я посмотрела на него, прикрыв веки, и положила руку под голову. Высунув кончик языка, поймала маленький серебряный шарик штанги зубами. В глубине глаз Мэдока вспыхнуло пламя.

Вся моя кожа, скорее всего, залилась румянцем, однако меня это не заботило. Было так приятно наблюдать за тем, как неуклюже он хватался за руль в попытке не съехать с дороги, как его взгляд скользил по моему телу.

– Мэдок? – пробормотала, повернувшись на бок и подперев голову рукой. – Я хочу, чтобы ты трахнул меня в своей машине.

Огонь в его глазах запылал ярче; он замер, словно машина дальше двигалась на автопилоте. Крепко обхватив руль, Мэдок переключился на шестую передачу и помчался в сторону пригорода.

Не успела я опомниться, как небо потускнело, дождь хлынул сильнее. Следующий час мы провели на обочине тихой гравийной дороги.

Мэдок

Во время учебы в школе я следовал за людьми. Следовал за отцом. Следовал за Джаредом. Следовал нормам.

Когда идешь у кого-то на поводу, забываешь расти. Дни, года проносятся мимо тебя, и ты не в состоянии чем-либо отличиться в жизни. Мой отец – живое доказательство тому. Он работал и прятался, любил женщину, признаться в чувствах к которой ему не хватало смелости, и ради чего? Чтобы к нему на похороны явился весь город, чтобы он мог оставить огромный особняк в наследство своему отчужденному сыну?

У моего отца не было ничего. По крайней мере, пока.

Я знал, что он меня любил (в этом плане мне повезло гораздо больше, чем Джареду и Джексу), однако не стремился брать с него пример. У меня определенно имелись хорошие воспоминания о детстве, но, если честно, я не был уверен, что почувствую, если его внезапно не станет.

Именно эта мысль меня неожиданно разбудила. Спина и шея пылали. Даже не дотрагиваясь до своей кожи, я понял, что вспотел.

Папа знал, чего хотел, но не добивался этого. Я не желал жить с подобными сожалениями.

Посмотрев в сторону, заметил Фэллон, которая крепко спала, свернувшись в комочек рядом со мной. Она была одета в майку и пижамные шорты. Одеяло укрывало ее лишь до талии. С ладонями, сложенными под щекой, и волосами, рассыпанными по подушке, она казалась такой маленькой и беззащитной.

Мои губы изогнулись в улыбке от этой мысли, потому что Фэллон была далеко не беззащитна.

Хотя я все равно наслаждался видом. Мое сердцебиение замедлилось, пока я наблюдал за ее размеренным ритмом дыхания.

Подхватив телефон с тумбочки, проверил время. Девять часов вечера. После катания на скейтах и небольшого путешествия загород, наши тела были измождены. Мы завалились спать у меня в комнате, даже не отведав жаркое, которое Эдди оставила для нас в духовке.

Мой сотовый завибрировал. Подняв его над собой, открыл новое смс от Джекса.

'Можешь приехать? Один.'

Один? Наверно, он нашел какую-то информацию о маме Фэллон,

только почему я должен приехать один?

'Буду минут через двадцать.'

Перевернувшись набок, растолкал Фэллон.

– Малышка? – прошептал, прокладывая дорожку из поцелуев от ее щеки к уху. – Я отлучусь на час. Скоро вернусь.

Она застонала, поджав губы, и вздохнула.

– Хорошо. Привезешь мне Снэпл?

После этого Фэллон сразу же отключилась. А я рассмеялся.

Пятнадцать минут спустя подъехал к дому Джекса. До сих пор шел дождь, правда, сейчас уже не такой сильный. Я с радостью отметил, что в окнах горел свет.

Кэтрин была дома.

Его "мама" (я не был уверен, как ее называть) по-прежнему проводила много времени с моим отцом, однако по ее просьбе тот чаще оставался у нее, чтобы она могла быть рядом с Джексом. Интересно, как папа отнесся к перспективе обзавестись двумя пасынками? Ему со мной-то проблем хватало.

Теплый свет лился из окон кухни и гостиной. Постучав в дверь, я сразу же повернул ручку.

Я уже давным-давно перестал ждать, когда мне откроют, к тому же мы жили в городке, где не было нужды постоянно держать двери закрытыми.

Помахав Кэтрин, которая выглянула из кухни, поспешил наверх, в "компьютерную комнату" Джекса. Войдя, закрыл за собой дверь.

Джекс расхаживал перед стеной с мониторами, нажимал различные кнопки на дисплеях. Дернув подбородком, я сказал:

– Привет. Что нашел?

– Привет, старик. Прости, что вытащил тебя сюда, но я подумал, тебе стоит увидеть это собственными глазами.

Подойдя к принтеру, он взял несколько листов бумаги и принялся читать.

– Что это? – спросил я. Скинув свою рубашку, остался в одной темно-серой футболке.

– Ну, я не нашел ничего особенного на твою мачеху. – Джекс посмотрел на меня виновато. – Извини, ее жизнь до ужаса однообразна. Я проверил ее социальный календарь. Как по мне, канал C-SPAN и то интересней.

Мои плечи немного поникли. Я вздохнул.

Он горько засмеялся.

– Если не брать в расчет грязные пристрастия, вроде пользования услугами проституток мужского пола... у нее постоянная бронь в "Фор Сизонс" на каждый четверг для этих дел... она вообще-то довольно чиста.

– Тогда зачем я сюда приехал?

Опустив взгляд, Джекс замешкался.

Отлично.

Он сел в свое офисное кресло и подкатился ко мне.

– Я нашел кое-что другое. Когда просматривал выписки по кредитным картам, всплыло вот это.

Вручив мне лист, Джекс откатился в сторону.

Я просматривал текст, толком не вчитываясь. Определенные слова бросались в глаза. Слова вроде: клиника женского здоровья; Фэллон Пирс. Когда они сложились в общую картинку, мои пальцы начали сминать тонкую белую бумагу.

Мой бегающий взгляд замедлился на фразах "прерывание беременности" и "сумма к оплате".

Легкие якорем рухнули куда-то на пол, отказываясь расправляться, когда я пытался сделать вдох. Я сощурился, пока прочитанная информация конденсировалась у меня в голове, словно влага в небе, формирующаяся в тучу.

Одну большую темную тучу.

Моргнув, посмотрел на дату. Второе июля. Пару месяцев спустя ее исчезновения два года назад.

Мой взгляд вновь переместился к итоговой сумме. Шестьсот пятьдесят долларов.

Я смял лист. Глаза обожгло от злости... ужаса... страха. Не знаю, чего конкретно. Был уверен только в том, что меня мутило.

Закрыв глаза. Она была беременна. От меня.

Шесть сотен и пятьдесят долларов.

Шесть. Сотен. И. Пятьдесят. Долларов.

– Мэдок, Фэллон – друг, – произнес Джекс. – Но я решил, что тебе стоит знать. Это был твой ребенок?

Кислота и желчь подступили к горлу.

Я сглотнул и произнес угрожающе:

– Мне надо идти.

– Где Фэллон? – зарычал я на Эдди.

Вернувшись домой, помчался на второй этаж, однако обнаружил пустую кровать. Фэллон была без байка и без машины Тэйт. Если она не

ушла пешком, значит, должна до сих пор находиться где-то здесь.

– Ох... – Эдди задумчиво взвела глаза к потолку. – В подвале, наверно. Там я видела ее в последний раз.

Замешивая тесто, она кивнула в сторону духовки, в то время как я прошел мимо нее к двери, ведущей в подвал.

– Вы не поужинали, – крикнула Эдди мне вслед. – Я упакую еду! Ладно?

Проигнорировав ее, спустился вниз по лестнице, захлопнув за собой дверь.

Цементные ступеньки были покрыты ковром, так что мои тяжелые шаги оказались практически беззвучными. В помещении горел свет, но стояла мертвая тишина.

Я сразу же заметил Фэллон.

Она сидела в своей полурампе, прислоняясь спиной к скату и подогнув ноги, одетая в длинный хлопковый халат. Судя по мокрым волосам, Фэллон недавно приняла душ.

– Я спустилась сюда, чтобы Эдди не услышала ор, – призналась она, прежде чем я успел что-либо сказать. Сложив кисти на животе, Фэллон пристально смотрела в потолок.

– Ты знаешь, что мне все известно.

Я видел лишь половину ее лица, на котором царило расслабленное и смиренное выражение, словно она ожидала бури.

– Джекс позвонил, пока я принимала душ. Хотел меня предупредить. Извинился, но сказал, что посчитал нужным тебе рассказать.

Каждый шаг делал, сжимая мышцы. Я был чертовски зол. Как смела Фэллон оставаться такой спокойной! Она должна чувствовать то же, что чувствовал я.

Или, по меньшей мере, бояться!

– Ты была обязана рассказать мне, – огрызнулся я. Мой низкий голос будто из глубины души исходил. – Я заслужил правду, Фэллон.

– Знаю. – Она села ровнее. – Я собиралась с тобой поговорить.

Черт бы ее побрал. Фэллон по-прежнему сохраняла спокойствие, смотрела на меня искренне, с верностью. Говорила умиротворяющим тоном. Она пыталась совладать со мной, чем взбесила еще больше.

Я провел рукой по волосам.

– Ребенок? Гребанный ребенок, Фэллон?

– Когда я должна была тебе рассказать? – ее голос дрогнул, глаза наполнились слезами. – Два года назад, когда думала, что ты меня не хотел? Этим летом, когда ненавидела тебя? Или на днях, когда между нами все

было идеально?

– Я должен был знать об этом! – взревел я. – Джекс узнал раньше меня! А ты просто избавилась от ребенка без моего ведома. Я должен был знать!

Она отвела взгляд, тяжело сглотнув.

Покачивая головой, Фэллон продолжила тихо:

– Мы бы не стали родителями в шестнадцать лет, Мэдок.

– Как долго ты прождала? – спросил, ехидно оскалившись. – Ты хоть подумала обо мне, прежде чем сделала это? Или помчалась в клинику, как только поняла, что беременна?

Ее взгляд, полный боли, метнулся в мою сторону.

– Помчалась? – выдавила она. Слезы пролились. Фэллон старалась сдержать их, но ее лицо все равно искажилось в агонии, покраснело.

Поднявшись, она пронеслась мимо меня, однако я схватил ее за руку и притянул к себе.

– Нет! – выкрикнул. – Останься и борись. Отвечай за свои действия!

– Я никуда не помчалась! – закричала Фэллон мне в лицо. – Я хотела ребенка и тебя хотела! Хотела увидеться с тобой. Рассказать все. У меня сердце разрывалось, я нуждалась в тебе!

Опустив голову, она заплакала. Ее плечи затряслись. Тут до меня дошло.

Фэллон любила меня уже тогда. Она не хотела уезжать, так почему же я решил, будто ей захочется пройти через такое без моего участия?

Сжав руки в кулаки, Фэллон стояла передо мной, дрожа от беззвучных рыданий, но была слишком сильна, чтобы сломаться окончательно.

– Валькнут, – всхлипнула она, глянув на меня с отчаянием. – Возрождение, беременность, реинкарнация. Он всегда со мной, Мэдок.

Она закрыла глаза. Слезы текли ручьями по ее красивому лицу.

Вес того, что Фэллон перенесла в одиночку, рухнул мне на плечи. Я вспомнил подпись на счете, лежавшем сейчас у меня в кармане.

– Наши родители, – озвучил свою догадку.

Несколько мгновений она молчала, затем шмыгнула носом.

– Твой папа ничего не знал.

Мы стояли так близко, и в то же время так далеко друг от друга. С меня хватит. Надоело, что все дергали за ниточки, руководя нами, словно марионетками. Надоело гадать и ждать.

Обхватив ладонью заднюю поверхность ее шеи, притянул Фэллон к себе и обнял. Мои руки напоминали стальные оковы, которые ничем не разорвать.

Я не знал, о чем думать.

Должен ли я был стать отцом в шестнадцать? Нет, конечно.

Но аборт меня тоже не радовал.

Ее заставили пройти через такое? Мне хотелось кого-нибудь убить.

Меня исключили, не поставили в известность? Кое-кто заплатит.

Хватит идти на поводу. *Пора возглавить путь.*

Уложив Фэллон в постель, направился к сейфу отца. Он хранил там три типа вещей: драгоценности, наличные деньги и пистолет.

Фэллон

– Ну, разумеется!

Я распахнула глаза, услышав язвительный голос, и подскочила на кровати.

Моя мать стояла у открытой двери спальни Мэдока, одну руку уперев в бок, а вторую положив на бедро, чем выставила напоказ усыпанные сияющими бриллиантами пальцы.

Я до сих пор была в своей ночной рубашке. Сонно моргнула, пытаюсь окинуть ее взглядом.

Силой подавила усталую улыбку при виде маминого наряда. Она была в обтягивающих черных брюках, черно-белой блузке без рукавов с леопардовым принтом, который я ненавидела, и черной шляпе-федоре.

Серьезно? Федора?

При каждой нашей встрече мама пыталась выглядеть все моложе и моложе. Или больше походить на итальянскую наследницу. С ней не угадаешь.

– Что ты здесь делаешь? – Я была шокирована хрипотой своего голоса. Вчерашний эпизод с Мэдоком меня изнурил, но я чувствовала себя сильной, в ясном сознании... по крайней мере, выше плеч.

Она улыбнулась. Ее безупречная кожа буквально сияла в лучах утреннего солнца, проникавших в комнату через окно.

– Я здесь живу, Фэллон. А ты – нет. Забыла?

Глянув в сторону, заметила, что Мэдока в постели не было.

Куда он делся?

Прищурившись, посмотрела на мать, когда она подошла к изножью кровати.

– Пошла вон, – распорядилась я.

Подняв футболку Мэдока, мама начала ее складывать.

– Спишь с полезными людьми, зарабатывая на хорошую жизнь, как посмотрю. Я не удивилась, обнаружив тебя в его постели. Снова.

Откинув одеяло, потянулась за очками, лежавшими на тумбочке, но затем остановилась.

Нет. Они мне не нужны для разговора с ней.

Опустив руку, встала с кровати и вздернула подбородок.

– Если ты не уберешься отсюда, я сама тебя вышвырну.

Это не пустая угроза. Я искала повод ее ударить.

– Джейсон меня ожидает. – Мать опустила глаза, изображая скуку. – Он уже в пути. Ты не знала? Я со своим мужем согласна только в одном – ваша связь с Мэдоком мерзка.

Я поморщилась на слове "муж". Забавно. Никогда не думала о них, как о супружеской паре. Может, потому, что они никогда не вели себя как супруги.

Она подошла ко мне, провела своими холодными ладонями вверх-вниз по моим рукам.

– Джейсон всегда находит пути влияния на своего сына. Тебе лучше привыкнуть к этому факту как можно скорее, Фэллон. Ради твоего же блага. У Мэдока нет долгосрочных планов на ваши отношения.

– Уйди. – Низкий голос испугал нас обеих.

Выпрямив спину, быстро перевела взгляд в сторону дверного проема, где стоял Мэдок, испепелявший мою мать взглядом.

Она тоже развернулась, услышав его тихую команду. Внезапно я ощутила прилив энергии в теле. В присутствии Мэдока я чувствовала себя более сильной.

Не то чтобы мне требовалось его заступничество в конфликтах. Просто приятно не быть одной.

– Ухожу, – уверила мама. Я по голосу услышала, что она улыбалась. – Твой отец скоро приедет, поэтому одевайтесь. Оба.

Она сначала посмотрела на него, потом на меня и двинулась к двери, в то время как Мэдок вошел в комнату. Он скрестил руки на груди; мышцы его обнаженной груди были напряжены. Мэдок никогда бы не ударил женщину, но сейчас создавалось впечатление, что ему хотелось это сделать.

Переступив порог, мать обернулась к нам.

– Мэдок. Тебя отправят в Нотр-Дам. Фэллон? Ты уедешь со мной сегодня. В Чикаго. Я занята подготовкой благотворительного бала Триумф, а ты возвращаешься в колледж.

Я против воли рассмеялась. Сдвинула брови, не веря своим ушам.

– Ты с планеты иллюзий? С чего ты взяла, что можешь мной распоряжаться?

– Я забираю тебя в Чикаго, и ты больше никогда не увидишься с Мэдоком. – Ее слова прозвучали едко, с угрозой в каждом слове. – Я не потерплю никаких ассоциаций с ним или его отцом после развода. И ты им в любом случае не нужна.

– Пошла вон! – прорычал Мэдок.

На миг ошеломленная она закрыла рот и сглотнула.

Вздернув бровь, мама продолжила, обращаясь к нему:

– Как только твой отец вернется, он заставит тебя увидеть здравый смысл. Ты больше никогда не встретишься с моей дочерью, Мэдок.

Он двинулся ей навстречу, широко шагая. С его приближением она была вынуждена отступить обратно в коридор. Я последовала за ними. Мэдок медленно остановился, злобно глядя на нее сверху вниз.

– Пригрози этим еще раз, – с вызовом бросил он. – Я проломлю твоей головой стены, чтобы добраться до Фэллон.

Глаза обожгло; я улыбнулась сама себе.

Мэдок был сантиметров на пятнадцать выше моей матери. Не знаю, выполнил бы он свое обещание или нет, однако у меня кровь вскипела, когда я увидела его таким.

Она демонстративно поджала губы, прежде чем решила наконец-то заткнуть свой гребанный рот и уйти.

Боже, я его люблю.

– Мэдок... – Я подбежала к нему. Он развернулся как раз вовремя, чтобы поймать меня в объятия. – Ты такой сексуальный, – прошептала ему на ухо.

Его тело затряслось от смеха. Мэдок обвил руками мою талию и поднял меня. Обняв его за шею, захлопнула дверь после того, как он внес меня в спальню.

– У нас проблемы, – буднично сказала я.

– Нам восемнадцать. А мой отец блефует.

– Но...

– Доверься мне, – перебил Мэдок. – Ты меня любишь?

Я кивнула, словно ребенок, желающий отведать мороженого.

– Да.

– В смысле, любишь так сильно, что не смогла бы меня убить, если б я превратился в зомби? – продолжал допытываться он с озорным выражением на лице.

– Да. – Я засмеялась.

Мэдок поставил меня на ноги и, сунув руку в карман, достал черную кожаную коробочку округлой формы. Когда он ее открыл, я чуть не рухнула на пол, увидев то, что лежало внутри.

Кольцо с замысловатой оправой из платины, большим круглым бриллиантом в центре и несколькими поменьше по бокам, сверкало в солнечном свете.

Когда я подняла свои широко распахнутые глаза, Мэдок опустил

передо мной на одно колено.

Он ухмыльнулся.

– У меня есть идея.

– Старик, ты точно к этому готов? – Джаред облокотился на стойку по другую сторону от Мэдока, пока мы подписывали бумаги для получения разрешения на брак.

– Не ревнуй, – шутливо ответил Мэдок. – Мы можем остаться друзьями. Просто друзьями без привилегий.

Закатив глаза, Джаред отошел к ряду стульев и сел, опершись локтями на колени.

Он не казался обеспокоенным. Хотя явно был взволнован. И немного нервничал, похоже.

Я уж точно нервничала. Меня тошнило, я остолбенела, переживала, была напряжена.

И влюблена до безумия.

Мне потребовалась всего пара мгновений, чтобы обрести дар речи и прошептать "да", когда Мэдок сделал мне предложение. Хотя у меня в голове носился ураган опасений и вопросов, я была абсолютно уверена в одном.

В Мэдоке.

Не сомневалась в нем ни секунды. Я даже не колебалась, когда спросила себя, принадлежала ли ему.

Принадлежала, и всегда буду. Вот так вот.

Мы покинули дом до приезда мистера Карутерса, направившись напрямиком в Чикаго. Я взяла с собой минимум одежды, поэтому мы остановились в общежитии, чтобы я привела себя в порядок и забрала Тэйт, потом написали Джареду, попросили прогулять пары и встретиться с нами в Секретариате мэрии.

Нам нужны свидетели и, конечно же, мы хотели, чтобы наши друзья находились рядом при таком событии.

Выглядела я определенно неподобающе для невесты. У нас с Тэйт похожие вкусы в одежде, что означало: платья мне не добыть. Хотя это к лучшему, наверно. Мне бы было некомфортно.

Я надела тонкую белую блузку с затейливой завязкой на воротнике и рукавами-крылышками, которую заправила в узкие джинсы; черные балетки и черный тренч Барберри в стиле милитари – приталенный, но с расклешенными полами, доходившими до середины бедра. Мэдок оделся мне под стать в привычные дорожные джинсы и короткую черную куртку,

опускавшуюся немного ниже талии, также в стиле милитари. Он нанес немного укладочного воска на волосы, чтобы они торчали вверх. А от его взгляда и ослепительной улыбки я была готова потерять рассудок.

Мы с Тэйт наспех сделали мне прическу и макияж. Мэдок не сводил с меня глаз, словно желал съесть, так что, думаю, мы неплохо справились.

Сжала руки, переплетая пальцы.

Кольцо с большим бриллиантом ощущалось божественно на моем пальце, а это о многом говорило, ведь я не носила консервативные украшения.

Он сказал, что это фамильная ценность. Отец Мэдока подарил это кольцо его матери на помолвку. Когда я заколебалась, он рассмеялся, пояснив: несмотря на то, что их брак закончился разводом, бабушка и прабабушка, которым украшение принадлежало раньше, прожили со своими мужьями долго и счастливо.

Муж.

Голову заполонили вопросы. Где мы будем жить? Насколько плохоотреагируют наши родители? Что насчет колледжей? Буду ли я хорошо к нему относиться? Будет ли ему хорошо со мной?

Опустив взгляд, стала разглядывать искусно выполненную оправу кольца; задумалась об истории, которую оно символизировало, и о мужчине, который мне его подарил. Мэдок любил меня. Он был верен. Силен.

А нашим родителям придется свыкнуться с тем фактом, что мы никогда не расстанемся.

– Ты светишься от счастья. – Тэйт подошла ко мне, пока Мэдок завершал дела с секретарем.

Положив руку на живот, вздохнула.

– Вообще-то мне кажется, что меня сейчас стошнит.

Мэдок обернулся, глянув на меня с приподнятыми бровями.

Я поспешила добавить:

– Но это скорее чувство из разряда "ого-меня-на-изнанку-вывернет-от-радости".

Склонившись, он быстро чмокнул меня в губы.

– Пошли. Теперь нам надо к судье.

Мэдок взял меня за руку и подхватил разрешение со стойки, но я его остановила, оставшись твердо стоять на месте.

– Мэдок? – сказала самым робким тоном, каким только могла. – Думаю... нам, наверно... стоит найти священника.

Я поморщилась, извиняясь.

– Священника? – повторил он растерянно.

Нас обоих воспитали католиками, мы ходили в приходские начальные школы. Тем не менее, с возрастом перестали усердно исполнять религиозные традиции, поэтому я понимала, почему моя просьба застал его врасплох.

Я с трудом сглотнула.

– Просто... боюсь, мой отец может тебя убить, если нас не обвиняет священник. – Уголок моего рта приподнялся в улыбке, и я схватила Мэдока за руку, потащив его вперед. – Пошли.

Джаред и Тэйт последовали за нами в своей машине. Паб "Суверен" располагался в северной части Чикаго, между мэрией, откуда мы держали путь, и Северо-Западным университетом. После того, как парни припарковались на окраине стоянки, я повела нашу компанию в бар, дорогу к которому прекрасно помнила.

В служебном помещении, отгороженном от зала красными бархатными шторами, увидела Отца МакКэффри, сидевшего за круглым столом с тремя приятелями. Двое – тоже священники, как и он, и один старомодный мужик в кожаной куртке.

– Отец, здравствуйте, – поприветствовала его, по-прежнему держа Мэдока за руку.

Он опустил пинту пива, из которой собирался отпить, и посмотрел на меня округлившимися глазами.

– Фэллон, дорогуша. Что ты тут делаешь?

Отец говорил с сильным ирландским акцентом, несмотря на то, что прожил в Америке больше двадцати лет. По-моему, он всеми силами старался сохранить свой говор. Прихожанам это нравилось. К тому же, как я знала, он помогал моему папе с бизнесом, а благодаря акценту проще иметь дело с ирландскими клиентами. Отец МакКэффри меня крестил, поэтому я была хорошо с ним знакома. Его русые волосы проредила седина. Со светло-голубыми глазами, с намеком на пивное брюшко, в целом он пребывал в довольно неплохой форме. А из-за веснушек даже выглядел моложе. Одет в черные брюки, рубашку и изумрудно-зеленый вязаный жилет, открывавший вид на его пасторский воротник.

– Отец, это Мэдок Карутерс. Мой... жених. – Мы с Мэдоком обменялись косыми взглядами и улыбнулись.

Странно было называть Мэдока "женихом", когда я даже парнем его не называла.

– Что? – У Отца МакКэффри отвисла челюсть.

Мое сердце тут же оборвалось. Он будет сопротивляться.

– Отец, знаю, просьба необычная...

– Отец. – Мэдок выступил вперед, перебив меня. – Мы бы хотели пожениться. Вы сможете нас обвенчать или нет?

Мда, отличный способ подлизаться к нему, чувак.

– Когда? – спросил МакКэффри.

– Сейчас. – Мэдок немного опустил подбородок, словно взрослый, беседовавший с ребенком. – Прямо здесь. Прямо сейчас.

Священник выпучил глаза.

– Здесь? – сдавленно воскликнул он. Я едва не рассмеялась.

Вообще-то, я планировала заманить Отца МакКэффри в церковь, расположенную в нескольких кварталах отсюда, однако Мэдок, судя по всему, хотел приступить к главному немедленно. Я не против. Если выбирать между аскетичным Секретариатом мэрии, насквозь продуваемой церковью и старым ирландским пабом, пропахшим полиролью для мебели и пивом "Гиннес", я предпочту последнее. Деревянная барная стойка, столы и стулья сияли в лучах полуденного солнца, проникавших из окон, а зеленые шторы создавали практически домашний уют.

– Отец, – начала я, – если вы не в церкви, то всегда пропадаете тут. И мы готовы.

– Фэллон, дорогуша, разве тебе не следует дожждаться благословения своего отца? – Неприкрытое беспокойство отображалось на его лице.

– Мой папа, – твердо заявила я, – доверяет моим решениям. Вы тоже должны, Отец.

Мэдок схватил меня за руку, стянул с пальца кольцо, положил его на стол вместе с разрешением на брак и серебряным обручальным кольцом, которое выбрал для себя сегодня утром.

– Обвенчайте нас, пожалуйста, иначе нам придется пожениться в здании суда без благословения Церкви. А вот это моему отцу не понравится.

Джаред прыснул со смеху позади нас. Оглянувшись, увидела, что они с Тэйт пытались сдержать улыбки.

Какая радость, что им весело. У меня пот выступил на лбу.

Отец МакКэффри сидел молча, как и все остальные за его столиком. Они переводили взгляды с него на нас. Я переводила взгляд с Отца на Мэдока. А Отец переводил взгляд с Мэдока на меня.

Я не была уверена, чей сейчас ход, однако не думала, что наш.

МакКэффри наконец-то поднялся. Засунув руку во внутренний карман жилета, он достал ручку, нагнулся и подписал разрешение.

Я склонила голову. Мои губы растянулись в широченной улыбке. Мэдок повернулся ко мне, обхватил ладонями мое лицо и нежно поцеловал в губы.

– Ты готова? – прошептал он.

Вдохнув его изысканный аромат, начала снимать пальто.

– С детьми подождем до окончания колледжа, – сказала тихо, чтобы кроме нас никто не услышал. – По рукам?

Мэдок кивнул, коснувшись своим лбом моего.

– Заметано. Только если потом заведем пятерых.

– Пятерых?!

Джаред прочистил горло, стараясь привлечь наше внимание к окружающим, в то время как Мэдок едва слышно хохотнул. Я сделала глубокий вдох и сглотнула.

Ага, мы обязательно обсудим это позже.

Отец подозвал нас к столу, чтобы мы расписались в графах "Жених" и "Невеста", потом Джаред и Тэйт оставили свои подписи в качестве свидетелей, а в графе "Лицо, сочетающее браком" уже значилось имя Отца МакКэффри.

– А теперь все замолкли! – крикнул Отец пятнадцати, или около того, посетителям бара. Они притихли, повернулись к нам, наконец-то обратив внимание на то, что происходило у них за спинами. Бар погрузился в тишину, когда выключили музыку. Мэдок развернулся ко мне, взял за руки.

Отец МакКэффри начал короткую церемонию, только я его практически не слышала, стоило лишь взглянуть на Мэдока. На его голубые глаза, в которых никогда не угасала искорка озорства. Его точеную челюсть, высокие скулы, которые выглядели еще прекрасней, когда он выходил мокрый из душа или бассейна. Его широкие плечи, способные оградить меня от мира, окутать теплом.

Но сейчас, пока Отец связывал нас узами брака, мною завладела одна мысль: в данный момент о себе я думала в последнюю очередь. Испокон времен думала о том, как ненавидела мать или как скучала по отцу. Думала о разочарованиях и злости, обидах и одиночестве.

Зацикливалась на прошлом, не осознавая, что оно мешало мне двигаться вперед.

Теперь все это ушло.

Я ничего не забыла, разумеется. Просто больше не считала важным.

Вот мое будущее. А, когда Мэдок надел кольцо мне на палец, я поняла, что лучшая часть моего прошлого сейчас стояла передо мной.

Бросила взгляд на Тэйт, которая наблюдала за нами с любовью, и

Джареда, положившего руку ей на плечо. Слезы радости заструились по моим щекам.

Мэдок улыбнулся, положил ладонь на заднюю поверхность моей шеи и притянул к своей груди.

– Поторапливайтесь, Отец, – распорядился он поверх моей головы. – Ей нужен поцелуй.

Веселые нотки в его голосе просто опьяняли. И мне определенно требовался поцелуй.

– Объявляю вас мужем и женой.

Мэдок не стал терять время даром. Быстро обхватив рукой мою талию, поднял меня и крепко поцеловал. От прикосновения его губ словно электрический разряд пронесся ото рта в живот. Обхватив ладонями его щеки, склонила голову набок и ответила на поцелуй с не меньшим рвением.

Не отпуская меня, он повернулся и вышел в общий зал.

– Спасибо. – Я улыбнулась Отцу МакКэффри через плечо Мэдока.

Мэдок же спросил у бармена:

– У вас музыка есть?

– U2, – сказал мужчина средних лет.

Он недовольно поморщился.

– И все?

– А мужику больше и не надо, – послышался ответ. Я рассмеялась Мэдоку в ухо.

Мэдок вздохнул.

– Значит, поставь что-нибудь медленное.

Он провел руками вдоль моего тела. Поддерживая под бедра, направил мои ноги так, чтобы я обвила их вокруг его талии. Не успела я опомниться, как послышался скрежет стульев по полу. Когда огляделась, заметила, что посетители сдвигали столики в сторону, организовывая произвольный танцпол.

"Мне нужна только ты" группы U2 приглушенно зазвучала из колонок, поначалу невнятно. Мэдок начал переминаться с ноги на ногу, раскачивая нас из стороны в сторону. Я приложила свой лоб к его лбу, слушая, как он нашептывал слова песни, и старательно сдерживала слезы. Когда мелодия набрала мощь, стала громче, Мэдок медленно закружился, а я поцеловала его в губы.

Мне нужен только ты.

Мэдок

Из Суверена мы с Фэллон сразу же направились в отель "Уолдорф Астория", где собирались провести нашу брачную ночь. Тэйт настаивала на ужине, но Джаред намек понял.

На всем пути до отеля, пока парковщик забирал машину, в процессе регистрации я то и дело тер мизинцем по плоскому обручальному кольцу. Дискомфорт, связанный с появлением чего-то нового (ведь я никогда не носил украшения... если не считать мой пирсинг) контрастировал с приятным покалыванием, которое ощущалось в руке.

Странное чувство, но в то же время могущественное.

Кольцо напоминало, что теперь я принадлежал Фэллон. Напоминало, что я стал ее защитником, ее любовником, ее партнером.

В конечном счете, до меня дошло: оно так же означало, что я не мог приходить и уходить, когда вздумается, не мог заглядываться на других женщин, и, скорее всего, был единственным в своем выпускном классе, кто уже обзавелся женой, однако меня мало волновало мнение окружающих.

Я был доволен нынешним положением вещей. Мы приняли верное решение.

К тому времени, как добрались до лифта, Фэллон вытворяла руками такое, что технически запрещалось делать на публике. Я был чертовски благодарен Джареду и Тэйту, решившим оставить нас наедине.

Запустив руку под куртку, она массировала мою поясницу. Потом уткнулась носом мне в грудь, пока я шел рядом, приобняв ее рукой за талию. В глазах Фэллон, обращенных на меня, читались все мысли, заполнявшие ее голову, но не способные сорваться с губ.

Едва двери кабины закрылись, я прижал Фэллон к стене, склонился к ее лицу. Ее горячее дыхание смешалось с моим.

– Фэллон Карутерс, – с вызовом бросил я. – Что, по-твоему, ты делаешь, а?

Она начала расстегивать пуговицы моей рубашки, не сняв куртку, и прошептала, часто дыша против моих губ:

– Извини, просто я очень хочу своего мужа, прямо сейчас.

Фэллон одновременно провела ладонями по моей обнаженной груди и прикусила мою нижнюю губу. Я подхватил ее под бедра, приподнял, завладел ее ртом, ощутив неистовый жар, от которого мой член дернулся и

начал твердеть. Мне нужно было избавить ее от этой долбанной одежды.

– И я не собираюсь менять фамилию, – сказала она между поцелуями.

Смех подступил к горлу, но я решил, будет разумнее сдержаться.

Это моя брачная ночь. Я не хотел остаться без секса, в конце концов.

– Еще как поменяешь, – заявил безапелляционно. Положив ладонь ей промеж ног, начал поглаживать.

Лифт остановился. Я сразу же поставил Фэллон на ноги. Слава Богу, снаружи никого не оказалось, потому что мы вышли запыхавшиеся, с покрасневшими лицами.

Таща ее за руку, выудил из кармана куртки карту-ключ.

– Ну, значит, сделаю двойную через дефис, – пробубнила она у меня за спиной. Мне потребовалась секунда, чтобы вспомнить – мы обсуждали наши фамилии.

– Нет, не сделаешь. – Я сунул карту в замок, открыл дверь, завел Фэллон внутрь. – Поставить дефис – все равно, что сказать: "Я просто не хочу признавать поражение", когда в действительности женщины, взявшие двойную фамилию, уже проиграли. Мужчины не берут двойные фамилии, – подметил я, захлопнув за нами дверь, и медленно двинулся к ней. Мои пятки увязали в плюшевом ковре. – Так вот. Ты будешь Фэллон Карутерс, потому что любишь меня, хочешь сделать меня счастливым и хочешь, чтобы все знали, что ты моя.

Времени едва хватило на то, чтобы у нее отвисла челюсть, а глаза сверкнули от злости, прежде чем я оказался рядом. Схватив Фэллон за волосы на затылке, обнажил шею, впился зубами, целуя, кусая, то жестко, то нежно, не давая ей шанса опомниться.

По сути, я всегда был беззаботным парнем. Чаще всего. Но моя жена возьмет мою фамилию, иначе пусть пеняет на себя.

Смысл не в желании ее контролировать; я не собирался лишить Фэллон индивидуальности, или что там женщины утверждали в наши дни. Дело в единстве. Мы, а когда-нибудь и наши дети, будем носить одну фамилию, черт возьми, и все тут.

Надеюсь, она знала, когда сопротивляться бесполезно.

Вдруг меня осенило.

Дети.

– Черт, – простонал. – Я презервативы забыл.

Послышался ее сочувственный вздох, подозрительно похожий на смех. Поднял глаза, нахмурившись. Это не смешно. Я был тверже камня.

– Извини. – Фэллон махнула рукой на мое сердитое выражение. – Все в порядке, Мэдок. Я давно принимаю противозачаточные. Постоянно,

после...

Она потупила взгляд.

Узел в сердце завязывался все туже и туже. Недолго думая, подхватил ее на руки и понес к кровати.

"После аборта", – собиралась сказать Фэллон.

Когда мне стало известно об аборте, я с трудом пытался разобраться в своих чувствах.

Я хотел, чтобы у нас появился ребенок, однако в то же время был рад, что этого не произошло. Вроде, бессмыслица, но какой-то смысл в этом все-таки имелся.

С одной стороны, мне была ненавистна мысль, что Фэллон пришлось пройти через такое испытание. Я сожалел, что мы не вели себя более осторожно. Сожалел, что она осталась одна тогда. Мне было противно, что кто-то другой – человек, которого я ненавидел, – принял решение о судьбе моего ребенка без меня.

С другой стороны, я понимал – мы были слишком молоды. Наверняка это изменило бы наши жизни не в лучшую сторону. Я знал, что в будущем хотел полный дом детей, но не сейчас.

Финальный вердикт: из меня получится хороший отец. И я был рад, что смогу подождать и выяснить наверняка.

Опустив Фэллон на ноги возле кровати, обрушил на нее свои губы, чуть ли не пожирая ее из-за нужды, и сорвал с себя куртку вместе с рубашкой. После того, как скинул свои туфли, принялся за пуговицу и молнию на ее джинсах.

– Нет, – прорычал, когда она начала расстегивать свою блузку. – Оставь. Сегодня я тебя раздеваю.

Не удержавшись, запустил руки под джинсы и провел ладонями вверх-вниз по ее гладкой заднице, облаченной в стринги. Стянул с нее брюки, затем наклонился, чтобы помочь разуться. Протяжно выдохнул, мысленно поблагодарив Фэллон за то, что она сама ничего не предпринимала.

Пусть я никоим образом не стал бы менять ночи, проведенные с ней в прошлом, все равно хотел искупить свои ошибки. По крайней мере, еще немного. Я не накинусь на Фэллон, словно изголодавшийся половозрелый юнец с преждевременным семяизвержением.

Медленно.

Она была в крошечных черных стрингах. Край ее блузки опускался чуть ниже талии. Фэллон посмотрела на меня с нетерпением и огнем в глазах, ожидая, когда же я приступлю к действиям.

Расстегивая пуговицы, ощущал, как часто и быстро вздымалась и

опала ее грудь под моими руками. Сжав ткань в пальцах, стянул блузку с ее плеч. Моя хватка усилилась, когда ощутил резкий прилив крови к члену.

К моему удивлению Фэллон надела прозрачный черный лифчик, под стать трусикам. Не заметил его под белой блузкой. Ее груди были отлично видны через тонкий материал. Я провел рукой по затвердевшему соску.

Коснувшись лица Фэллон, погладил большим пальцем ее нижнюю губу.

– Ты – воплощенная мечта.

Разомкнув губы, она взяла мой палец в рот, стала посасывать, потом медленно его отпустила. Каждый нерв в теле гудел, как бывает при онемении.

Заведя руку ей за спину, расстегнул застежку бюстгалтера, снял его и бросил на пол. После чего взял блузку, которую до сих пор держал в руке, и надел обратно на Фэллон.

Встретившись с ней взглядом, увидел в ее глазах немой вопрос, но что я мог сказать? Раньше я дразнил Фэллон по поводу ее стиля; по поводу того, как много она прятала, однако оказалось, что мне нравятся девушки с загадкой.

Осторожно толкнув ее на кровать, уложил на спину и стянул с нее трусики.

Нависая над Фэллон, заметил, как из-под распахнутой блузки виднеется одна из ее грудей, и произнес сдавленно:

– Я хочу видеть тебя в этой блузке, Фэллон. Только в ней. Всю ночь и каждый раз, когда заставлю тебя кончить.

Она сдвинула брови. Не дав ей шанса ответить, ввел палец в ее пылающее лоно, наслаждаясь тем, как Фэллон тихо застонала и запрокинула голову назад.

От каждого прикосновения создавалось ощущение, будто электрический разряд опускался в пах. Ее мышцы сократились, словно перчаткой облекая мой средний палец. Я двигал рукой вперед и назад, возбуждаясь все сильнее от того, с какой жадностью она двигалась мне навстречу. Ее стоны зазвучали громче и протяжней. Ввел еще один палец, не обращая внимания на то, как напряглась моя вторая рука, на которую я опирался.

Фэллон зажмурилась. Единственным источником звука в комнате служили ее частые вздохи.

Сохраняя ритм, продолжал ласкать ее, такую влажную, изнемогавшую от желания, затем стал поглаживать клитор большим пальцем. Она раскачивала бедрами все быстрее и быстрее навстречу моей руке.

– Ты кончаешь, Фэллон?

– Да, – простонала она, тяжело дыша, а потом выкрикнула: – Еще. Быстрее.

Ускорившись и усилив напор, я наблюдал за ее стараниями уловить ритм. Каждый толчок, каждый ее выдох звучал подобно мольбе.

Больше.

Быстрее.

Еще.

Сильнее.

– Проклятье, детка. Только взгляни на себя. – Я сглотнул, понимая, что она на грани. Понимая, что надолго ее не хватит.

Введя пальцы максимально глубоко, остановился и начал поглаживать ее изнутри.

– О, Боже! – вскрикнула Фэллон, выгнувшись на кровати, содрогаясь, после чего кончила. Запрокинув голову назад пару раз, она делала быстрые, неровные вдохи, пока я держал пальцы внутри нее и обводил клитор подушечкой большого пальца вновь и вновь.

Она была прекрасна. Я прошептал, нависая над ней:

– Фэллон.

Открыв глаза, она моргнула, явно до сих пор ощущая отголоски оргазма, если судить по напряженному выражению ее лица и испарине на лбу.

– Ты была у меня первой во всем. И моей единственной любовью.

Я хотел, чтобы она знала об этом. Невзирая на годы разлуки, на боль, мне хотелось, чтобы Фэллон знала – кроме нее я никого не любил.

Сев, она обхватила ладонями мое лицо.

– Теперь нас никто не остановит.

Только прозвучало это скорее как боевой клич, а не как констатация факта. Словно она сказала: "Да, мы поженились, и не в ваших силах этому помешать". Но также: "Валяйте, попытайтесь".

Когда поймал ее губы своими, мой язык сразу же проскользнул ей в рот. Я страстно поцеловал Фэллон. Каждая мышца в моем теле напряглась.

Отстранившись, поднялся, снял остатки своей одежды. Ее взгляд устремился к моей эрекции, а я не мог отвести глаз от ее груди, прикрытой лишь тонкой блузкой.

Снова опустившись на кровать, накрыл Фэллон своим телом. Не прерывая поцелуев, едва-едва вошел в нее, но сразу же вышел, распределяя головкой своего члена ее влагу по клитору. Почувствовал на губах вибрацию от ее стона, после чего снова в нее вошел – теперь наполовину, –

и вышел, вновь поглаживая головкой затвердевший клитор.

– Мэдок? – хныкнула Фэллон так, будто испытывала боль. – Я не пианино. Хватит со мной играть.

Улыбнувшись, опять вошел в нее, медленно, сантиметр за сантиметром.

– Я не слишком тяжелый? – спросил, опустившись на Фэллон всем своим весом.

В сексе я не очень жаловал миссионерскую позу. Другие варианты ощущались куда круче и предоставляли более хороший вид на женское тело, однако сейчас все было иначе. Я хотел почувствовать ее каждой клеточкой своей кожи.

Она покачала головой, не отрываясь от моих губ.

– Нет, мне нравится. – Фэллон провела ладонями по моей спине, спустилась к бедрам, надавила, чтобы я глубже проник в нее. – Да, – взмолилась она. – Вот так.

Господи.

Прислонившись своим лбом к ее лбу, вдохнул выдыхаемый ею воздух. Ее грудь, не прикрытая блузкой, покрылась потом. Ощущая трение ее разгоряченной кожи, был готов потерять рассудок. Мой член скользил внутри нее, наружу и внутрь, все быстрее, когда она нетерпеливо притягивала меня ближе к себе.

Черт, Фэллон просто изнемогала от желания, отчего я сам заводился. Меня надолго не хватит. Схватив ее за бедра, перевернул нас, чтобы она оказалась сверху. Блузка спала с ее плеча, обнажив одну грудь. Мне очень хотелось притронуться к ней, но я просто наблюдал за тем, как Фэллон двигалась. Придерживая ее за талию, не сводил с нее глаз. Она закусила уголок нижней губы; ее кожа блестела от испарины.

– О, Боже! – вскрикнула она, ускоряясь.

Я застонал, закрыв глаза.

– Давай, детка.

Трепет пробежал по телу; я больше не мог сдерживаться: слишком возбуждился, а Фэллон выглядела слишком сексуально.

– Мэдок. – Ее мученический шепот поразил меня прямо в сердце. Я выгнулся над матрасом, войдя в нее как можно жестче.

– Аххх. – Она застонала, содрогнулась, совершенно потеряв самообладание. Тоже дав себе волю, кончил в нее, снова и снова совершая толчки вверх.

Боже. Мои брови были до сих пор плотно сдвинуты, глаза закрыты. А тело и не собиралось расслабляться.

Никогда раньше не кончал в тело женщины без презерватива.

За исключением Фэллон. Несколько лет назад.

Неудивительно, что последствия оказываются плачевными. За удовольствие всегда приходится платить.

Фэллон упала мне на грудь. Какое-то время мы молчали, стараясь прийти в себя.

Но потом она прошептала мне в шею:

– Фэллон Карутерс, значит.

Я мгновенно перевернул ее на спину, готовый ко второму раунду.

Следующие двадцать четыре часа мы провели в номере отеля и наконец-то оторвались от задниц друг друга (не ищите никакого подтекста), чтобы поговорить.

– Ну, у меня есть небольшие сбережения. Отец платит за мое обучение авансом, а излишки переводит на мой счет для текущих расходов. Не великое состояние, однако, на начальный взнос для аренды квартиры хватит.

Я держал глаза закрытыми, но слушал внимательно.

– Что насчет платы за следующий год обучения? Тебе не понадобятся деньги для этого?

Она молчала несколько секунд, потом ответила:

– Мы что-нибудь придумаем.

Мне пришлось прикусить внутреннюю поверхность щеки, чтобы сдержать улыбку, только это не помогло. Тихий смех вырвался из моей груди.

– Что?

Я вздохнул, по-прежнему не глядя на нее.

– Фэллон, детка, мы в порядке. У нас не возникнет проблем с деньгами, даже если родители прекроют финансирование, – наконец сообщил ей.

– Что ты имеешь в виду? – Ее слова прозвучали более отрывисто.

– Я имею в виду, что мы в порядке. – Я пожал плечами. – Не волнуйся на этот счет.

Не услышав от Фэллон ответа или дальнейших расспросов, открыл один глаз и глянул на нее поверх ноутбука. Она выглядела так, словно вот-вот вскипит.

Раздраженно выдохнув, повернулся на бок, оперся на один локоть. Забрав у нее ноутбук, вошел в свой банковский аккаунт, после чего развернул монитор к Фэллон. Не дожидаясь ее реакции, лег обратно и

закрыв глаза.

– Боже мой, – тихо воскликнула она. – Это... твой сберегательный счет?

Я заворчал.

– Все эти деньги принадлежат тебе? – продолжила допытываться Фэллон, как будто не поверила мне. – Твой отец не имеет к ним доступа?

– Большая часть этих средств не имеет никакого отношения к моему отцу. Мамина семья богата сама по себе. Мама передала мне наследство, когда я окончил школу, – пояснил я.

Я редко снимал деньги со своего счета. Отец оплачивал все мои расходы, а на случай, если не хватало наличных, оформил кредитную карту. Ему нравилось быть в курсе моих дел, поэтому отчеты по кредитке приходились кстати, когда его не оказывалось поблизости, чтобы проверить, чем я занимался. Дело не в том, что он не доверял мне. Доверял. Просто, как я думал, глядя на перечень покупок, папа чувствовал, будто принимает участие в моей жизни. Будто он все контролирует.

О, посмотрите-ка. Мэдок заправил машину в 8 утра в субботу. Наверно, возвращается домой с вечеринки.

О, посмотрите-ка. Мэдок купил автозапчасти. Должно быть, готовится к гонке.

О, посмотрите-ка. Мэдок ходил в "Сабвэй". Рад, что он ест.

– Твоя мать передала восемнадцатилетнему столько денег?

Я распахнул глаза, вернувшись в настоящее.

Посмотрев на Фэллон, нахмурился, притворившись оскорбленным.

– Эй, я надежный человек. Сама знаешь. – Я рассмеялся, заметив ее приподнятые брови, и продолжил: – Отец также передал мне треть трастового фонда в честь поступления в колледж. Вторую треть я получу после выпуска, а последнюю – когда мне исполнится тридцать. Но даже без этих двух частей у нас все будет в порядке, что вполне очевидно. – Махнул рукой в сторону ноутбука, ссылаясь на баланс своего счета. – Ты вернешься на учебу в понедельник, я переведусь из Нотр-Дама, и мы найдем квартиру здесь, в Чикаго.

Сложив руки за головой, стал ждать ее реакции. Меня обрадовало, что Фэллон действительно была готова рискнуть своим благосостоянием ради меня, но такого никогда не случится.

Надув губы, она прищурилась.

– Ты давно все продумал, разве не так?

– Разумеется, продумал. – Я сверкнул ребячливой улыбкой. – Думаешь, я бы завел жену, о которой нужно заботиться, не имея плана действий?

Приподнявшись, обхватил рукой ее шею, притянул к себе. Но как только Фэллон закрыла глаза, без сомнений предвкушая поцелуй, лизнул кончик ее носа вместо этого и плюхнулся обратно на кровать, закрыв глаза.

– Только не пытайся развестись со мной и отсудить половину, – пригрозил.

– Фу, какая гадость, – заныла она, вероятно, стирая мою слюну со своего лица.

Я услышал, как захлопнулся ноутбук, матрас прогнулся, когда Фэллон оседлала меня. Собрался положить руки ей на бедра, только она схватила их и прижала по сторонам от моей головы.

– Нет, – сказал, покачивая головой. – Я устал. Больше не буду. Ты меня не заставишь.

Но было поздно. Едва ощутив ее вес на себе, ее жар на своем животе, сразу же прижался к ней своими бедрами. А от ее опаляющего дыхания, обдавшего мою кожу, дрожь пробежала по телу, прямиком к паху.

Черт.

У меня уже началась эрекция, но я нуждался во сне. Не хотел, а именно нуждался. Рот Фэллон припал к моей шее; она меня укусила. Я предоставил ей лучший доступ.

– Детка, – простонал сдавленно. – Я не хочу покидать эту комнату. Никогда. Сними мою футболку со своего тела. Сейчас же.

Раздавшийся стук в дверь заставил нас обоих резко обернуться в направлении шума.

– Мэдок Карутерс? – послышался чей-то строгий голос.

Фэллон повернулась ко мне, широко распахнув глаза. Я приподнялся, усадив ее рядом с собой на кровать.

Подходя к двери, покачал головой, потому что на меня снизошло понимание. Нужно было попросить Джареда зарезервировать номер. Мне хватило ума не воспользоваться кредитной картой, однако я не думал, что отец станет тратить время, обзванивая отели Чикаго в поисках своего блудного сына.

– Да? – отозвался я, открыв дверь. Моя челюсть мгновенно отвисла.

Копы? Какого дьявола?

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов, – сказал подтянутый темнокожий офицер, державший руку на своей дубинке. Я не считал это признаком угрозы. Может, стоило? Рядом с ним стояла женщина. Средних лет, рыжая.

– По поводу?

Дама дернула подбородком.

– Фэллон Пирс с вами?

Мое сердце бешено заколотилось. *Что происходит?*

– Да, – наконец ответил я.

– Ваша сводная сестра, верно? – уточнил второй офицер.

Прикрыв веки, вздохнул.

– На данный момент... да. Наши родители разводятся.

– В чем дело? – спросила Фэллон, подойдя ко мне сбоку. Она надела джинсы, в которые заправила свою блузку. Все ее скомканные вещи валялись на полу последние сутки. Очки свои она тоже не преминула надеть.

– Вы – Фэллон Пирс?

Фэллон скрестила руки на груди.

– Да.

– Ваша мать подала заявление о вашем исчезновении вчера утром, – пояснила Рыжая. – Она уверяет, что мистер Карутерс угрожал ей, а именно пообещал... – Глянув в свои записи, она продолжила: – Проломить ее головой стену. После чего похитил вас.

Оба копа посмотрели на меня. Я захотел рассмеяться. Фэллон повернулась ко мне, ухмыляясь. Несмотря на серьезность ситуации... учитывая визит копов... мы расхохотались.

Полицейские обменялись взглядами. Моя грудь продолжала сотрясаться от смеха, а Фэллон прикрыла свою улыбку ладонью.

– Вы угрожали миссис Карутерс, сэр?

Которой миссис Карутерс? Так и тянуло спросить, но я воздержался. Пока никому нельзя рассказывать о нашем браке. Родители тоже должны узнать от нас самих, больше ни от кого, если мы хотели быть воспринятыми всерьез.

– Офицеры, – поспешил уверить я, – наша семья сейчас переживает определенные трудности. Я бы никогда пальцем не тронул свою мачеху. Фэллон находится здесь по собственному желанию. Никаких проблем нет.

– Мистер Карутерс, – начал коп. – Мы знаем, кто ваш отец...

Но тут разразился полнейший хаос. К нам подбежала женщина в сопровождении оператора и сунула между полицейскими микрофон, целясь мне в лицо. Я отшатнулся назад, а Фэллон схватила меня за руку.

– Мэдок Карутерс? – выкрикнула она, врезавшись в копов. – Сын Джейсона Карутерса? Вы состоите в интимных отношениях со своей сводной сестрой? Мать вашей сестры заявляет, что вы ее похитили?

Мое гребанное сердце застряло в гортани, будто бейсбольный мяч. Я перестал дышать.

Твою ж мать! Вот дерьмо!

Сглотнув, посмотрел на Фэллон.

– Так, достаточно! – проворчал один из офицеров, после чего они оба обернулись и подняли руки, ограждая нас от вторжения.

Какого черта? Мой папа – большая шишка, но не настолько уж. Кто-то наверняка слил информацию этим людям.

Женщина-коп ответила спокойным тоном:

– Давайте вернемся к порядку. Вы мешаете работе полиции.

– Он удерживает вас против вашей воли? – Репортерша откинула свою каштановую челку, попадавшую в глаза. Держалась она очень решительно и напористо.

Я нагнулся, чтобы закрыть дверь, но Фэллон рявкнула:

– Перестаньте, – распорядилась она. – Он не *мистер Карутерс*. Мэдок не удерживает меня против воли, ради всего святого! И мы не состоим в каких-то грязных отношениях. Он мой...

О нет.

– ... муж!

Я закрыл глаза и испустил тихий стон, поморщившись.

Черт. Дерьмо. Ну что за хрень.

Подтолкнув Фэллон обратно в комнату, захлопнул дверь. Снаружи послышалось, как копы попросили репортера и оператора удалиться.

Заперев замок, прислонился спиной к стене, сполз вниз, плюхнувшись на задницу.

Подогнул колени, уперся в них локтями и стукнулся головой о стену.

– Великолепно. – Я сделал вдох, выдохнул, едва заметив, что Фэллон осталась стоять на месте.

Сжал кулаки. Уверен, мое лицо залилось пунцовой краской. Я чувствовал себя круглым идиотом. Почему я всегда недооценивал Патрицию?

– О, Боже, – наконец-то подала голос Фэллон, выглядевшая ошеломленно. – Это ужас какой-то. Моя мать – сумасшедшая.

– Нет, она умна, – безэмоционально ответил я. – Мы только что-то попали в сводку новостей и опозорили моего отца.

Она уронила голову, подошла и села рядом со мной.

– Мэдок, извини. Я запаниковала.

Я обнял ее.

– Все в порядке. Полагаю, теперь нам не нужно беспокоиться о том, как рассказать родителям.

Все – абсолютно все – к вечеру узнают, что я женился. Сообщениям и

звонкам конца не будет какое-то время; родственники и друзья станут допытываться о происходящем.

– Как они узнали, что мы здесь? – спросила Фэллон.

– Я зарегистрировался под своим именем. – Ответ не выдал всей степени моего стыда. – Твоей матери не составило бы труда найти нас, если она знала, что мы не на учебе.

Она тяжело вздохнула.

– О нас расскажут в одиннадцатичасовых новостях.

– В интернете информация появится через пять минут. СМИ вынуждены соревноваться со скоростью Фэйсбука, в конце концов. Они обнародуют это в мгновение ока.

Потрясенный, я сидел молча и пытался придумать, что делать дальше.

– Посмотри на меня, – настойчиво попросила Фэллон.

Я послушался, утонув в такой знакомой зелени ее глаз.

– Нам нельзя здесь оставаться, – заявила она. – Куда поедем?

Прислонившись головой к стене, облизал губы, размышляя.

Мы с Фэллон не сделали ничего плохого. Не сбежали, просто чтобы устроить себе мини медовый месяц. К тому же мы не начнем наш брак, опасаясь гнева родителей. Если хотим, чтобы нас уважали, как взрослых, значит, пора держать ответ за свои действия.

Я поднялся, утягивая Фэллон за собой.

– Домой, – сказал ей. – Мы вернемся домой.

К моему дому мы подъехали в районе десяти часов. Черное, словно смоль, небо было усыпано звездами. Ели, которые Эдди посадила, чтобы сад круглый год оставался зеленым, гнулись от легкого ветра.

Копы вернулись в наш номер, задать несколько оставшихся вопросов.

Да, мы с Фэллон поженились. Вот подписанное разрешение.

Нет, естественно, я ее не похитил. Видите? Никаких синяков, и она улыбается.

Да, я угрожал мачехе. Тут пускаю в ход "папочкино" влияние. Вы не тронете меня, потому что я – Мэдок Карутерс.

Теперь, пожалуйста, уходите. У нас медовый месяц.

Они ушли. Мы приняли душ и привели себя в надлежащий вид, затем за час доехали до Шелбурн-Фоллз.

– Подожди, – распорядился я, когда Фэллон потянулась к ручке своей дверцы.

Вылез наружу, обогнул капот, помог ей выбраться из машины, взял за руку, и мы бок о бок поднялись по лестнице на крыльцо.

Я обхватил ее холодные щеки ладонями.

– Не повышаем голос, не извиняемся.

Она кивнула. Порог мы переступили вместе.

В фойе и всех прилегающих комнатах было темно, слышалось лишь тиканье часов и шум сплит-систем. Учувя запах поджаренного на гриле стейка и кожаной мебели, мгновенно ощутил себя дома. Здесь всегда так пахло.

Помню, Тэйт однажды сказала, что любит запах шин. Он ей знаком, и навевает воспоминания. Когда я ощущал аромат мяса, приготовленного на углях, всегда думал о летних вечерах у бассейна. Мама спрашивала, хочу ли еще баночку газировки Краш. Папа – в случаях, если оказывался дома – руководил грилем и болтал со своими друзьями. А я смотрел, как фейерверки озаряли звездное небо.

Несмотря на проблемы нашей семьи – у всех семей есть проблемы, – я рос счастливым ребенком. Могло бы быть лучше, только и так было вполне неплохо. Я никогда ни в чем не нуждался. Никогда не испытывал недостатка в людях, души во мне не чаявших.

Это мой дом, и он хранил в себе все мои хорошие воспоминания. Сюда мне хотелось вернуться первым делом всякий раз, когда я куда-либо сбегал. Патриция Карутерс может забрать наше имя, забрать деньги, но дом она получит только через мой труп. Я должен найти способ ее победить.

Не знаю, спал ли уже отец, но он точно был здесь. Его Ауди стояла у подъездной дорожки.

Держась за руки, прошли с Фэллон по коридору, свернули налево, подошли к папиному кабинету.

– Думаешь, наши дети нас ненавидят? – спросила женщина. Я резко остановился.

Жестом указал Фэллон не шуметь, приложив палец к губам. Мы вдвоем прильнули к приоткрытой двери, прислушиваясь.

– Не знаю, – ответил мой отец обреченным тоном. – Думаю, я не стал бы винить Мэдока, если он меня возненавидит. Джаред любит тебя?

Кэтрин Трент. Вот, с кем он разговаривал.

– Думаю, да, – тихо произнесла она. – И, если вдруг он завтра женится, я буду чертовски беспокоиться. Однако у меня не возникнет сомнений, что он следует зову сердца. То есть, посмотри на нас, Джейсон. Кто скажет, что у них ничего не получится в восемнадцать, если мы наломали дров в более позднем возрасте? Разве мы эксперты?

Проклятье. Невидимые руки скрутили мои внутренности, словно тряпку. Папа знал о свадьбе.

Послышались тяжелые шаги.

– Дело не в этом, а в приоритетах, Кэтрин. Моему сыну нужно окончить колледж. Он должен познать жизнь. Ему достались дары привилегий и возможностей. А теперь у него появился отвлекающий фактор.

Взяв Фэллон за руку, посмотрел ей в глаза.

Из офиса донесся шорох, потом шум колесиков кресла, вздох отца. Должно быть, он сел. Прищурившись, попытался определить, злился он или расстроился. Я не мог разобраться. Затем услышал стон и надрывный вздох, прям как при гипервентиляции легких. Но нет.

– Я все испортил, – сдавленно проговорил отец. Он плакал.

– Шшш, Джейсон. Не надо. – Кэтрин тоже заплакала.

"Мой отец", – подумал я. Мой отец плачет. На грудь опустил тяжкий груз. Посмотрев вниз, заметил, как Фэллон поглаживала большим пальцем мою руку. Когда поднял взгляд, ее подбородок задрожал.

– Мой дом пуст, Кэтрин. – Его голос звучал так печально. – Я хочу, чтобы он вернулся.

– Мы были плохими родителями, – прошептала она, всхлипнув. – Дети заплатились за наш образ жизни, теперь нам пора расплачиваться за их. Он нашел девушку, от которой не может держаться в стороне. Они сделали это не для того, чтобы причинить тебе боль, Джейсон. Они влюблены. – После ее слов я улыбнулся. – Если хочешь вернуть сына, – продолжила Кэтрин, – открой объятия шире.

Крепче сжав ладонь Фэллон, прошептал:

– Мне нужно несколько минут с ним наедине.

Ее глаза блестели от скопившихся в них слез. Она понимающе кивнула. Пройдя мимо меня, Фэллон направилась в кухню.

Распахнув дверь, увидел отца. Он сидел в кресле, опершись на локти и подпирая голову руками. Кэтрин – на коленях перед ним. Явно утешала, как я предположил.

– Мисс Трент? – обратился к ней, засунув руки в карманы куртки. – Могу я поговорить с папой наедине, пожалуйста?

Они синхронно вскинули головы. Кэтрин поднялась.

Она выглядела красиво в бежевом домашнем платье в красный горошек а-ля 40-е. Ее шоколадного цвета волосы – такого же оттенка, как и у Джареда – спадали по плечам крупными локонами, но некоторые пряди были собраны заколками у висков.

Отец же выглядел кошмарно. Волосы растрепаны – скорее всего, то и дело теребил их пальцами; рубашка помятая, голубой шелковый галстук

распущен. И он точно плакал.

Папа сидел, не шевелясь. Кажется, он вообще немного меня побаивался.

Кэтрин прочистила горло.

– Конечно.

Я отступил от двери, пропуская ее. Только когда она проходила мимо, схватил за руку, чтобы остановить. Поцеловав Кэтрин в щеку, признательно улыбнулся.

– Спасибо, – прошептал.

Прежде чем выйти за дверь, она кивнула. Ее глаза сияли от слез.

Отец не встал с кресла. Я окинул кабинет взглядом, вспоминая, как в детстве мне сюда запрещалось заходить. Он ничего не прятал. Не тут, по крайней мере. Однако однажды сказал, что в этой комнате сосредоточена "вся его жизнь", и здесь не место детям.

Думаю, именно тогда я впервые осознал, что не являюсь для папы главным приоритетом. Существовали вещи, которые он любил больше меня.

Но глядя на него сейчас... В глазах усталость, тело напряжено. Судя по повисшему молчанию, отец не знал, что сказать. Все это подталкивало к обратному заключению.

Может, ему не все равно.

Глубоко вздохнув, сделал шаг в его сторону.

– Ты мне никогда не нравился, пап, – медленно произнес я. – Ты слишком много работал, никогда не приходил, даже если обещал. Из-за тебя мама плакала. Тебе казалось, что деньги все исправят. Самое худшее – ты ведь не глуп. Ты знал, чего лишал свою семью, но все равно это делал.

Я прищурился, бросая ему вызов. Пусть отвечает. Хоть как-то объяснит свои поступки.

Однако при первых моих словах он опустил взгляд и ни разу не оторвал его от стола.

Поэтому я продолжил, расправив плечи:

– Я люблю Фэллон. И этот дом люблю. Я хочу, чтобы ты присутствовал в моей жизни, но, если будешь командовать и важничать, тогда можешь валить ко всем чертям. – Сделав паузу, подошел к столу. – Ты нам не нужен. Но я люблю тебя, папа.

Я сжал челюсти; моргнул, избавляясь от чувства жжения.

Он поднял глаза. Такого выражения я в них еще не видел. Они блестели от слез, но его взгляд был полон решимости. Отец собирался бороться. Он беспокоился о моем образовании, о том, найдем ли мы с

Фэллон работу, как будем справляться с семейной жизнью, когда нам еще взрослеть и взрослеть, только один момент он упустил.

Я перестал взрослеть после отъезда Фэллон.

И снова начал, когда она вернулась домой.

Нужно найти то, что любишь. То, за что готов сражаться, чтобы жизнь была целью, а не работой. Фэллон не станет преградой моему будущему. Отец стал.

Сохраняя зрительный контакт, ждал ответа, однако он сам должен понимать. Если не поддержит нас, мы справимся без него.

Наконец-то встав, папа провел руками по волосам, затянул галстук ту же. Я проследил, как он прошел к сейфу, набрал комбинацию, достал какие-то бумаги. После чего вернулся к столу, подписал документ и протянул мне через стол.

Я замешкался. Вероятно, это его новое завещание, в котором он оставляет меня без единого цента, или прочая подобная хрень.

– Оставшиеся две трети твоего трастового фонда пока останутся у меня и будут поделены по первоначальному плану, – пояснил папа. – А это подарок на свадьбу... если нам удастся его сохранить.

Сбитый с толку, снова развернул бумаги. На моих губах промелькнула тень улыбки.

– Дом? – удивленно спросил я.

Он передал мне права собственности на дом, но там значилось не мое имя. Радость и непонимание закружились в моей затуманенной голове.

Хотел ли я получить дом?

Да.

На веки вечные?

Черт, да!

Мне тут нравилось, и Фэллон тоже. Если у нас получится удержать его в руках Карутерсов, мы это сделаем. Только что это означало для отца? Я не хотел, чтобы он уходил.

Практически.

Нет, не очень.

– Патриция пытается отобрать дом. Уверен, ты об этом знаешь. – С таким мрачным взглядом отца я был лучше знаком. – Но я буду таскать ее по судам столько, сколько понадобится. Это может занять год, однако я выиграю. Дом оформлен на мое имя, но, будучи моей женой, она тоже имеет на него права до тех пор, пока суд не постановит обратное. Я переоформлю документы на тебя, когда угроза минует. – Он выпрямился, протянул мне руку. – Все равно по факту этот дом твой. Я знаю, что тебе и

Фэллон... и Эдди... тут нравится, и хочу, чтобы у тебя было свое пристанище.

Я пожал ему руку. Бешеный поток крови в венах замедлился. Не знаю, действительно ли отец сдался, действительно ли настолько устал от всей этой драмы или просто блефовал.

Однако, когда посмотрел ему в глаза, они затянулись пеленой слез. Не успел я опомниться, как он дернул меня к себе и обнял.

– Ого, – прокряхтел я, ощутив сокрушительную силу его объятий. Сомневаюсь, что это шутка, что должно быть смешно, но редкие и странные явления забавны. Для меня.

Вот только, стараясь отдышаться, я понял, что папа не собирался меня отпускать. Стиснул так, будто заключил в стальные оковы. Я не мог вспомнить, когда в последний раз оказывался в его объятиях.

Не думаю, что даже тогда папа держал меня так крепко.

Я медленно поднял руки и обнял его в ответ.

– Кэтрин права. – Он отступил на шаг, сжав пальцами мои плечи. – Ты не можешь удержаться в стороне от нее, верно?

– Если бы у тебя появилась возможность вернуться в прошлое и изменить ситуацию с Кэтрин...

Отец кивнул.

– Тогда вы бы с Джаредом стали сводными братьями давным-давно, – договорил он понимающе.

– Я не хочу жить с похожими сожалениями. Я принял решение, пап, – заявил, отстаивая свою позицию. – У нас все будет в порядке.

Боясь разрушить свой предыдущий брак, боясь сложностей борьбы с алкоголизмом Кэтрин, отец позволил преградам встать у него на пути. На его примере я усвоил урок: с такими ошибками можно справиться. С потерей времени – нельзя.

Хлопнув ладонью по моей спине, он тяжело вздохнул.

– Ну, где Фэллон?

Фэллон

Кэтрин пришла на кухню немногим позже меня. Я захотела сжаться и исчезнуть.

Пока она не приблизилась ко мне, чтобы обнять.

Я перестала дышать, совершенно сбита с толку.

Ага, привет. Я – та самая девушка, которая угрожала разоблачить ваш роман по ТВ, и единолично ответственная за хаос, свалившийся на голову вашего бойфренда в связи с разводом. Но, разумеется, давайте обнимемся!

Когда она меня отпустила, я уселась на высокий табурет, а Кэтрин принялась доставать из холодильника ингредиенты для мороженого.

У меня накопилась уйма вопросов. Она, в конце концов, тайно встречалась с мужем моей матери. Я должна презирать ее. Или, как минимум, испытывать к ней неприязнь. Мне уж точно не следовало уважать разлучницу.

Однако по какой-то причине – или по многим причинам – я чувствовала, что в этой компании именно моя мать самая подлая.

Один аспект относительно Кэтрин был неоспорим. Роман, продлившийся восемнадцать лет – это настоящая любовь.

Она была красива, ко всему прочему. И молода. Достаточно молода, чтобы родить еще одного или нескольких детей.

– Я удивлена, что вы так спокойно отнеслись к нашим новостям, – сказала, зачерпнув ложкой свой пломбир с карамелью.

Кэтрин пожала плечами, готовя порцию мороженого для Мэдока. Шоколадного.

– Я тоже начала рано, – призналась она. – Но, в отличие от меня, у вас с Мэдоком есть отличная система поддержки.

Да, Кэтрин права. Я до сих пор не знала, какотреагирует мой отец, но собиралась утром позвонить ему первым же делом. Вот только у нас с Мэдоком имелись средства к существованию, и хотя бы Эдди была на нашей стороне. Нам повезло.

– Не бойтесь, что Джаред вдохновится и сделает предложение Тэйт? – поддразнила я.

Она тихо засмеялась, запрокинув голову назад.

– Нет. – Ее ответ прозвучал уверенно.

– Нет?

– Думаю, вы с Мэдоком преодолели... более зрелые проблемы, скажем так? Я понимаю, почему брак кажется естественным следующим шагом в данной ситуации. Что же касается Джареда и Тэйт? Они слишком долго причиняли друг другу душевные страдания, поэтому сейчас, мне кажется, им просто хочется, чтобы их предоставили самим себе. Им нужен покой.

Вдруг из коридора послышались голоса Мэдока и его отца. Обернувшись, мы с Кэтрин увидели, как они вошли в комнату с улыбками на лицах.

В животе все сжалось в предвкушении, однако затем мои плечи немного расслабились. Заметив, что Джейсон направился прямо ко мне, я заправила волосы за уши и проинспектировала свой наряд: джинсы, черная футболка с длинными рукавами, а поверх все тот же тренч от Барберри. Волосы были распущенны, но "свадебные" локоны до сих пор сохранились и выглядели вполне достойно, когда я смотрелась в зеркало в последний раз, несмотря на сутки, проведенные в постели с Мэдоком.

Судя по взгляду, Джейсон был спокоен и радушен, но, похоже, не дышал. Несмотря на благожелательный настрой, держался он настороженно.

Приподняв мой подбородок, он быстро и мягко поцеловал меня в лоб, затем взял за руку, глянул на кольцо.

– Хорошо смотрится на тебе. Поздравляю.

А?

И все? Такого быть не может.

– Спасибо, – пробормотала я, подбирая челюсть с пола.

– Если хотите, совет вам от мужчины с практически двумя разводами за плечами... – Джейсон перевел взгляд с Мэдока на меня. – Спорьте. Решайте все спорами. Не выходите из дома злыми, не ложитесь в постель рассерженными. Спорьте, пока проблема не будет улажена. Конец ссоры – это начало отступления.

После этого он посмотрел на меня.

– Не давай ему спуску. Поняла?

Сглотнув, быстро кивнула.

– Мистер Карутерс? – произнесла я.

Он приподнял брови.

– Джейсон.

– Джейсон. Я должна перед вами извиниться. Эта кутерьма с разводом...

– Должна была произойти, – договорил папа Мэдока, перебив меня. – Все в порядке. Ну, будет в порядке со временем.

Кивнув Кэтрин, он направился вместе с ней к выходу.

– Мы с Кэтрин сегодня переночуем у нее. Увидимся в пятницу на благотворительном аукционе.

И они ушли.

Мэдок плюхнулся на табурет у барной стойки. Притянул меня себе между ног, уткнулся носом в шею, отчего по позвоночнику дрожь пробежала.

– Мэдок? – я закрыла глаза, склонившись навстречу его фееричным поцелуям. – Малыш, извини, но мне нужно вернуться в колледж завтра.

Он остановился. В смысле, остановился настолько резко, что у меня мелькнула мысль, будто он умер. Отстранившись от моей шеи, Мэдок перевел раздраженный взгляд своих голубых глаз на меня.

– Зачем? – Это прозвучало скорее как вызов, чем вопрос.

– Ох, я получила и-мейл от профессора. – Подняв телефон, указала на дисплей. – Он не возражает, если я пропущу несколько занятий, но завтра состоится лекция приглашенного преподавателя, а в пятницу пройдет тест. Они очень важны.

Я и без того прогуляла несколько дней.

Мэдок наконец-то тяжело вздохнул.

– Ладно. Я останусь у Джареда, чтобы нам не пришлось расставаться. Ты пойдешь на занятия, я займусь оформлением перевода в Северо-Западный, и вместе начнем подыскивать квартиру. В любом случае нам нужно в Чикаго в пятницу, на этот благотворительный аукцион. Выедем завтра рано утром.

Положив руки ему на плечи, сплела пальцы позади его шеи.

– Спасибо.

Я склонилась к Мэдоку, окунувшись в его мужской запах, обхватила губами его верхнюю губу, он обхватил мою нижнюю. Это наш традиционный поцелуй. Две пары губ, слитые вместе. Замерев, мы просто дышали друг другом.

Как же я любила его запах. Мне нравилось, что Мэдок пользовался одеколоном, и всегда будет пользоваться. Без вариантов.

– Пошли, душ примем, – прошептал он против моего рта.

Я покачала головой.

– Нет, иди сам.

– Нет, я имел в виду, что хочу в душ с тобой.

Расстегивая свой тренч, попятилась назад.

– У меня другие планы. Иди в душ, а через десять минут найди меня.

Мэдок наморщил лоб.

– Найти тебя?

Больше я ничего не сказала. Спустя двадцать секунд он понял, что разговор окончен, и поднялся вверх, ухмыляясь.

Я тоже улыбнулась. Мэдок думал, что только он способен на проказы.

Достав чистый лист из факса, стоявшего на кухне, написала для него загадку (прекрасно зная, как он люююююююбит загадки), которую оставила у основания балясины.

*В прошлом, во время наших войн,
Я ждала ночами, когда ты постучишь в мою дверь.
Теперь найди меня на этом этаже,
В той комнате, где охотятся вампиры,
Где я была оторвана от твоих губ.*

Сняв тренч, бросила его на черно-белый пол около лестницы. Поднявшись на несколько ступеней, продолжила раздеваться и разбрасывать свою одежду по пути, через небольшие промежутки. Балетки, джинсы, футболку. Затем расстегнула лифчик и оставила его на бежевом плюшевом ковре в коридоре, ведущем направо.

В одних лишь красных кружевных стрингах прошла по тускло освещенному коридору в домашний кинотеатр, благодарная тому, что прохлада, окутавшая мое тело, отвлекла от громыхавшего в груди сердца.

Я ненавидела эту комнату.

И любила ее.

Медленно повернув ручку регулировки на стене, настроила мягкое освещение. Оглянулась по сторонам, заметив, что ничего не изменилось. Хотя я и не ждала перемен.

Этим помещением редко пользовались, но оно было рассчитано на толпу. Несколько черных кожаных кресел и диванов были расставлены перед огромной плазменной панелью, висевшей на стене и окруженной тремя экранами поменьше с каждой стороны. Кофейного цвета стены украшали семейные фото и спортивная атрибутика. Вкупе с кремовым ковром комната казалась уединенной и уютной.

Мы с Мэдоком часто смотрели здесь телевизор, хотя любезностями обменивались редко. А Джейсон Карутерс приходил сюда лишь иногда по воскресеньям, чтобы посмотреть игры Супер Кубка.

Тихо ступая, провела ладонью по прохладной, гладкой кожаной обивке нашего дивана. Именно на нем мы смотрели Дневники Вампира. На нем игнорировали друг друга, невзирая на плотное облако напряжения, нависавшее между нами. На нем мы спали, когда меня отослали из дома.

Внутри все сжалось; я ощутила, как шоковая волна опустилась вниз,

мне между ног, отчего на губах заиграла улыбка.

Это место должно наводить на меня страх. Здесь я была неожиданно разбужена орущей матерью и разозленным отчимом, который даже говорить не мог. Мама стянула меня, одетую только в футболку Мэдока, с дивана, потащила в коридор, где стоял Джейсон, отказавшийся посмотреть мне в глаза. Мэдока не оказалось поблизости. Через двадцать минут я была одета, мои вещи собраны. После чего меня, не подозревавшую о беременности, увезли.

Эта комната должна сулить плохие вести, но все было не так.

Обивка приятно ощущалась на моей коже. Помню, я была так благодарна Мэдоку за то, что он уговорил меня наконец-то выбраться из моей спальни той ночью.

Я забралась на диван, опустилась на колени, оперлась предплечьями на спинку и стала ждать, гадая, найдет ли меня Мэдок. Когда дверная ручка начала поворачиваться, мне пришлось силой подавить улыбку и силой поджать пальцы на ногах, чтобы обуздать свой восторг.

Как только он открыл дверь, его взгляд сразу метнулся ко мне. Я соблазнительно ухмыльнулась, надеясь показаться игривой, а не нимфоманкой, которой стала в последнее время. Мэдок был в черных пижамных брюках, низко сидевших на бедрах; его золотистая кожа казалась теплой и гладкой. У меня потекли слюнки. Его рельефный пресс напрягся; мои глаза начали осматривать его торс, поднялись к груди, и выше. Мне нравилось, как влажные волосы Мэдока торчали в разные стороны, словно он специально их так уложил. Однако когда мой взгляд достиг его лица, привычной веселости я не обнаружила.

Сглотнув, он поднял мою записку.

– Домашний кинотеатр.

Почему Мэдок не смотрел на меня? Он оглядывался по сторонам.

– Я... эээ... – ответила, заикаясь. Мой пульс участился. *Черт!* Мэдок разозлился?

– Рада, что ты догадался, – сказала я, склонив голову набок, в попытке завлечь его.

– Да, ну... последняя строчка помогла. – Он тяжело вздохнул. – Слушай, Фэллон. Я не хочу тут находиться. Может, просто пойдем в спальню?

Что? Почему?

– Мэдок, – окликнула торопливо, чтобы остановить его. – Я знаю, что здесь мы виделись в последний раз перед моим отъездом, но нам не обязательно бояться этого места.

Я встала с дивана, остановилась возле подлокотника, скрестив руки на груди. Жаркий взгляд голубых глаз Мэдока скользнул по моему телу, затем робко вернулся к моему лицу.

Он подошел ко мне. Каждый его твердый шаг отдавался вибрацией в моих венах. Положив ладонь на заднюю поверхность моей шеи, Мэдок глубоко поцеловал меня. Его язык моментально проскользнул мне в рот, отчего по телу разлилось тепло.

– Мэдок, – сдавленно произнесла я, когда он поднял меня с пола, обхватив руками мою задницу. Я обвила ногами его талию.

Мне понравилось, как он взял меня на руки.

Но то, что двинулся в сторону двери – не понравилось.

– Мы уезжаем через шесть часов, – угрожающе предупредил Мэдок, – и этого вполне может не хватить, чтобы опробовать на вкус каждую часть твоего тела. Но я хочу начать прямо сейчас. Мы идем в постель.

– Мэдок, нет! – Я ухватилась руками за дверной проем, из-за чего ему пришлось остановиться. – Нет! Я хочу остаться тут.

Он надавил немного. Несмотря на натяжение, моя хватка только усилилась. Если Мэдок хотел уйти отсюда, ему стоило лишь приложить чуть больше усилий. Он сдерживался ради меня.

– Ну, зато я не хочу, – возразил Мэдок. – Ладно тебе. Мы уже не дети. Мы займемся этим в постели, как взрослые, а не на диване, словно озабоченные подростки.

– Мы и есть озабоченные подростки.

Он нахмурился, глянув на меня.

– Идем, или я начну тебя щекотать.

Я напряглась, и едва не опустила руки после этой угрозы, но сдержалась.

Высвободившись из объятий Мэдока, опустилась на пол, толкнула его ладонями в грудь, заставив сделать шаг назад. После чего потянулась к двери и захлопнула ее.

Глаза Мэдока округлились; он встретился со мной взглядом, когда я преодолела короткую дистанцию между нами, оттеснив его к спинке дивана, и дала волю своим рукам. Запустила пальцы ему в волосы, поцеловала жестко и быстро, сначала в губы, потом переместилась на шею, второй рукой сжала его эрекцию, уже пульсировавшую в моей ладони.

– Фэллон... Боже, – выругался Мэдок.

Однако он все равно запрокинул голову назад, когда удовольствие овладело им. Мэдок запустил пальцы мне в волосы, пока я покрывала поцелуями его грудь и живот.

Встав на колени, стянула с него брюки, обхватила ладонью его член, провела языком по головке. Моя штанга со звоном ударилась о пирсинг Мэдока. Он дернулся, распахнул глаза, посмотрел на меня яростно и оскалился.

– Фэллон, – произнес Мэдок предупредительным тоном.

– Я хочу. Пожалуйста? – попросила тихо.

Он зажмурился; его кулак, сжимавший мои волосы, слегка расслабился.

Снова медленно взяла его в рот, упиваясь запахом геля для душа, разбудившего во мне голод. Потом провела языком по нижней поверхности члена из стороны в сторону, чтобы Мэдок почувствовал шарик моей штанги. Его член дернулся у меня во рту. Вкус Мэдока и его серебряного пирсинга распалили мои старания. Расслабив гортань, вобрала его в себя на всю длину.

– Детка, – прошептал он, втянув воздух через сжатые зубы. – Надеюсь, ты не научилась этому с другим парнем.

Выпустив его член, начала быстро и жестко посасывать головку. Повторив так раз десять, ответила:

– Мы с Тэйт нашли книгу для исследований в прошлом месяце.

– Серьезно. – Это был не вопрос. – Как сексуально.

Зная Мэдока, он представил нас с Тэйт практикующимися на огурцах.

Она планировала сделать это для Джареда, только у нас обеих не было никакого опыта. Ясное дело, Тэйт хотела лишиться его рассудка, поэтому я предложила посмотреть порно. Она категорично отказалась, сообщив, что не собирается смотреть сомнительные видео в интернете. Поэтому мы купили книгу онлайн.

Снова медленно втянув член Мэдока в рот до упора, обвела языком по кругу.

Стянув его брюки ниже задницы, ухватила за бедра для поддержки и стала двигаться быстрее. Он с такой силой сжал мои волосы в кулаке, что у корней начало саднить. Его член был полностью эрегирован – надеюсь, потому что на большее меня бы не хватило – и я наслаждалась, ощущая каждый сантиметр кожи.

Мэдок застонал, часто, поверхностно дыша. Мне нравилось видеть его таким взвинченным. Увидев его зажмуренные глаза, лицо, искаженное гримасой, будто он испытывал боль, внезапно захотела взобраться на него.

Оттянув мою голову от себя, Мэдок посмотрел на меня свирепо.

– Остановись, – произнес он на выдохе. – Я хочу тебя, но не на этом диване.

Облизав губы, сдвинула брови сконфуженно, однако решила не настаивать.

Какая разница, черт возьми? Диван, стул, пол...

Мэдок схватил меня за руку, потащил ко второму дивану, развернул и усадил поверх себя. Его эрекция оказалась у меня между ног, а потом...

Ого!

Запустив пальцы под резинку моих трусиков, он порвал их.

Без тонкой кружевной преграды пульсация внутри меня достигла такой силы, что пришлось закусить губу, чтобы не вскрикнуть.

Я потеряла контроль. Нагнувшись, провела языком по его губам, приподнялась. Мэдок провел головкой своего члена по моим складкам.

– Ох, Мэдок, – прошептала, задыхаясь.

Проклятье, как приятно.

Обхватив ладонями его щеки, заглянула ему в глаза, не переставая тереться об него.

– Почему ты оставил меня одну тогда? – отважилась поинтересоваться. Я предположила, что именно поэтому Мэдок чувствовал себя некомфортно на нашем диване. Может, из-за этого он ненавидел кинотеатр.

– Я не специально. – Раскаяние явно читалось в его взгляде. – Я укрыл тебя, – выдохнул он, закрыв глаза и наслаждаясь эффектом моих движений, – потом пошел в душ. Собирался вернуться, чтобы разбудить тебя, но, когда спустился, тут уже было пусто.

Все это время я думала, будто Мэдок, развлекшись, ушел спать и бросил меня.

– Я ненавижу эту гребанную комнату, – договорил он. Судя по тому, как приоткрылся и закрылся его рот, Мэдок хотел сказать еще что-то, но промолчал.

Подхватив пульт, включила стерео. Песня "Team" Lorde зазвучала из динамиков. Сжав кожаную спинку дивана обеими руками, опустилась на Мэдока, достаточно медленно, чтобы свести его с ума.

– Я заставлю тебя снова ее полюбить, – пообещала.

Он заполнил меня. Я запрокинула голову, ощущая его внутри себя.

Приглушенно зарывчав, Мэдок прикрыл веки.

– Не откажусь понаблюдать за твоими попытками.

Мэдок

– Вот ты где, – слышится голос у меня за спиной, и я напрягаюсь.

Повернувшись, вижу свою мачеху, Патрицию. Я не прячу свое недовольство, заметив ее белую короткую шелковую комбинацию.

Сжимая в руке бутылку воды, захлопываю дверцу холодильника и стараюсь избежать зрительного контакта. В голове шумит после алкоголя, поглощенного на вечеринке у костра, но это никоим образом не ослабляет неловкость ситуации.

Ее длинные белокурые волосы распущены, однако выглядят так, словно она их недавно уложила, да и макияж свежий. Поза тоже далеко не скромная. Положив одну руку на кухонный островок, а вторую уперев в бок, Патриция раскачивается игриво и улыбается.

– Где мой папа? – огрызаюсь я.

– Спит. – Она вздыхает. – В своей комнате. Ты хорошо провел ночь?

Почему она так мила в последнее время?

– Да, вплоть до последних нескольких минут, – отвечаю безжизненным тоном.

Я только что вернулся с гонок, где знатно уделал Лиама. Еще мне довелось лицезреть, как Татум Брандт гоняла для Джареда. Вкупе с последовавшей после вечеринкой, ночь выдалась занятная.

Но я устал, и не в настроении для яда Патриции.

Обойдя островок, направляюсь к выходу, когда она преграждает мне путь.

– Мэдок. – Патриция кладет руку на мою грудь. Я отстраняюсь назад. – Ты стал таким большим благодаря тренажерному залу. Хорошо выглядишь. – Она одобрительно кивает, затем смотрит на меня невинно. – Ты знал, что у твоего папы есть любовница?

Господи. Какого черта?

Патриция тоже не особо целомудренно выглядит в своей ночной рубашке. Я вижу сантиметры декольте и загар, гладкую кожу рук, плеч и ног. Она много времени проводит в спортзале, хорошо о себе заботится на деньги моего отца. В свои сорок Патриция выглядит значительно моложе.

В живот будто десятитонный груз ударяет, когда ее губы приближаются к моей шее.

Какого. Хрена?

Я отталкиваю ее руку.

– Ты серьезно? – У меня дыхание перехватывает от шока.

Пройдя мимо Патриции, сворачиваю в коридор, ведущий к домашнему кинотеатру. Только там мне хочется находиться в последнее время. Захлопываю дверь, падаю на диван (тот самый, на котором мы с Фэллон провели последнюю ночь вместе), роняю голову на спинку, закрываю глаза.

Сердце гроыхает в груди. Тело пылает от ярости.

Поверить не могу. Мачеха пыталась меня соблазнить.

Голова идет кругом. Я сжимаю переносицу, пытаюсь разогнать алкогольный туман, заставший мозг. Кожаная обивка дарит прохладу, отчего мое дыхание замедляется.

Не понимаю, почему до сих пор часто сплю в этой комнате, даже спустя столь долгое время.

Фэллон ушла. Я никогда ей не нравился, так почему же мне требовалось постоянное напоминание о ее предательстве?

Но все же... здесь мы проводили большую часть времени вдвоем, иногда в тишине, а один раз совсем не тихо.

– Посмотри на меня, – говорит Патриция. Я резко распахиваю глаза.

– Пошла вон! – кричу. Мои губы сжимаются, когда вижу ее, стоящую передо мной.

Почему я не запер долбанную дверь?

Поднявшись, приближаюсь к ней вплотную.

– Это моя комната. Убирайся.

Ее глаза восторженно сияют.

– Ты в настроении. Теперь я вижу, почему Фэллон тебя боялась.

Я качаю головой.

– Фэллон не боялась меня. Не знаю, что она тебе сказала, но...

– Она не могла с тобой справиться, Мэдок. – Патриция смотрит на меня, прикусывая нижнюю губу. – Фэллон – твоё прошлое. Тебе пора двигаться дальше. Она-то уж точно не стоит на месте.

– Что ты имеешь в виду?

– Она встречается с кем-то в своей новой школе. – После ее слов у меня в ушах звенит от бешеного пульса.

Едва обращаю внимание на то, как Патриция кладет руки на мою грудь, поглаживает через футболку.

– Фэллон не говорит о тебе и не спрашивает, Мэдок. Я прошу ее навещать нас. Она отказывается. Она не заслуживает мужчины, которым ты стал.

Я закрываю глаза, думая о времени, проведенном здесь с ней, о ночах, когда вспоминал ее, и понимаю, что это все – пустая трата времени. Черт, я знаю это. Конечно, я тоже встречался. Или просто спал – не так часто, как хвастался Джареду, но другие девушки у меня определенно были. Хотя мое сердце не принадлежало ни одной из них.

Шепот Патриции обдаёт мою кожу.

– Я знаю, чего ты желаешь. Что доставит тебе удовольствие. И я умею хранить секреты.

Она сокращает расстояние между нами, обвивает руками шею и накрывает мои губы своими.

Патриция стонет. Внезапно я не могу дышать.

Нет...

Нет.

Нет!

Схватив за плечи, отталкиваю ее от себя.

– Боже Правый! – ору я. – Какого хрена?

Ее лицо покраснелось. Она вздергивает бровь.

– Нет? – Патриция смеется. – Сомневаюсь, что ты действительно подразумеваешь отказ, Мэдок.

Мне хочется ее ударить. На самом деле, я хочу размазать ее по стене, стереть ее с лица земли. Но более того хочу, чтобы она ушла отсюда.

– Вон, – распоряжаюсь я.

Патриция подходит к дивану, ухмыляясь, и ложится. С поднятыми над головой руками она выглядит отвратительно.

– Заставь меня, – говорит она с вызовом. – Только тебе придется ко мне прикоснуться, чтобы это сделать.

Смотрю на нее. Патриция лежит на том же месте, где лежала Фэллон, когда я видел ее в последний раз. Одну руку она до сих пор держит над головой – подобный образ мне бы не хотелось сохранить в памяти.

Нацепив маску безразличия, тихо говорю:

– Уезжай завтра же, иначе я расскажу отцу о твоих выходках.

Я в любом случае должен ему рассказать.

Но, возможно, я не настроен защищать отца. Может, я хочу, чтобы он страдал в этом браке. Может, я ненавижу его за то, что он привел в наш дом этих двух стерв.

А может, я боюсь потерять Фэллон навсегда, если избавлюсь от Патриции.

Не знаю.

Оставив ее одну, выхожу из комнаты, достаю свой сотовый.

'Ты не спишь?' – набираю смс, но сразу иду к машине, не дожидаясь ответа.

Телефон вибрирует.

'Я в постели. Тебе придется приехать ко мне.'

Качаю головой, прекрасно зная, что это не проблема. Мне нужно выпустить пар. У нас с Джесс Каллен, капитаном команды по кроссу, завязалась дружба с привилегиями. Обожаю ее. Не в прямом смысле люблю, но я ее уважаю. К тому же она хорошая девчонка.

Пишу ответ: **'Буду через десять минут.'**

'До скорой встречи.'

Я ушел, и больше ноги моей не было в домашнем кинотеатре. До сегодняшнего вечера. Не раз я подумывал спалить гребанный диван, уничтоженный мерзостью этой женщины. Только после того случая Патриция отправилась в продолжительное путешествие; я не виделся с ней до вчерашнего утра, когда она угрожала забрать у меня Фэллон.

Увидев ее записку, я не обрадовался, как она рассчитывала, а испустил мученический стон. Мне не хотелось находиться в кинотеатре. И я уж точно чертовски не хотел, чтобы там находилась Фэллон.

Кто знает, какова будет ее реакция, если расскажу ей правду? Эта информация совершенно не важна, однако я не собирался рисковать и позволить какой-нибудь ерунде опять разрушить наше счастье.

Отнеся Фэллон в постель, я наклонился и поцеловал ее волосы. Она, наряду со мной, видела – наши родители жили так, как нам не хотелось жить. К счастью, благодаря такому примеру, мы ощущали, что уже повторили их ошибки. Теперь мы понимали, чего хотели.

Хоть я и знал, что Фэллон сильная, все равно ощущал потребность защитить ее, обеспечить всем.

Никто и ничто нас не остановит.

В течение следующих двух дней мы улаживали дела в Чикаго. Фэллон ходила на занятия, а я собирал документы, необходимые для перевода из одного колледжа в другой. По ночам, если у нее не было домашних заданий, мы подыскивали квартиру через интернет.

Фэллон пыталась связаться со своим отцом, чтобы рассказать ему о нашей свадьбе. Но, когда она вышла на одного из его людей, тот сказал, что Киаран в данный момент "недоступен".

Иными словами – его, скорее всего, задержали для допроса. Никто не мог оказаться "недоступен" в двадцать первом веке, только если у тебя сотовый не конфисковали.

– Дэниел, – сказала Фэллон подручному Киарана, с которым беседовала по телефону, – если до завтра я не получу вестей от папы, то сама пойду в полицию. Мне, по меньшей мере, надо знать, что он не мертв.

Был вечер четверга. Она сидела на диване в квартире Джаред, а мы с Тэйт только вернулись с пробежки. Обычно Фэллон составляла нам компанию, однако сегодня она решила остаться, чтобы сделать необходимые звонки.

Джаред до сих пор проходил учения в КВПОР. Он проявил несказанную любезность, позволив нам с Фэллон пожить в его квартире на этой неделе.

– Душ? – спросил у Фэллон, сняв свою пропитанную потом футболку.

Она подняла палец, сигнализируя мне подождать, и продолжила говорить по телефону.

Тэйт, все еще тяжело дыша, прошла в гостиную и взяла свой сотовый.

– Мама Джаред звонила, – пробормотала она себе под нос.

Нажав несколько клавиш, Тэйт поднесла трубку к уху, собираясь перезвонить Кэтрин, как я предположил.

Оставив девушек, чтобы они могли поговорить, направился в кухню, достал Гаторэйд из холодильника. Джаред, такой же потный, как и мы с Тэйт, вошел в квартиру, захлопнув за собой входную дверь.

– Брось мне один, – он указал на бутылку у меня в руке, после чего вытер пот с лица нижним краем своей футболки.

Я швырнул ему свой Гаторэйд и вытащил еще один из холодильника. Несколько минут мы молча пили и пытались отдышаться.

– Это дерьмо просто курам на смех, – проворчал Джаред, ухватив футболку на спине рукой и стянув ее с себя.

Ага. У меня в горле защекало от желания рассмеяться.

Мысль о Джаред в армии, какую отрасль он бы ни выбрал, по-прежнему казалась мне странной.

Джаред – часть команды. Джаред следует приказам. Джаред прилизанный, в униформе. Джаред в роли лидера? Ради блага человечества? Я лишь покачал головой на это.

– Ну, уйди, значит, – сказал ему. – Есть другие вещи, которым ты мог бы посвятить свою жизнь. В которых был бы хорош.

Он посмотрел на меня так, будто у меня появился третий глаз.

– Я не про КВПОР. А про Тэйт. Взгляни на нее.

Склонив голову, посмотрел на Тэйт, которая до сих пор разговаривала по телефону. Несмотря на то, что уже наступил октябрь, она бегала в коротких шортах и майке. Вероятно, чтобы его подразнить.

Я улыбнулся. Тэйт мне очень нравилась. Было время, когда я ее хотел. Но сейчас она мне стала практически сестрой.

То есть, сестрой, с которой я бы не переспал.

– А что с ней? – Я пожал плечами.

Джаред нахмурился.

– Она сводит меня с ума, вот что. Носит подобные шмотки, чтобы меня завести, и это срабатывает. В самом деле, я уже гуглю "бальные танцы" и смотрю, так ли уж они страшны. – Он глянул на меня, поморщившись. – Я поддаюсь.

Запрокинув голову назад, я рассмеялся.

– Похоже, ты вот-вот заплачешь, – выдавил сквозь смех.

– Ну, а ты бы это сделал? – Его слова прозвучали обвинительно.

Я закатил глаза.

– Ты меня давно знаешь, чувак? Я мало чего на свете не сделал бы.

Джаред зажмурился, прекрасно зная, что это правда, затем обернулся к Тэйт, вероятно, мечтая о тех вещах, которых его лишили.

Завершив разговор, Фэллон подошла ко мне. Улыбнувшись, приобняла ее одной рукой.

– Все в порядке? – спросил я.

Она кивнула.

– Пока да, – ответила Фэллон, после чего сморщила нос. – Тебе нужно в душ.

Я перевел взгляд на Джареда.

– Можно, мы первые душем воспользуемся?

Он сжал бутылку Гаторэйда в кулаке. Мне его было жаль. Джаред, наверно, тоже хотел принять душ вместе с Тэйт. Бедняга страдал.

– Ладно, – окликнула Тэйт. – Нам нужно собраться вместе для этого дела, так что слушайте.

Мы все повернулись к ней, когда она прошла к барной стойке.

Тэйт приподняла бровь, но от зрительного контакта с Джаредом воздержалась. Мне пришлось закусить губы, чтобы подавить смех.

– Твой папа. – Она глянула на меня. – И твоя мама. – Наконец, Тэйт посмотрела на Джареда. – Завтра идут на семейный благотворительный бал. – После этих слов она перевела взгляд с Фэллон на меня, подразумевая бал благотворительного фонда для детей-инвалидов "Триумф", который поддерживали наши родители.

Осмысливая услышанное, я был удивлен, однако дискомфорта подобная новость не вызвала.

Мой папа появится с Кэтрин в качестве пары на мероприятии,

организованном им и его женой.

Некоторым будет неловко. Но не мне.

– Поэтому, – продолжила Тэйт, – Кэтрин пригласила всех нас. Однако, мне кажется, мы ей больше нужны для моральной поддержки.

– Это она тебе сказала? – поинтересовался Джаред, явно забеспокоившись.

– Нет, но у меня сложилось такое впечатление. Она в первый раз появится на публике с твоим папой, – Тэйт глянула на меня, – а его жена тоже там будет со своими друзьями. – Она виновато посмотрела на Фэллон. – Уверена, пойдут пересуды. Для нас зарезервирован семейный столик, так что мы будем сидеть вместе во время ужина.

Я дернул подбородком в ее направлении.

– Джекс идет?

– Кэтрин сказала, что идет.

– Тогда хорошо, – согласился, прочистив горло. – Заметано.

– Фэллон? – Тэйт подняла свою сумку с барного табурета. – Встретимся завтра после полуденных пар, а потом отправимся за покупками?

– Договорились.

Посмотрев на меня, она скомандовала:

– А вы двое достаньте себе смокинги. – Тэйт и к Джареду обратилась, но не стала на него смотреть.

Она перекинула ремешок сумки через голову на плечо, подхватила свою куртку и пошла к двери.

– Куда ты собралась? – вспыхнул Джаред.

– Обратно в общагу, – рявкнула Тэйт, свернув за стену, ведущую к двери. Мы с Фэллон ее уже не видели, однако Джаред наградил свою девушку убийственным взглядом.

– Если только ты не передумал насчет танцев, – дразняще пропела она.

Он нахмурился, но через секунду его глаза расширились. Джаред подскочил со стула.

– Ты серьезно только что сверкнула мне своей голой задницей?

Входная дверь открылась и захлопнулась, а он помчался следом за Тэйт.

Фэллон

Всю дорогу я держала руки на коленях и сжимала кулаки с такой силой, что ногти впивались в ладони. Мое тело напоминало натянутую струну; я чувствовала, как пульс бился в шее.

Твою мать. Я не хотела встречаться с этой женщиной сегодня.

Или в любой другой вечер.

– Что ты делаешь? – спросил Мэдок, подъехав к парковщику, стоявшему у Леннокс Хаус – традиционного места проведения ежегодного благотворительно бала "Триумф".

Я нажала клавишу "Отправить", после чего убрала телефон в сумочку.

– Пишу сообщение папе, чтобы дать ему знать, где нахожусь, на случай, если у него появится возможность выйти на связь.

– Ты беспокоишься о нем.

Я покачала головой.

– Я беспокоюсь о тебе. – Ухмыльнувшись Мэдоку, постаралась скрыть свои опасения. – Папа все еще может тебя убить.

Его улыбка не ускользнула от моего внимания, когда он вылез из машины. Подойдя к моей стороне, Мэдок открыл дверцу, затем бросил свои ключи служащему.

– Он меня не убьет. – Мэдок поцеловал меня в лоб, после чего кивнул Джареду, который помогал Тэйт выйти из его машины, припаркованной позади нас.

– Ты так уверен.

Он фыркнул.

– Естественно. Меня все любят.

Да. Да, мы любим.

Когда я взяла его под руку, мы вошли в большой банкетный зал. Джаред и Тэйт последовали за нами. Парни выбрали черные шерстяные костюмы с белоснежными рубашками и черными шелковыми галстуками. Мэдок добавил темно-фиолетовый нагрудный платок; Джаред ничего добавлять не стал. Их туфли сияли, а волосы пребывали в очаровательном беспорядке. Глаз было не отвести от обоих.

Судя по тому, как дамы оборачивались нам вслед, полагаю, пялились они не на нас с Тэйт.

Ну, возможно. Мы тоже выглядели отлично. И я, и она решили отдать

предпочтение черному. Наш выбор пал на милые коктейльные платья.

Тэйт была в черном платье без рукавов с прозрачным верхним слоем и слегка расклешенной юбкой, длиной до середины бедра. На шифоне блестели шелковые горизонтальные полосы. Оно подчеркивало ее великолепные ноги и руки. Тэйт завila свои солнечные волосы и собрала их в низкий боковой хвост.

Я также выбрала платье без рукавов, но с эффектом драпировки. Воротник-лодочка окружал шею, смыкаясь на спине. Юбка была присобрана с левого бока и закреплена золотой пряжкой. Волосы я уложила крупными локонами, однако откинула их за плечо, чтобы чувствовать руку Мэдока у себя на спине.

Хоть мы с Тэйт и обули черные босоножки с ремешками на высоких шпильках, все равно чувствовали себя гораздо ниже наших мужчин.

Я вдохнула цветочный аромат, витавший в воздухе. Мать любила подобные мероприятия, несмотря на то, что участвовала в них лишь ради престижа.

– Вау, весело будет. – Сзади послышался саркастичный вздох Джареда.
– Где моя мама? И мой брат?

Никто не проронил ни слова, пока мы осматривали огромный зал в поисках Джейсона, Кэтрин и Джекса.

Помещение уже было забито людьми, заполнено звуками радостной болтовни, смеха и музыки. Стены украшали белые драпировки, повсюду были видны белые гирлянды и цветы. Сияющие окна пропускали лунный свет, который служил красивым дополнением мягкому освещению. Не слишком ярко, но и не мрачно.

На сцене, тоже декорированной в белых тонах, стояла трибуна, а приглашенная группа исполняла какие-то бодрые каверы. На танцполе было довольнолюдно – три-четыре десятка элегантно одетых пар уже танцевали; их улыбки сияли так же ярко, как их драгоценные украшения. Танцпол окружали круглые столики с белыми льняными скатертями, свечами и изящным хрусталем.

– Ладно, – подала голос Тэйт. – Побродим для начала...

– Добро пожаловать! – произнес до боли знакомый голос, из-за чего моя спина напряглась.

Повернувшись, вскинула бровь, глядя на мать, подошедшую к нам с бокалом шампанского, под руку с очень молодым эскортом.

Настолько молодой и красивый парень, явно выполнявший приказы, судя по виду, должен быть эскортом.

Мама надела длинное черное вечернее платье из кружева с рукавами-

крылышками. Ее белокурые волосы были собраны в элегантный тугой узел, макияж как всегда изумителен. Она выглядела лет на восемь младше своего возраста.

Встав перед нами, мать произнесла с наигранным беспокойством:

– Забавно. Не помню, чтобы присылала кому-либо из вас приглашения. Но... – Она посмотрела мне за плечо, скорее всего, похотливо уставившись на Джареда. Испытав отвращение, я решила не выяснять. – Вам здесь очень рады.

– Тебе незачем приглашать нас на торжества моей семьи, Патриция, – ответил Мэдок тихим, угрожающим тоном. – К тому же Фэллон имеет больше прав находиться здесь, чем ты. Забыла, что тебя вот-вот вышвырнут?

– Ох, точно. – Мама дернула подбородком, улыбнувшись. – Запомню о вашем браке. Поздравляю. – С глумливым выражением она опустила взгляд на мою руку. Мне захотелось ее ударить.

– Вижу, ты получила фамильное кольцо, – отметила мама, сделав глоток шампанского. – Оно тебя утешит одинокими ночами, пока твой муж будет трахать других. Наверно, он уже это делает. Его отцу много времени не потребовалось после нашей свадьбы.

Мэдок выступил вперед, но я его одернула.

– Нет, – предупредила. – Она хватается за соломинки. Пусть разбрасывается словами. – Затем я посмотрела на свою мать. – В конце концов, у нее кроме них ничего нет.

Ее лицо окаменело; она вздернула брови.

– Вот увидишь. Может, пройдет год, или пять, но ты увидишь.

Развернувшись, мать ушла, потащив за собой своего вычурно одетого и невероятно молчаливого мальчика.

– Ого. – Тэйт засмеялась так, как смеются, когда альтернативным вариантом являются только слезы. Я была знакома с подобным чувством.

– Ты в порядке? – поинтересовалась она, приблизившись ко мне.

– Все нормально. – Кивнув, отпустила руку Мэдока. Я не могла всю ночь держаться за него, словно за оберег. – Мне следовало ей врезать.

– Я бы врезала, – невозмутимо заявила Тэйт.

Джаред и Мэдок одновременно прыснули со смеху, а она потупила взгляд, пряча улыбку. У меня сложилось впечатление, что тут таилась какая-то шутка, которую я не поняла.

Тэйт ухмыльнулась, заметив мое замешательство.

– Насилием ничего не решишь, однако... – она сделала паузу, – с его помощью можно привлечь внимание людей. Иногда... я подчеркиваю –

иногда... лишь через насилие возможно добиться уважения некоторых. Возьмем Мэдока, к примеру. Я сломала ему нос и двинула по яйцам. Он наконец-то меня понял.

Стоп, что?

– В смысле? – Я перевела взгляд с Мэдока на Тэйт. Джаред закатил глаза, когда я глянула на него в поисках объяснения.

– Ты не рассказал ей о нас, мистер Не-Умею-Держать-Руки-При-Себе? – Она выжидательно посмотрела на Мэдока, отчего тот залился румянцем.

– Ага, спасибо, Тэйт. – Он отвернулся, будто горькую пилюлю проглотил. – Теперь придется объяснять.

Я сглотнула, сомневаясь, что мне понравится эта история.

Но Джаред, похоже, прочитал мои мысли.

– Не беспокойся, Фэллон, – утешил он. – Мэдок просто пытался свести меня с Тэйт. По его мнению, цель оправдывала средства, только и всего.

"Да уж, адвокатские задатки налицо", – подумала я про себя.

Мы наконец-то нашли Кэтрин и Джейсона. Следующий час провели либо неподалеку от них, либо на танцполе. Кэтрин выглядела сногшибательно в алом вечернем платье, похожем по стилю на мое, только длинном. Ее волосы цвета эспрессо были распущены и смотрелись очень красиво на фоне насыщенного цвета платья. Хотя мы и не сомневались, что ей требовалась наша моральная поддержка (ведь присутствующие знали, что она была любовницей Джейсона), очевидно, Кэтрин зря боялась. Вообще-то, все шло довольно неплохо.

Я поняла: пусть моя мать дружила с женами коллег мистера Карутерса, и они вполне могли принять ее сторону, однако эти дамы также знали, от кого больше пользы. Их мужья следовали за Джейсоном, а они следовали за своими мужьями.

– Ты отправил сообщение Джексу? – спросил Джаред у Мэдока, когда мы собрались возле бара. – Он мне не отвечает.

Мэдок достал телефон, просмотрел свои смс.

– Да, я два раза ему писал. Ответа не получил.

Джаред покачал головой. Он явно начинал беспокоиться.

Притянув меня к себе, Мэдок прошептал:

– Я собираюсь в уборную. Хочешь присоединиться? – спросил он, поиграв бровями.

– Ммммм. – Я приложила палец к подбородку, раздумывая. – Мэдок Карутерс пойман в компрометирующей позе со своей сводной сестрой в мужском туалете. Джейсон Карутерс опозорен на глазах всего Чикаго, – прочитала я воображаемый заголовок с улыбкой.

Он шлепнул меня по заднице, двинувшись спиной вперед, и произнес одними губами:

– Ты такая горячая.

Развернувшись, Мэдок скрылся в коридоре, в то время как Джаред увел Тэйт на танцпол. Я улыбнулась, глядя на них, благодарная, что мой муж не страдал такими заморочками относительно танцев. Они всего лишь слегка покачивались, обнимая друг друга, но с его стороны было мило хотя бы попытаться.

Дождаясь Мэдока, я осталась возле барной стойки, однако даже спустя пять минут он не вернулся. Пришлось сжать бедра в попытке проигнорировать его предложение к нему присоединиться.

Достав сотовый, заметила, что Джекс и мне не ответил. Странно. Не выходить на связь – не похоже на него. *Куда он делся?*

Я ступала осторожно, чтобы не споткнуться на своих высоких каблуках, лавируя между маленькими группками людей. Когда добралась до более тихого коридора, набрала номер Джекса и поднесла трубку к уху.

– Как сильно ты этого хочешь? – послышался голос моей матери из мужского туалета. Мой взгляд метнулся к створчатой двери. Она говорила тихо, соблазнительно, и это означало лишь одно.

Подойдя ближе, приоткрыла дверь, чтобы заглянуть внутрь. Они с Мэдоком стояли друг напротив друга. Я поморщилась, увидев, что она прислонилась к стене, задрав юбку до уровня бедер. Мэдок просто смотрел на нее.

Какого хрена он смотрел на нее?

Мэдок потер лоб ладонью.

– Ты действительно что-то с чем-то, да?

– У меня забронирован номер в "Фор Сизонс", Мэдок. Подумай, как приятно будет. Одна ночь со мной, и ты получишь то, что хочешь. Я откажусь от дома. Ты хотел меня той ночью, разве не так?

Той ночью? Что между ними произошло? Я с трудом могла расслышать их речь, в ушах так зашумело, что к глазам подступили слезы.

– Да, – выпалил он, принявшись мыть руки. – Настолько сильно хотел, что сбежал и переспал с другой сразу после того, как оставил тебя в домашнем кинотеатре.

О, Боже. Сжав кулаки, стала делать вдохи все быстрее и быстрее. Мое лицо пылало от злости. Ноги словно приковало к полу.

Какого черта? От удара моего кулака дверь распахнулась так резко, что врезалась в стену. Они оба обернулись лицом ко мне, однако я остановилась как вкопанная у порога.

– Фэллон! – Мать с показным энтузиазмом начала поправлять свое платье. Прижав ладонь к груди, она посмотрела на меня сочувственно.

– Фэллон. – Мэдок поднял руку и покачал головой, будто пытался остановить мои мысли. – Детка, это ерунда, ясно? Посмотри на меня.

– Я же тебе говорила, милая, – сказала мама. – Ты безразлична Мэдоку. У нас с ним...

– Нет никаких "нас"! – гаркнул он, послав ей убийственный взгляд.

– Значит, расскажи ей. – Она оттолкнулась от стены: лицо невозмутимое, голос спокойный. – Расскажи ей о том, что случилось в домашнем кинотеатре, как ты поцеловал меня...

– Заткнись! – Мэдок подошел ко мне. Он выглядел так, словно испытывал боль. – Фэллон, посмотри мне в глаза.

Что? Я потупила взгляд в пол, пытаюсь разобраться во всем.

– Спроси его, – донесся голос моей матери откуда-то сзади нас. – Я предупреждала, ему нельзя доверять, Фэллон.

Когда закрыла глаза, появилось ощущение, что мои ноги тают.

– Фэллон, ничего не было! – сказал кто-то. – Я не прикасался к ней. Она поцеловала меня...

Я ненавидела повороты. Закрытые двери.

До сих пор слышала, как они говорили, однако слов разобрать не могла. Я не чувствовала ног. Ничего не чувствовала ниже колен, даже если напрягала мышцы.

Меня не интересует твоя жизнь, Фэллон.

Знаешь, как я раньше тебя называл? Киска-которая-постоянно-под-рукой.

Я делала быстрые вдохи, но выдыхала медленно, как будто моему телу не хватало сил на следующий вздох. Быстрый вдох. Медленный выдох. Быстрый вдох. Медленный выдох.

Как он мог так поступить со мной? Как она могла?

Ты такая же шлюха, как и твоя мать. Слова Мэдока не ранили раньше, потому что я знала – это неправда. Почему они доставляли мне боль сейчас?

Ты действительно думала, что он тебя любил? Он использовал тебя!

Зажмурившись еще крепче, сглотнула. Глотай. Глотай.

Я услышала свое имя. Мэдок. Он звал меня по имени.

– Фэллон! Посмотри на меня!

Открой глаза! Что ты видишь?

Мои глаза распахнулись, и я увидела Мэдока. Он стоял предо мной. Едва не плача, сжимал мои плечи.

Кто ты? Плавный, с ирландским акцентом, голос отца окутал меня. Кто ты?

Я вновь и вновь сжимала кулаки и моргала, пока Мэдок целовал мой лоб.

Я не пытаюсь убить твоих демонов. Я действую с ними заодно.

Именно это делает Мэдока хорошим парнем, Фэллон. Он подбирает осколки.

Я чувствовала его ладони у себя на лице; большие пальцы поглаживали мои щеки.

Он подбирает осколки.

Пригрози этим еще раз. Я проломлю твоей головой стены, чтобы добраться до Фэллон.

Поторапливайтесь, Отец. Ей нужен поцелуй.

Мэдок.

Мое сердце переполнилось. Он мой. Он всегда был моим.

Мэдок. Мой Мэдок.

Заглянув ему в глаза, увидела любовь, беспокойство, страх...

Сохраняя зрительный контакт, заполняла свои легкие воздухом.

Что бы ни происходило на поверхности моря, это не потревожит спокойствия его глубин.

– Фэллон, пожалуйста, – умолял Мэдок. – Послушай меня.

– Нет, – в итоге пробормотала я, опустив руки и вздернув подбородок. – Замолчи, – сказала уверенно.

Обогнув его, медленно... очень медленно... приблизилась к матери, сложив руки на груди.

Сохраняя непроницаемое выражение на лице, склонилась к ней практически нос к носу и пригрозила тихо:

– Ищи адвоката. Мы с Мэдоком хотим наш дом. А союзников у тебя немного, матушка. Выступи против меня. И. Ты. Проиграешь, – процедила сквозь зубы

Не дав ей шанса отреагировать, развернулась и вышла из туалета, по пути схватив Мэдока за руку.

– Фэллон, позволь мне объяснить. Ничего не было, никогда. Патриция пыталась меня соблазнить, но я...

Резко остановившись, повернулась к нему лицом.

– Я даже слушать не хочу. Мне не нужны заверения, когда дело касается тебя.

Обхватив ладонями лицо Мэдока, припала к его губам. При первом же контакте я оказалось у него в плену. Я принадлежала Мэдоку телом и

душой. Нас никто не остановит. Особенно моя чудовищная мать.

Она не получила от меня разнос, который заслужила, только от него все равно толку бы не было. Я бы зря потратила время. Эта женщина уважала лишь деньги и власть, а я сейчас пригрозила ей и тем, и другим.

Если уделю ей больше внимания, поплачусь сама.

Больше. Никогда. У нас с Мэдоком целая жизнь впереди.

– Я тебя люблю, – прошептала против его губ.

Коснувшись своим лбом моего, он вздохнул.

– Слаба Богу. Ты меня напугала.

Услышав, как кто-то кашлянул, повернула голову. Мое сердце мгновенно подскочило к гортани.

– Папа! – воскликнула я. Вырвавшись из рук Мэдока, кинулась к отцу и обняла его, едва не сбив с ног.

Он закричал из-за силы столкновения, после чего сказал:

– Привет, малышка.

– С тобой все в порядке? – спросила я, отстранившись, чтобы получше его рассмотреть.

Папины светло-каштановые волосы были зачесаны назад, его лицо, обычно гладко выбритое, заросло щетиной с проседью. Он надел черный костюм от Армани, отдав предпочтение галстуку, так же как и Джаред с Мэдоком, вместо бабочек, в которых пришли все остальные мужчины.

– Все нормально. – Папа кивнул, поглаживая меня по рукам. – Извини, что заставил тебя волноваться.

Я хотела задать ему столько вопросов, но знала – сейчас не место и не время. Да он в любом случае мало чем делился. Отец доверял мне, однако, по-моему, считал, что дочери лучше не знать о его сомнительном бизнесе. Можно подумать, будто я сама ничего не замечала.

– Сэр, я – Мэдок. – Мой муж протянул ему руку. – На случай, если вы забыли.

Они встречались всего один раз, насколько мне известно. Но отец его точно запомнил бы. Особенно с учетом всего случившегося.

Заколебавшись на мгновение, папа ответил на рукопожатие.

– Я помню. И я знаю обо всем. – В его взгляде явно читалось предупреждение. – Здесь не место для подобного разговора, а я хотел бы сказать кое-что вам обоим, но пока ограничусь следующим. – Прищурившись, он посмотрел на Мэдока. – Ты же понимаешь, какой обузой сопровождается этот брак, верно?

Мэдок улыбнулся мне.

– Фэллон – не обуза, сэр.

– Я имею в виду не Фэллон, – возразил папа. – Я имею в виду себя. Поверь, ты не захочешь увидеть меня в роли рассерженного тестя. Счастье моего ребенка будет гарантом твоей безопасности. Понял?

Вау. Неловко-то как.

– Она будет счастлива, – уверил Мэдок, глядя моему отцу в глаза.

Я улыбнулась им обоим.

– Я уже счастлива.

Бесспорно, папе эта ситуация тяжело далась. Он редко видел меня, пока я росла; всегда тягался с моей матерью и своими рискованными делами, которые не позволяли ему быть таким отцом, каким он хотел быть. Но папа сам сделал выбор, и я не собиралась его жалеть. Я его любила. Только выбрала Мэдока. И всегда буду выбирать Мэдока.

– Поздравляю. – Отец поцеловал меня в щеку. – Но, пожалуйста, скажи мне, что вас обвенчал священник.

Мэдок прыснул со смеху, а я принялась рассказывать о нашей свадьбе, пока мы шли к столу.

Когда добрались до зала, заметили, что все уже сидели на местах: Джаред и Тэйт рядом, пустой стул сбоку от Джареда предназначался для Джекса, затем Кэтрин с Джейсоном, и еще три свободных стула для меня, Мэдока и моей матери.

Черта с два она присоединится к нашему столу, поэтому я усадила папу на одно место, а мы с Мэдоком заняли оставшиеся два.

Я представила отца Тэйт, Джареду и Кэтрин. Однако, когда добралась до Джейсона, тот не стал дожидаться своей очереди.

– Киаран. – Он кивнул, положив салфетку на колени.

– Джейсон, – ответил папа.

На этом их беседа подошла к концу.

Мистер Карутерс защищал парней вроде моего отца, но разводить с ними панибратство вряд ли желал.

К тому же он точно боялся связи своего сына с Пирсами.

Я была предана отцу, но мотивы Джейсона понимала.

Официанты начали разносить подносы с первым курсом, и присутствующие постепенно расслабились. Кэтрин разговаривала с Джаредом – вероятно, они до сих пор гадали, куда пропал Джекс; Тэйт рассказала мне и папе историю о том, как Мэдок пригласил ее на Осенний бал в выпускном классе. С совершенно неромантическими намерениями, как меня заверили.

А если нет, мне придется пресечь их совместные пробежки.

Группа наигрывала тихий джазовый мотив. Так как закуски подали,

когда гости общались и танцевали, обед из семи блюд начался с супа. Сливочный крем-суп из белой спаржи оказался великолепен, однако я по-прежнему не могла поверить, что люди раскошелились на десять тысяч за тарелку, чтобы сюда попасть. Ну, не за тарелку. За обед. Но таковы уж благотворительные мероприятия высшего общества, полагаю.

– Надеюсь, все приятно проводят вечер.

Моя мать подошла к столику. Я почувствовала тепло от прикосновения Мэдока к моей спине.

– Киаран, Кэтрин, – поприветствовала она. – Определенно не та публика, которую я ожидала увидеть сегодня. Наглости вам не занимать.

Я не видела мать, потому что она стояла позади меня, однако оборачиваться не собиралась. Но заметила, как глаза Кэтрин расширились, после чего ее взгляд опустился на стол.

– Достаточно, – вмешался Джейсон. – Я предупредил тебя, что приведу Кэтрин.

– Твоя потаскуха сидит на моем месте.

Джаред подскочил, едва не перевернув свой стул.

– Если вы не подниметесь и не уgomоните эту суку, – предупредил он отца Мэдока, – я уведу свою мать отсюда.

Встав, Джейсон попытался уладить инцидент.

– Никто не уйдет. Патриция. Ты закатываешь сцену. Перестань.

– Перестать? Но я уже не являюсь частью этой семейки. – Она скрестила руки; у нее на запястье висела маленькая сумочка. – Почему меня должно заботить, устраиваю ли я сцену? По сути, я еще даже не начинала. Может, я и проиграю битву в суде, но твоя шлюха будет втоптана в грязь у всех на глазах. Это лишь начало.

Внезапно раздавшиеся сигналы двух телефонов отвлекли внимание окружающих от Патриции и Джейсона.

Не сообразив, чей сотовый сработал, все полезли за телефонами.

Но затем послышалось еще несколько рингтонов. Каждый из нас получил сообщение.

Тэйт застонала.

– Это не предвещает ничего хорошего.

Интересно, что происходит?

Приподняв бровь, Джейсон посмотрел на мою мать, прежде чем прервал их спор, чтобы тоже проверить свой сотовый.

– Ох, черт, – пробормотал Мэдок, глядя на дисплей. – Это Джекс?

Казалось, он пришел в замешательство, поэтому я торопливо открыла свои сообщения. Проклятье, у меня глаза на лоб полезли.

Папа наклонился посмотреть, но я в ужасе прижала телефон к груди. Оглядев стол, увидела, что все замерли. У каждого на лице отражались различные эмоции в процессе просмотра видео.

У Джареда – злость.

У Тэйт – отвращение.

У Кэтрин – боль.

У Джейсона – смятение.

У Патриции – ужас.

У Мэдока – возмущение.

– Фэллон, – выдохнул он. – Это Джекс с твоей матерью?

Медленно отстранив сотовый от груди, вновь посмотрела на него. Ошибки быть не могло. Джекс сидел на кровати. Его волосы, собранные в хвост, спадали вниз по спине. Моя мать на нем сверху. Видео переключилось на момент, когда она слезла с Джекса и ушла в ванную. Он обернул белую простыню вокруг талии, после чего подошел к камере.

За столом никто не дышал.

– Привет. – Джекс улыбнулся. – Я – Джексон Трент. И мне семнадцать лет.

Затем он исчез. Экран почернел. Сердце каждого присутствующего, вероятно, колотилось так же быстро, как и мое.

Взгляды устремились на мою мать, все еще смотревшую на свой телефон, сжатый в дрожащей руке.

– Всем привет.

Мы синхронно вздрогнули. Джекс подошел к столику и выдвинул свой стул.

Он был одет так же, как Джаред, минус галстук. Волосы заплетены в три ряда кос над ушами и собраны в привычный конский хвост на затылке.

– Что это такое? – пискнула моя мать. Похоже, она была готова заплакать или умереть.

– Сядь, – распорядился Джекс, сжимая спинку стула. – Живо.

Ее глаза округлились. Она тяжело дышала. Неужели мама подумывала сбежать?

Джекс поднял свой сотовый.

– Это видео подготовлено для отправки каждому человеку, находящемуся в этом помещении. Сядь, – прорычал он тихо. Я никогда не слышала подобного тона от него.

Мать, словно в оцепенении, подошла и медленно опустилась на стул, не пряча глаз, но и не глядя ни на кого.

– Джейсон. Бумаги? – Джекс протянул руку ладонью вверх.

Одной рукой мистер Карутерс держался за стул Кэтрин.

– Поэтому ты мне написал?

– Я же сказал, чтобы ты мне доверился, – ответил он дерзко.

Джейсон достал из внутреннего кармана пиджака нечто похожее на правовые документы.

– Присядьте все, – скомандовал Джекс. – Вы привлекаете к нам внимание.

Стояли только папа Мэдока и Джаред. Не сводя с него взгляда, они сели на свои места.

Не знаю, почему никто ничего не сказал. Никто не задавал вопросов. Никто не озвучивал свои опасения. Мы просто заткнулись, наблюдая за тем, как Джекс взял весь стол под контроль.

– Джексон? – произнесла Кэтрин; паника исходила от нее, будто аромат парфюма. – Как ты мог так поступить?

Он посмотрел на нее невинно.

– Я сам тут жертва.

Однако угол его рта приподнялся. Он положил бумаги перед Патрицией, вместе с ручкой, которую достал из кармана.

– Это твоё пересмотренное соглашение о разводе, – пояснил Джейсон, нависая над плечом моей матери. – Неплохая доля наличных, никакого дома, никаких алиментов. Подписывай, – приказал он.

– Если ты думаешь...

– О, нет, – перебил ее Джекс. – Не разбрасывайся пустыми угрозами теперь. Она моя мама, во всех отношениях. – Он указал на Кэтрин. – А ты гадишь её счастьем. Это прекратится сейчас же.

Я моргнула. В глазах пекло, пока я взидала на развернувшуюся сцену с благоговением.

Манерой поведения Джекс напоминал мне моего отца. Собранный, спокойный. Папа всегда знал расклад, входя в комнату, он всегда был готов и не колебался.

Когда мать не послушалась, Джекс показал ей свой телефон.

– Ты ведь не хочешь, чтобы видео вышло за пределы нашего круга. Ты в курсе, что штат может выдвинуть обвинения, даже если я этого не сделаю?

Она яростно поджала губы, посмотрела по сторонам, словно ища путь к отступлению. Но мама все прекрасно понимала. Взяв ручку, она подписала документ в отмеченных графах.

– И здесь, – перевернув страницу, Джекс указал на нужное место.

– И здесь, – повторил он, снова перевернув страницу.

Через две секунды Джекс выхватил ручку из ее руки, сложил бумаги и поднялся, затем посмотрел на Джейсона.

– Чек?

Я едва не рассмеялась, когда Джейсон покачал головой, будто пытался понять, действительно ли это произошло.

Достав конверт из кармана, он протянул его Джексу.

Тот вручил моей матери, как я предположила, ее отступные и улыбнулся своей ясной, белоснежной улыбкой.

– Поздравляю. Вы разведены. – Потом он глянул обратно на мистера Карутерса. – Теперь дом?

Джейсон бросил ему еще одну папку с документами, которую он в свою очередь перекинул нам через стол.

– Домовладельцы. – Джекс кивнул. – Все счастливы?

Мы с Мэдоком открыли папку. Я прикрыла рот ладонью, увидев там права собственности на дом.

На наши имена.

– Джекс, – прошептала чуть слышно, потому что горло сдавило.

– А что насчет видео? – Более испуганной я мать в жизни не видела. Она практически тряслась, когда подняла взгляд на Джекса.

Он склонился к ее лицу и произнес таким тоном, словно разговаривал с ребенком:

– Твоя единственная забота сейчас – больше никогда меня не злить. Будешь хорошо себя вести, я тоже буду.

Подняв чек со столешницы, Джекс швырнул его Патриции в грудь.

– Уходи.

Сжав конверт, она вышла из банкетного зала, ни разу не оглянувшись. Я почувствовала, как Мэдок сжал мою левую руку, а папа взял за правую.

Мой муж.

Мой дом.

Я окинула взглядом сидевших за столом... *Моя семья.*

В груди все сотряслось от тихого истерического смеха.

– Просто невероятно. – Джейсон провел ладонью по лицу, в то время как официанты начали убирать суповые тарелки. – Я не уверен, что должен чувствовать сейчас по поводу всего этого, – пробормотал он, поднявшись, и протянул руку для рукопожатия. – Джексон, спасибо. Не знаю, что бы...

Замахнувшись, Джекс вмазал кулаком ему в челюсть, отчего папа Мэдока рухнул на пол. У всех спины вытянулись по струнке, а Кэтрин взвизгнула.

Послышался звон столовых приборов, разговоры в зале стихли. Гости,

поначалу не сообразившие, что происходило за нашим столиком, теперь уж точно нас заметили.

Джейсон лежал на полу, приподняв голову и прижимая ладонь к щеке.

– Джексон! – выкрикнула Кэтрин, подскочив со своего места вслед за Джаредом и Мэдоком.

Джекс стоял возле нее, глядя на мистера Карутерса.

– Тебе давным-давно следовало на ней жениться, – побранил он.

Поцеловав Кэтрин в щеку, Джекс развернулся и ушел.

Джаред, Тэйт, Мэдок и я, недолго думая, побежали за ним. Мама Джареда помогла Джейсону сесть, а помещение снова заполнилось разговорами.

– Джекс, стой! – крикнул Джаред.

Остановившись в фойе, он повернулся к нам лицом. Только я не позволила бы Джареду на него орать.

– Джекс, спасибо. – Я сделала шаг к нему. – Ты не должен был втягивать себя в подобную ситуацию ради нас. – Я прижала документы к груди обеими руками.

– Не парься. – Джекс сунул руки в карманы. Сейчас он больше походил на знакомого мне мальчика, чем на грозную личность, какой только что себя зарекомендовал.

Я покачала головой. К глазам подступили слезы.

– Я бы никогда не пожелала, чтобы ты...

– Все нормально, Фэллон, – перебил он. – Вы счастливы, Кэтрин счастлива, а это делает счастливым меня. – Глубоко вздохнув, Джекс хлопнул Мэдока по руке. – Увидимся завтра вечером на гонке.

Дернув подбородком в сторону Джареда, он двинулся к выходу; его брат и Тэйт последовали за ним.

Сильные руки Мэдока заключили меня в объятия. Я посмотрела на него сквозь пелену слез.

– Мы свободны, – прошептала.

Сжав мою задницу, он приподнял меня, провел языком по моим губам и поцеловал с таким напором, что мне пришлось ухватиться за его шею.

– Никто нас не остановит, – сипло прошептал Мэдок, не отстраняясь от моего рта.

Никто.

Кто-то кашлянул. Когда Мэдок поставил меня на землю, я распахнула глаза.

Мой отец стоял неподалеку, вероятно желая забыть то, что сейчас увидел.

– Я ухожу, – сообщил он.

Мэдок прочистил горло.

– Пойду, проверю, как там мой папа.

Улыбнувшись с благодарностью, потому что он дал мне возможность побыть с отцом наедине, проводила его взглядом.

А когда обняла папу, моментально почувствовала себя уютно, ощутив запах дорогой кожи и одеколона Ralph Lauren.

– Я собираюсь на выходные в Шелбурн-Фоллз, но вернусь в понедельник. Ты будешь в Чикаго?

– Да, – ответил отец. – Я позвоню тебе, пообедаем как-нибудь вместе. С вами обоими, – добавил он.

Я улыбнулась признательно. Он двинулся к дверям, но потом вдруг остановился.

– Фэллон? – папа обернулся. – А кто этот парнишка? – он указал на Джекса, беседовавшего с Джаредом и Тэйт на улице.

– Джексон Трент. Друг Мэдока.

– Что тебе о нем известно? – поинтересовался папа, все еще наблюдая за Джексом.

Немного, к сожалению.

– Эмм, ну, он живет у матери своего сводного брата. Отец в тюрьме, родная мама давно его бросила. Джекс учится в выпускном классе в школе. А что?

Он произнес тихо, как будто думая вслух:

– Очень впечатляющий молодой человек.

Мэдок

– Итак, что именно представляет собой Петля? – Фэллон натянула бейсболку на глаза, прислонившись головой к подголовнику.

– Тэйт тебе не рассказала?

– Я знаю, что там проходят гонки, – она зевнула. – Но это настоящий трек, или что?

– Тебе не обязательно было приходить сегодня. Ты устала. – Наклонившись, погладил ее по ноге.

– Я в порядке. – Фэллон старалась говорить бодро, даже с закрытыми глазами.

Безусловно, ей на этой неделе нелегко пришлось. Если не брать в расчет вчерашнее сплошное веселье в компании ее матери и отца, и появление Джекса, она к тому же вышла замуж несколько дней назад. Вкупе с занятиями и тем, как я не давал ей спать ночами, утомление сказывалось на теле Фэллон. Заметно.

Вчера мы добрались до постели только в третьем часу ночи, а утром встали рано, чтобы посмотреть квартиру перед отъездом в Шелбурн-Фоллз. Приехав домой, занялись перестановками в моей спальне, чтобы освободить место для вещей Фэллон.

Хоть нам и нравилось в Чикаго, свой дом мы любили больше. Тут мы будем растить наших детей.

Не то чтобы я уже обсуждал это с ней, но Фэллон забеременеет сразу после окончания колледжа.

Она согласится, разумеется. Мне никто отказать не может.

– Мы на месте, – объявил я, остановившись в конце подъездной аллеи, ведущей к Петле. Трек в форме прямоугольника с закругленными углами разветвлялся налево и направо перед нами. Я свернул направо, припарковался задним ходом у обочины на траве.

Кровь бурными потоками неслась по венам, наполняя меня энергией так быстро, что создавалось ощущение, будто я под кайфом.

Проклятье, как же приятно было вернуться сюда.

Я бы не признался никому, но новое поколение водителей, появившееся на треке в этом году, вызывало у меня легкую тревогу. Пусть студенты колледжей, вроде Джареда, Тэйт и меня, возвращались погонять время от времени, в основном тут тусовались ученики старшей школы.

Однако выбравшись из машины, увидел десять знакомых ребят, по меньшей мере – значит, я действительно был дома. Джаред и Тэйт уже стояли на треке. Их окружала толпа, включая Кейси, которая, должно быть, вернулась на выходные из Аризоны.

Оглядевшись, заметил ее бойфренда, Лиама, и наших с Джаредом общих друзей, также оставшихся поблизости от родного города.

Джекс держался позади; сидел на капоте своей машины с наушниками в ушах и наблюдал за публикой. Он никогда не гонял, даже если посещал гонки. У меня сложилось впечатление, что они навевали на него скуку, хотя я не раз говорил – непосредственно участвовать гораздо веселее, чем смотреть. По словам Джекса, он готовил что-то новое для Петли, однако подробностями с нами не делился. Зная его, я боялся спрашивать.

Фэллон вылезла из моего ГТО; я взял ее за руку и потащил на трек. Мы пробирались через толпу, игнорируя выкрики и поздравления со свадьбой. Я знал, что все они смеялись у меня за спиной.

Мэдок женился? *Ага, хватит заливать.*

Я брал пример с отца: не обращай на окружающих внимания, и они не будут обращать внимания на тебя. Нас с Фэллон понимали только близкие люди, а перед остальными мы отчитываться не собирались. Уверен, многие думали, что она от меня забеременела.

– Привет, дружище, – поприветствовал я Джареда, который отвернулся от Сэма с улыбкой на лице. "Inside the Fire" группы Disturbed гремела из стереосистемы его Босса. Прямо как в старые добрые времена.

Фэллон отошла поговорить с Тэйт, которая стояла, прислонившись спиной к своей машине, и болтала с Кейси.

– Ты улыбаешься, – отметил я плоским тоном, окинув Джареда взглядом. – Это странно.

Он сунул руки в передние карманы своей черной толстовки и пожал плечами.

– Почему я не должен улыбаться? Даже если проиграю – а это очень сомнительное "если" – Тэйт бросит свои выходки, и я больше не буду спать один. Завтра ее день рождения и наша годовщина. У меня есть планы.

Я посмеялся себе под нос, покачав головой.

– Мне так хотелось увидеть тебя исполняющим балльные танцы. – Сощурился, задумался. – Вообще-то...

Оглянувшись, увидел, что девушки до сих пор болтали.

– Тэйт! – окликнул я. – Иди сюда.

Послав мне раздраженный взгляд, она подошла к нам, Фэллон и Кейси последовали за ней.

– Я еду с тобой на пассажирском, – сказал ей.
– Зачеееем? – спросила Тэйт, растягивая звуки.
– На случай, если тебе понадобится совет. Я хочу, чтобы ты выиграла.
Я улыбнулся Джареду, заметив, как он вздернул бровь.
– Я уже гоняла, – возразила она так, словно я обвинил ее в неопытности. Легкий ветер колыхал ее волосы, задувал пряди в лицо.
Обхватив рукой талию Фэллон, притянул ее к себе.
– Ты не гоняла против Джареда, – я указал пальцем на Тэйт. – Я еду с тобой. И точка. Поедешь с нами? – поинтересовался, глянув на свою жену.
– О, нет, – встрял Джаред. – Если забираешь мою девчонку, я забираю твою. – Подцепив пальцем ворот футболки Фэллон, он перетянул ее на свою сторону. – Но не для помощи. Она – заложница.
– Ни за что! – выпалила Фэллон. – Можно подумать, я горю желанием погибнуть или получить серьезную травму перед толпой пьяных подростков на нелегальном гоночном треке, находящимся под покровительством нечистых на руку сил правопорядка.
– Ага, – отмахнулся я. – Она только испугается.
Взгляд ее зеленых глаз пронзил меня, подобно пулеметной очереди.
– Выкуси, – рявкнула Фэллон, скрестив руки на груди. – Вам крышка.
– Фэллон! – возмутилась Тэйт. – Ты моя подруга!
– Не переживай. – Посмотрев на нее, достал свой айпод из кармана пальто. – С нами ЭмСи Хаммер, – хвастливо заявил Джареду и Фэллон, указав на нас с Тэйт. – Мы неприкасаемы.
Тэйт моментально потеряла самообладание. Согнувшись пополам, она обхватила живот руками и рассмеялась над моим упоминанием песни ЭмСи Хаммера.
– Ты не включишь это дерьмо через мою стереосистему! – выдавила Тэйт сквозь смех.
– О, еще как включу, – пригрозил я.
Но потом вдруг мы все расправили плечи. Зак-Распорядитель протиснулся между двумя гонщиками – или скорее командами – и прочистил горло.
Поднеся ко рту сложенные рупором руки, он проорал в ночной воздух:
– Да. Начнутся. Игры!
Мы с Фэллон улыбнулись друг другу.
И пусть они никогда не заканчиваются.

В полуночном небе прогремел раскат грома; я распахнул глаза, когда эхо пронеслось по дому. Шум наконец-то затих. Я моргнул, ослепленный

вспышкой молнии, мелькнувшей за окном.

Повернув голову, увидел Фэллон, по-прежнему мирно спавшую в своей зеленой футболке и трусиках. Она скинула с себя одеяло. Это наша общая черта, как я заметил. Нам обоим во сне становилось слишком жарко.

Я обнаружил у Фэллон множество бзиков, и надеялся, что мои ее не очень сильно раздражали.

Кожа ее шеи блестела от испарины, губы приоткрылись и сомкнулись едва заметно. Задравшийся край футболки обнажил полоску живота; ее невинное лицо выглядело прекрасно.

Даже просто смотря на нее, почувствовал, что у меня началась эрекция. Мы уже атаковали друг друга после гонок. Я с Фэллон и Джаред с Тэйт вернулись домой сразу после заезда, пропустив вечеринку у костра. Они ушли в свою комнату, а мы поднялись в нашу.

Она поколотит меня, если разбужу ее, чтобы заняться сексом. Фэллон была измотана.

Глубоко вздохнув, откинул одеяло, поднялся с кровати, натянул свои пижамные брюки и вышел из спальни как можно скорее. Чем тверже я становился, тем быстрее таяло мое благородство.

Поэтому я ушел.

Спустился в подвал, поглаживая большим пальцем остальные. Уже несколько месяцев не играл и сейчас чувствовал приятный зуд в руках. Прохладу клавиш под подушечками моих пальцев.

Игра на рояле не была для меня наваждением или необходимостью. Однако я ценил этот навык. Каждый должен найти для себя способ самовыражения, снятия стресса или даже сексуальной неудовлетворенности, как в моем случае.

Отодвинув скамейку, сел за отреставрированный Стейнвей 1921 года, принадлежавший моей семье; пролистав нотные партитуры, выбрал произведение Дворжака.

Коснувшись пальцами клавиш, начал играть те же самые ноты, которые оттачивал годами с переменным успехом. Я редко менял музыку, предпочитал доводить произведение до идеала, прежде чем переключался на следующее, но, освоив мелодию, ловил себя на том, что добавлял собственные штрихи. Ускорял, замедлял, играл тише, громче... Один и тот же фрагмент может иметь множество значений, в зависимости от исполнителя.

Мне нравилась свобода изучения, возможность идти на риск.

То же самое можно сказать про скейтборд Фэллон. Она любила кататься, но только если ей не мешали делать это по-своему.

Прохладная кожа коснулась моих обнаженных плеч. Я выпрямился, убрал руки с клавиш.

– Эдди сказала, ты приходишь сюда играть по ночам. – Фэллон оперлась подбородком на мою макушку. – Почему просто не поднимешь рояль наверх?

Я взял ее за руки.

– Предпочитаю делать это в одиночестве.

– Ох, – тихо произнесла она. – Извини. – Затем Фэллон отстранилась.

– Нет, я не то имел в виду. – Обернувшись, притянул ее обратно, усадив к себе на колени. – В смысле, без отца. Мне нравится играть. Просто не хочу, чтобы меня заставляли.

Оседлав мои бедра, она прильнула спиной ко мне и посмотрела на клавиши.

– Это была печальная мелодия.

– Лучшая музыка всегда печальна, – сказал ей на ухо. – Но я счастлив.

Фэллон нежно провела рукой по клавишам, положив голову мне на плечо.

– Думаю, нам надо пойти на уроки танцев вместе с Джаредом и Тэйт. Будет весело. – Она приподнялась, поцеловав мою челюсть. – До сих пор не могу поверить, что он проиграл.

Моя грудь сотряслась от смеха.

– Джаред слил эту гонку. Ты же поняла, да?

– Ничего подобного, – настояла Фэллон. – Тэйт была великолепна. И...

Я прикусил ее шею. Она застонала, потеряв ход мысли раньше, чем успела договорить. Начал посасывать; все тело свело от нужды, когда уловил ее запах. Обхватив живот Фэллон, раздвинул ноги сильнее, тем самым шире разведя ее бедра. Не прекращая целовать ее шею, обнимая одной рукой, вторую просунул в ее пижамные шорты.

– Всегда готова для меня, – выдохнул, ощущая, насколько она влажная. Проложил дорожку из поцелуев по линии челюсти к уху. Жар через мои пальцы хлынул прямо к члену. Обводя клитор по кругу, чувствовал, как он твердеет под моими прикосновениями.

Заведя руку назад, она обхватила мой затылок.

– Завтра после хайкинга, – начала Фэллон, тяжело дыша, – нам нужно попробовать перенести рояль наверх. Может, позовем твоих друзей на помощь.

Она всерьез пыталась говорить об этом сейчас? Завтра утром мы собирались на прогулку с Лукасом, только в данный момент я хотел думать лишь о ней, больше ни о чем.

Когда я не прервал поцелуй, чтобы ответить, Фэллон прошептала с мольбой:

– Пожалуйста?

Моя рука, охватывающая ее живот, проскользнула под футболку.

– При одном условии. – Я покрывал ее губы быстрыми, жадными поцелуями. – Твою полурампу тоже поднимем.

Фэллон стала двигать бедрами, прижимаясь ко мне. Я закрыл глаза, меня словно волной накрыло.

– Не думаю, что Джейсону и Кэтрин придется по душе эта штука в гостиной. – Ее голос звучал так слабо. Я от этого возбуждался.

– Отлично, – пошутил я. – Потому что это не их гостиная. Дом принадлежит нам, забыла?

– Да, но они все еще тут живут.

Она права, конечно. Жилищные условия не поменялись. Кэтрин собиралась переехать к нам после того, как Джекс окончит школу весной. Фактически дом принадлежал нам, поэтому остальное меня не волновало.

Фэллон до сих пор медленно терлась о мой член. Я ввел свои пальцы в нее.

– Ладно, – сдалась она. – Полурампу тоже поднимем. Все будут в восторге, – добавила Фэллон саркастично.

Высунув руку из-под ее шорт, приподнял край футболки.

– Мне было бы куда веселее, если бы ты оказалась топлесс, – сказал, стягивая с нее футболку без сопротивления.

Положив ладони на внутренние поверхности бедер Фэллон, прижал ее задницу к себе, после чего подтолкнул ее своим телом, заставив склониться к клавишам.

Сдвинув волосы в сторону, провел языком по ее спине, периодически прерываясь, чтобы мягко прикусить или поцеловать.

Боже, я любил Фэллон. Ничего и никого в жизни я не хотел сильнее, и она принадлежала мне. Когда нам было по четырнадцать лет, Фэллон появилась в моей жизни вслед за жестокой и корыстной женщиной, однако я был готов все повторить. Каждую минуту. Каждую унцию боли. Я бы прошел через это вновь, чтобы добраться до нее.

– Мэдок? – прошептала она, склонив голову набок. – Что значит "Падший" [Fallen]? Татуировка у тебя на спине?

Вопросы.

– Там написано не "Падший". – Я опять принялся покрывать поцелуями ее спину, но она выпрямилась и обернулась ко мне. Ее глаза наполнились слезами.

– Фэллон? – Она сдвинула брови, когда понимание снизошло на нее.
Положив ладонь ей на щеку, поцеловал уголок рта.

– Сделал эту татуировку пару лет назад, – признался. – Я никогда тебя не забывал. Никогда не переставал любить тебя.

Фэллон закрыла глаза и, подняв руку, погладила меня по щеке.
Затем снова посмотрела на меня, едва заметно улыбнувшись.

– Потому что нас не остановить.

Нагнувшись, поцеловал ее крепко. *Чертовски верно.*

Саундтрек

"Far from Home" Five Finger Death Punch
"All I Want Is You" U2
"Numb" Linkin Park
"Headstrong" Trapt
"21 Guns" Green Day
"Why Don't You Get a Job?" The Offspring
"La La" Ashlee Simpson
"All I Need" Method Man
"What I Got" Sublime
"Whore" In This Moment
"Say Something" A Great Big World
"Schism" Tool
"Rockstar" Nickelback
"You're Gonna Go Far, Kid" The Offspring
"Sail" AWOLNATION
"Inside the Fire" Disturbed
"Team" Lorde
"Silhouettes" Smile Empty Soul
"Paradise City" Guns N' Roses

Порядок книг в серии

Агрессор (Fall Away. Потерянная дружба #1)

До тебя (Fall Away. Потерянная дружба #1.5)

Соперник (Fall Away. Потерянная дружба #2)

Покинутые (Fall Away. Потерянная дружба #3)

Объятые пламенем (Fall Away. Потерянная дружба #4) – апрель 2015